

SOCI@COM

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ
Том 3 №3

ISSN 2658-5855

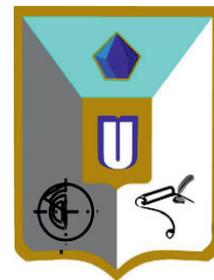
2018

SOCIAL COMPETENCE

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ
КОМПЕТЕНТНОСТЬ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии ИРНИТУ

Заместитель главного редактора – Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ

Ответственный за выпуск – Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления ИГУ

Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ

Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заместитель директора Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области

Мушинский Михаил Адеилович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции ИРНИТУ

Дементьева Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, и.о. директора Института лингвистики и межкультурных коммуникаций ИРНИТУ

Татарников Владимир Германович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции ИРНИТУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета

Казаков Алексей Аширович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, доцент филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета, Президент Международной Академии психологических наук

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия»

Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Поздеев Вячеслав Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Туяя Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университета науки и технологий

Хагуров Темыр Айтчевич, доктор социологических наук, профессор Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук

Эрдэнэмаам Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета

SOCIAL COMPETENCE

EDITORIAL COLLEGIUM OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief – Struk Elena Nikolayevna, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Sociology and Psychology Department in INRTU

Deputy Editor-in-Chief – Sidorova Natalya Vasilyevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Responsible to sign off the issue – Kopalkina Evgeniya Gennadyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Karmadonov Oleg Anatolyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of State and Municipal Management Department in ISU

Pulyaevskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Criminal Law Department, Deputy Director of East-Siberian Branch of the Russian Academy of Justice, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region

Mushinskiy Mikhail Adeilovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Jurisprudence Department in INRTU

Dementyeva Olga Vyacheslavovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Director of Linguistics and Cross-Cultural Communication Institute in INRTU

Tatarnikov Vladimir Germanovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Jurisprudence Department in INRTU

EDITORIAL BOARD

Baikov Nikolay Mikhailovich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

Vorotilkina Elena Mikhailovna, PhD in Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department in Priamursky State University

Kazakov Alexey Ashirovitch, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian and Foreign Literature Department, Associate Professor of Faculty of Philology at National Research Tomsk State University

Kozlov Vladimir Vasilyevich, PhD in Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology in Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences

Lipatova Lyudmila Nikolayevna, PhD in Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution “Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic”

Podlinyaev Oleg Leonidovich, PhD in Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department in Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

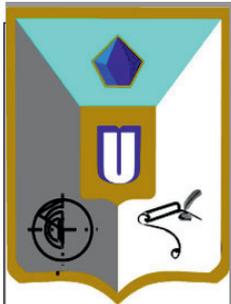
Pozdeev Vyacheslav Alexeevitch, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods Department at Vyatka State University

Romashov Roman Anatolyevich, PhD in Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Department in St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honoured Scholar of the Russian Federation

Tuya Gotovyn, PhD, Head of European Studies Department in Mongolian State University of Science and Technology

Hagurov Temyr Aitechevich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Kuban State University, Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Federation. Full Member of the Russian Academy of Social Sciences

Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department in Mongolian State University

Том 3, № 3

2018

SOCI@COM

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Содержание

Слово главного редактора.....	5
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Степаненко О.Г. Влияние наименования места происхождения товара как объекта интеллектуальной собственности на геобрендинг.....	6
Татарников В.Г., Никитин Ю.П. К вопросу об объекте преступлений, связанных с незаконной рубкой леса.....	13
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Ганшин К.А. Использование системы Moodle в дистанционном обучении английскому языку детей-инвалидов.....	20
Романова О.В. Возможности содержания курса химии для развития творческой личности школьника.....	25
Федотова Т.В. Региональная топонимика как одно из направлений по реализации регионального компонента (на материале топонимии Кубани).....	32
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Большов В.Б. Репетиторство как фактор социального неравенства в образовательной среде.....	39
Вагенлентнер М.С. Адаптация иностранных студентов в российском вузе (на примере Иркутского национального исследовательского технического университета).....	49
Дружинина Н.С. Инновации в современном образовании: понятие, сущность, классификация.....	56
Колпина Л.В. Опыт формирования социального здоровья населения старших возрастных групп.....	63
Копалкина Е.Г. Отношение к буддизму и православию на современном этапе развития российского общества.....	72
Лежнева Н.В. Инновационная предпринимательская деятельность в регионах: раскрытие сущности понятия.....	79
Нагорнова А.Ю. Характеристика ценностей японской молодежи. Синдром хикикамори.....	84
Соловьева Т.С. Доступность и качество дошкольного образования: социологический аспект.....	89

SOCIAL COMPETENCE

Contents

A letter from the editor-in-chief.....	5
JURIDICAL SCIENCES	
Stepanenko O.G. Impact of appellation of origin of goods as intellectual property object on geobranding.....	6
Tatarnikov V.G., Nikitin Yu.P. Revisiting the object of crimes related to illegal logging.....	13
PEDAGOGICAL SCIENCES	
Ganshin K.A. Moodle system in distance teaching English to children with special needs.....	20
Romanova O.V. Content opportunities of chemistry program for development of schoolchildren' creative personality.....	25
Fedotova T.V. Regional toponymics as an area of focus for implementing the regional component (in case of Kuban toponymy).....	32
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Bolshov V.B. Tutoring as a factor of social inequality in the educational environment.....	39
Vagentletner M.S. Foreign students' adaptation in Russian universities (in case of Irkutsk National Research Technical University).....	49
Druzhinina N.S. Innovations in modern education: concept, essence, classification.....	56
Kolpina L.V. Formation experience of senior age group population's social health.....	63
Kopalkina E.G. Attitude to Buddhism and Orthodox Christianity at the modern stage of Russian society development.....	72
Lezhneva N.V. Innovative business activity in regions: essence of the concept.....	79
Nagornova A.Yu. Characteristics of Japanese youth values and hikikamori syndrome.....	84
Solov'eva T.S. Accessibility and quality of preschool education: sociological aspect.....	89

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Рада вас приветствовать, дорогие коллеги!

Этот номер юбилейный, ровно два года назад вышел первый выпуск нашего журнала. За истекший год многое изменилось, и, конечно же, в лучшую сторону. Проблематика журнала привлекает с каждым разом новых авторов из разных регионов, что очень приятно, изменилась обложка журнала, которая выдержана в строгой научной, но вместе с тем презентабельной форме.

Неизменным остается только та серьезная и кропотливая работа, которая выполняется редакторами, рецензентами, коллективом редакционной коллегии, направленная на сохранение качества публикуемого материала.

По-прежнему все статьи будут представлены в трех блоках: педагогические науки, юридические науки и социологические науки, что в наибольшей степени соответствует политике журнала, так

как он готовится к включению в Перечень ВАК.

В данном номере в разделе «Педагогические науки» интересно представлены результаты исследований, посвященных использованию системы Moodle в дистанционном обучении английскому языку детей-инвалидов (К.А. Ганшин, г. Красноярск); возможностям содержания курса химии для развития творческой личности школьника (О.В. Романова, г. Ростов-на-Дону); региональной топонимики как одному из направлений по реализации регионального компонента на материале топонимии Кубани (Т.В. Федотова, г. Краснодар).

Раздел «Юридические науки» раскрывает актуальные правовые проблемы, анализируемые нашими иркутскими исследователями – В.Г. Татарниковым (ИРНИТУ), Ю.П. Никитиным (ВСИ МВД РФ), которые в совместной работе поднимают вопрос об объекте преступлений, связанных с незаконной рубкой леса, а также О.Г. Степаненко (ИРНИТУ), исследующей влияние наименования места происхождения товара как объекта интеллектуальной собственности на геобрендинг.

Самым объемным в выпуске является раздел «Социологические науки», в котором подробно представлены следующие темы: анализ репетиторства как фактора социального неравенства в образовательной среде (В.Б. Большов, г. Краснодар); адаптация иностранных студентов в российском вузе на примере ИРНИТУ (М.С. Вагенлентнер, ИРНИТУ); понятие, сущность и классификация инноваций в современном образовании (Н.С. Дружинина, ИРНИТУ); опыт формирования социального здоровья населения старших возрастных групп (Л.В. Колпина, г. Белгород); отношение к буддизму и православью на современном этапе развития российского общества (Е.Г. Копалкина, ИРНИТУ); сущность понятия инновационной предпринимательской деятельности в регионах (Н.В. Лежнева, г. Троицк Челябинской области); ценности японской молодежи и синдром хикикамори (А.Ю. Нагорнова, г. Токио, Япония); доступность и качество дошкольного образования (Т.С. Соловьева, г. Вологда).

Редакционная коллегия благодарит авторов, редакторов, рецензентов. Спасибо большое за проделанную работу! Приятного и полезного чтения в новом учебном году!

**Елена Струк, главный редактор,
доктор философских наук**

ВЛИЯНИЕ НАИМЕНОВАНИЯ МЕСТА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРА КАК ОБЪЕКТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ГЕОБРЕНДИНГ

© О.Г. Степаненко

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация: В последние несколько лет вопросы имиджа, брендов регионов и страны в целом являются крайне актуальными. Как показывает практика, в настоящее время присутствует конкуренция не только среди компаний, но и регионы также конкурируют друг с другом, в частности за привлечение инвестиций. Требуются поиски механизмов, способных эффективно влиять на бренд региона. Одним из таких механизмов, улучшающих бренд региона, может стать индивидуализация товаров, происходящих с определенной территории, обладающих особыми свойствами, которые исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами. В зависимости от влияния каких-либо причин формируются особые свойства товара. Такие свойства товар может приобретать за счет природных или человеческих факторов либо их сочетания. Однако независимо от этого наименование места происхождения товара всегда гарантирует наличие в товаре особых свойств, так как они, а также определенная степень известности являются условиями получения правовой охраны. Любой из перечисленных видов наименования места происхождения товара способствует известности и формированию положительного имиджа территории, на которой он производится. В существующей европейской системе индивидуализации товаров охраняемое наименование места происхождения соответствует российскому наименованию места происхождения, в то время как охраняемое географическое указание в российском законодательстве не предусмотрено. В целях унификации законодательства, а также распространения положительного европейского опыта предлагается ввести в Гражданский кодекс Российской Федерации новые средства индивидуализации географических указаний. Однако, несмотря на большой потенциал, в России зарегистрировано всего 169 наименований мест происхождения товаров, поэтому требуются определенные меры по увеличению их количества, которые будут включать в себя не только господдержку, но и продвижение товаров с помощью коммуникационного проекта «Сделано в России». В статье рассматриваются вопросы использования наименования места происхождения товара как механизма, позволяющего влиять на геобрендинг, высказываются предложения по совершенствованию механизмов применения данного института.

Ключевые слова: наименование места происхождения товара, интеллектуальная собственность, географическое указание, геобрендинг.

Информация о статье: Дата поступления 20 августа 2018 г.; дата принятия к печати 19 сентября 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2018 г.

Для цитирования: Степаненко О.Г. Влияние наименования места происхождения товара как объекта интеллектуальной собственности на геобрендинг. *Социальная компетентность*. 2018;3(3):6–12.

IMPACT OF APPELLATION OF ORIGIN OF GOODS AS INTELLECTUAL PROPERTY OBJECT ON GEOBRANDING

© Olga G. Stepanenko

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract: In the last few years, the issues of image, brand of regions and the country as a whole are particularly relevant. As practice shows, currently there is competition not only among companies, but also regions compete with each other, in particular, for attracting investments. The search for mechanisms that can effectively influence the brand of the region is necessary. One of such mechanisms that improve the brand of the region can be differentiation of a product originating in a certain territory, having special properties that are exclusively or

mainly determined by the natural conditions and (or) human factors peculiar to a given geographical object. Depending on the impact of any reasons the special properties of the goods are formed. Goods can acquire such properties due to natural or human factors or their combination. However, regardless of this, the appellation of origin of goods always guarantees the presence of special properties in goods, since they and reputation are conditions for obtaining legal protection. Any of the listed types of appellation of origin of goods contributes to reputation and formation of a positive image of the territory where it is produced. In the current European system of product differentiation, the protected appellation of origin corresponds to the Russian appellation of origin, while the protected geographical indication is not provided in Russian legislation. In order to unify the legislation, as well as to spread the positive European experience, it is proposed to introduce new means of individualizing geographical indications into the Civil Code of the Russian Federation. However, despite the great potential, there are only 169 appellations of origin of goods registered in Russia, so certain measures are required to increase their number, which will include not only state support, but also the promotion of goods through the "Made in Russia" communication project. The article discusses the use of appellations of origin of goods as a mechanism to influence geobranding, suggests ideas for improving the mechanisms of applying this institution.

Keywords: *appellation of origin of goods, intellectual property, geographical indication, geobranding*

Article info: Received August 20, 2018; accepted September 19, 2018; available online September 30, 2018.

For citation: Stepanenko O.G. Impact of appellation of origin of goods as intellectual property object on geobranding. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. 2018;3(3):6–12. (In Russ.).

Наименование места происхождения товара (далее – НМПТ) – это получившее правовую охрану обозначение, представляющее собой либо содержащее современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, а также обозначение, производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами. Кроме того, НМПТ может быть признано обозначение, которое позволяет идентифицировать товар как происходящий с территории определенного географического объекта и, хотя не содержит наименования этого объекта, но стало известным в результате использования данного обозначения в отношении товара, особые свойства которого также исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами.

В России НМПТ является одним из 16 объектов интеллектуальной собственности, которым предоставляется правовая охрана.

Относится к группе средств индивидуализации, позволяет выделить товар из совокупности других товаров благодаря известности его особых свойств, полученных вследствие создания в определенном географическом регионе. В зависимости от воздействия природных или человеческих факторов формируются особые свойства товара. Характерно также сочетание человеческих и природных факторов. В качестве примера товаров третьей группы можно привести оренбургский пуховый платок (номер государственной регистрации 58), каслинское литье (номер государственной регистрации 48) и т. д.

Оренбургский пуховый платок относится к пуховязальному промыслу, возникшему в России более 250 лет назад. Производится в Оренбургской области, территория которой охватывает юго-восточную окраину Восточно-Европейской равнины, южную оконечность Урала и южное Зауралье. Пуховые изделия производятся из пуха коз особой породы, что придает изделию легкость, ажурность и прочность. Особая тонкость платка позволяет уложить платок «паутинку» в скорлупу гусиного яйца или пропустить через обручальное кольцо. Платки производятся и механизированным способом, но наибольшей популярностью пользуются платки именно ручной выработки. Мастерицы выработали большое количество пер-

вичных орнаментов, и каждый раз плетя новый платок, создают новую композицию, повторить которую сложно (Китайский, 2011. С. 105–107).

Каслинское литье – производство художественных изделий из чугуна в г. Касли. Город расположен на севере Челябинской области в 90 км от Челябинска. Графическая четкость силуэта, тонкость и чистота ажурного рисунка, тщательная отделка деталей, характерная для каслинского литья, возможна благодаря особенностям каслинских формовочных песков, высокому качеству чугуна, а также умению местных мастеров (Китайский, 2011. С. 107–108). Одним из ярких примеров Каслинского литья является скульптура Н.А. Лаверецкого «Россия», которая в настоящее время стоит в Кремле. Копия этой скульптуры получила «Гран-при» на Всемирной выставке прикладного искусства 1900 г. в Париже.

По мнению С.А. Горленко, главного научного сотрудника Федерального института промышленной собственности, которое является учреждением, подведомственным патентному ведомству России, НМПТ – объект интеллектуальной собственности, который способен привлекать к товарам внимание широкой общественности (Горленко). Действительно, НМПТ всегда гарантирует потребителю наличие в товаре особых свойств, которые формируются под воздействием природных условий и (или) людских факторов. Ведь именно наличие особых свойств, а также определенная степень известности являются условиями для получения правовой охраны. Соответственно, у потребителя может быть больше оснований доверять этому товару, что ведет к увеличению объемов продаж.

Любой из указанных видов НМПТ будет способствовать формированию положительного имиджа территории, где он производится, и принесет ей известность. Так, например, г. Новороссийск широко известен в России благодаря винам Абрау-Дюрсо (регистрационный номер 17), а г. Уфа в Республике Башкортостан считается «столицей меда», потому что является родиной Башкирского меда (регистрационный номер 83). Известность и востребованность таких продуктов способствуют созданию новых рабочих мест, развитию малого и среднего бизнеса.

Одним из стратегических направлений роста экономики Иркутской области является развитие туристической сферы, где НМПТ станет двигателем прогресса. Это позволит сохранить сельские поселения как места традиционного бытования народных художественных промыслов, развить такие направления туризма, как агротуризм и этнотуризм (Горленко).

Согласимся с мнением Д.Г. Галкина, что «наиболее конкурентоспособны те регионы, где высока квалификация населения, имеются сильные бренды, высок уровень изобретательской активности. При этом регионы, на территории которых сосредоточены уникальные природные ресурсы, трудовые ресурсы, обладающие определенными знаниями и навыками, и с помощью этих ресурсов изготавливается продукция, обладают уникальным нематериальным активом – НМПТ» (Галкин, 2012. С. 96).

Изначально НМПТ может быть зарегистрировано одним или несколькими гражданами либо юридическими лицами (Гражданский кодекс Российской Федерации). Этим же лицам будет предоставлено исключительное право использования этого наименования, например, размещение на этикетках, товарах, упаковке товаров, которые вводятся в гражданский оборот на территории Российской Федерации. Однако исключительное право использования НМПТ в отношении того же наименования может быть предоставлено любому лицу, которое в границах того же географического объекта производит товар, обладающий теми же особыми свойствами. Таким образом, особенностью НМПТ как средства индивидуализации товара является то, что на одной территории может быть несколько производителей товаров с особыми свойствами, которые индивидуализированы одним и тем же НМПТ. Вследствие этого не возникает монополии, характерной, например, для товарных знаков, в отношении товаропроизводителей, работающих в границах того же географического объекта и производящих товар с теми же особыми свойствами.

При этом от всех других товаропроизводителей правообладатели будут защищены. Гражданский Кодекс РФ (ст. 1537) предусматривает гражданско-правовую ответственность за незаконное использование НМПТ. Например, правообладатель вправе

требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков (размер которых нужно доказать) выплаты компенсации (достаточно доказать лишь факт нарушения права) в размере от 10 тыс. до 5 млн руб., определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения либо в двукратном размере стоимости контрафактных товаров, на которых незаконно размещено НМПТ.

В настоящее время в Российской Федерации зарегистрировано всего 169 НМПТ (Открытые реестры ФИПС), что явно не соответствует потенциалу такого объекта интеллектуальной собственности. В качестве причин можно указать относительно недолгий срок существования в российском законодательстве института НМПТ. Отечественное законодательство, устанавливающее правила в отношении НМПТ, начало развиваться с 1974 г. Как отмечает В.В. Орлова, первое явное указание со стороны государства появилось в Положении о товарных знаках, утвержденном Государственным комитетом Совета министров СССР по делам изобретений и открытий 8 января 1974 г. (Близнец, Гаврилов, Добрынин, Леонтьев, Мухамедшин, Орлова, Синельникова, Тыцкая, 2016. С. 394). В настоящее время комплексное регулирование НМПТ получило в ч. 4 Гражданского Кодекса РФ. Необходимо отметить, что Россия в данном вопросе не может считаться лидером, С.В. Знаменская считает, что «существенная масса охраняемых географических указаний сконцентрирована за рубежом, и именно иностранное европейское законодательство сформировалось раньше российского и является наиболее передовым в области охраны данного средства индивидуализации»¹. В гражданское законодательство Российской Федерации, регулирующее средства индивидуализации товаров, представляется обоснованным внесение изменений, закрепляющих, наравне с НМПТ, географические указания (Географические указания).

Другой причиной небольшого количества НМПТ является отсутствие мер государственной поддержки. В решении Совета

по вопросам интеллектуальной собственности при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ «О роли российских регионов в развитии рынка интеллектуальных прав» от 7 ноября 2013 г. отмечена ценность НМПТ как важного инструмента экономического развития регионов (Матвиенко посоветовала регионам заняться геобрендингом). Представляется, что за этим должны были последовать конкретные меры поддержки. На региональном уровне поддержка малых и средних предприятий, выпускающих товар, индивидуализированный НМПТ, может осуществляться даже в рамках действующей государственной программы «Государственная поддержка приоритетных отраслей экономики» на 2014–2018 гг. Как уже отмечалось в Иркутской области поддержка малого и среднего предпринимательства осуществляется в рамках реализации мероприятий подпрограммы «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Иркутской области» на 2014–2018 гг. (Степаненко, 2015). Система мер предусматривает как финансовую (в частности, компенсация части затрат по уплате лизинговых платежей, субсидирование части затрат субъектов малого и среднего предпринимательства на приобретение производственного оборудования, поддержка начинающих), так и нефинансовую помощь (поддержка молодёжного предпринимательства, путем вовлечения молодежи в предпринимательство, создание положительного имиджа предпринимателя и предпринимательской деятельности, развитие социального предпринимательства). Для получения финансовой поддержки необходимо набрать определенное количество баллов по запланированным параметрам. Если в параметры внести выпуск товара, индивидуализированного НМПТ, то регион получит еще один аргумент в пользу создания предприятий, выпускающих товар, который индивидуализирован НМПТ.

В регионах для малых и средних инновационных предприятий существуют про-

¹ Знаменская С.В. Правовая охрана наименований мест происхождения товаров в России и за рубежом: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2016. 259 с. / Znamenskaya S.V. Legal protection of

appellations of origin of goods in Russia and abroad: extended abstract of cand. dissertation (Jurisprudence): 12.00.03. M., 2016. 259 p.

граммы, которые предусматривают субсидирование арендных платежей, процентной ставки по кредитам, затрат компаний по участию в выставочно-ярмарочных мероприятиях. Представляется, что для предприятий, выпускающих товар, индивидуализированный НМПТ, также могут быть приняты подобные программы.

Для развития НМПТ может быть использован ресурс коммуникационного проекта «Сделано в России» (Сделано в России (национальный бренд)). Проект реализуется при поддержке государства, нацелен на повышение узнаваемости товаров российского производства за рубежом и их продвижение на внутреннем и внешнем рынках, популяризацию российского бизнеса и культуры. Методы проекта: медиа-платформа, многоязычный портал, каталоги с информацией об отечественных компаниях-экспортерах, единый фирменный стиль. На настоящий момент в каталоге 194 компании, в том числе «Тенториум» (продукты пчеловодства), госкорпорация «Роскосмос», компания «Сибирский знахарь» и др.

Одним из методов популяризации НМПТ является проведение семинаров с участием патентного ведомства Российской Федерации, Всемирной организации интеллектуальной собственности, представителей органов власти. В сентябре 2016 г. в Иркутске состоялся национальный семинар «Наименование мест происхождения товаров: анализ ситуации и последние события на мировой арене». Организаторами семинара выступили Всемирная организация интеллектуальной собственности, Роспатент, Центр поддержки технологий и инноваций Иркутского национального исследовательского технического университета (Видякина, Степаненко, 2015). На семинаре обсуждались такие темы, как правовое регулирование НМПТ; географические указания как средство продвижения локальных товаров, тесно связанных с местом происхождения; потенциал российских товаров, маркированных НМПТ; примеры успешно распространяемых на мировом рынке товаров, тесно связанных с местом происхождения; защита географических наименований посредством регистрации коллективных товарных знаков и сертификационных знаков и др.

В рамках подготовки к семинару

участниками студенческого научно-исследовательского общества «Инноватика. Инвестиционный инжиниринг» под руководством профессора В.Ю. Конюхова, а также О.Г. Степаненко, были проведены исследования товаров, производимых на территории Иркутской области, которые могут быть индивидуализированы НМПТ или выступать в качестве географического указания. В частности, к ним могут быть отнесены:

- белый байкальский мрамор (Бугульдейка);
- красновато-розовый крупнозернистый байкальский мрамор (Буровщина);
- нижеудинский зефир (г. Нижнеудинск);
- нукутский гипс (пос. Новонукутск, Нукутский район);
- байкальская клубника (г. Байкальск);
- Тофаларские украшения (Тофалария, Нижнеудинский район);
- Тыретская соль (с. Тыреть, Заларинский район).

Это лишь небольшая часть таких товаров.

Представляется, что такие исследования должны быть проведены по заказу органов государственной власти с целью выявления на территории региона товаров, которые по своим характеристикам могут относиться к НМПТ. Такая интеллектуальная собственность может являться ценным нематериальным активом и благодаря узнаваемости и гарантированности свойств товаров влиять на формирование бренда региона. По мнению представителей Минэкономразвития, «важной предпосылкой успешного привлечения инвестиций на территорию региона, развития внутреннего и въездного туризма, расширения экспорта, является формирование привлекательного бренда товаров и услуг, бренда региона, отражающего его туристско-рекреационный потенциал, производственную, научную или иную идентичность» (Инструменты продвижения брендов территорий).

В России использование НМПТ как механизма, способного влиять на эффективное экономическое и социальное развитие регионов, по сравнению с европейскими зарубежными странами применяется не в полной мере. Государственные чиновники должны не только с высоких трибун

заявлять о важности и перспективности использования НМПТ и роли регионов, но и разрабатывать конкретные меры государственной поддержки. Даже внеся небольшие корректировки в уже существующие программы, товаропроизводители, выпускающие товар, индивидуализированный НМПТ, смогут ими воспользоваться. Также требуются мероприятия, направленные на популяризацию НМПТ. Представляется целесообразным использование ресурса коммуникационного проекта «Сделано в России», проведение семинаров с участием патентного ведомства Российской Федерации, Всемирной организации интеллектуальной собственности, представителей органов

власти. Необходимо наряду с НМПТ внести в гражданское законодательство понятие «географическое указание», широко и эффективно применяемое в европейских странах.

На бренд региона большое влияние оказывают товары, производимые на данной территории. Если такие товары индивидуализированы НМПТ, положительный эффект усиливается благодаря гарантии особых свойств товаров и их узнаваемости. Таким образом, использование НМПТ является эффективным механизмом, улучшающим бренд не только региона, но и государства в целом.

Библиографический список

Близнец И.А., Гаврилов Э.П., Добрынин О.В., Леонтьев К.Б., Мухамедшин И.С., Орлова В.В., Синельникова В.Н., Тыцкая Г.И. Право интеллектуальной собственности: учебник. М.: Проспект, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392175192.html> (24.01.2018).

Видякина О.В., Степаненко О.Г. Практическое направление деятельности ЦПТИ // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2015. № 6. С. 12–15.

Галкин Д.Г. Роль наименований мест происхождения товаров в создании конкурентных преимуществ региона (на материалах Алтайского края) // Креативная экономика. 2012. № 12 (72). С. 96–102.

Географические указания [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/geo_indications/ru (24.01.2018).

Горленко С.А. Проблема развития института наименования мест происхождения товаров [Электронный ресурс]. URL: <http://www.council.gov.ru/media/files/rNNCFjpsbDQLzMWs6QEPZ6ifSmNSXFJK.pdf> (24.01.2018).

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ч. 1. Ст. 5496.

Инструменты продвижения брендов территорий [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/innovations/brends/index> (25.12.2017).

Китайский В.Е. Получение прав на средства индивидуализации: пособие для заявителей.

References

Bliznets I.A., Gavrilov E.P., Dobrynin O.V., Leont'ev K.B., Mukhamedshin I.S., Orlova V.V., Sinelnikova V.N., Tytskaya G.I. *Pravo intellektual'noi sobstvennosti* [Intellectual Property Right]. Moscow: Prospekt Publ., 2016. Available at: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392175192.html> (accessed January 24, 2018).

Vidyakina O.V., Stepanenko O.G. CPTI practical activity. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'* [Intellectual property. Industrial property], 2015, no. 6, pp. 12–15. (In Russian).

Galkin D.G. The role of appellations of origin of goods in creating competitive advantages of the region (in case of Altai Territory). *Kreativnaya ekonomika* [Creative economics], 2012, no. 12 (72), pp. 96–102. (In Russian).

Geograficheskie ukazaniya [Geographical indications]. Available at: http://www.wipo.int/geo_indications/ru (accessed January 24, 2018).

Gorlenko S.A. *Problema razvitiya instituta naimenovaniya mest proiskhozhdeniya tovarov* [The problem of development of appellation of origin institution]. Available at: <http://www.council.gov.ru/media/files/rNNCFjpsbDQLzMWs6QEPZ6ifSmNSXFJK.pdf> (accessed January 24, 2018).

Civil Code of the Russian Federation (part four) of December 18, 2006 No. 230-FL. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Acts of the Russian Federation], 2006, no. 52, part 1, art. 5496. (In Russian).

Instrumenty prodvizheniya brendov territorii [Territory Brand Promotion Tools]. Available at: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/innovations/brends/index> (accessed December 25, 2017).

Kitaiskii V.E. *Poluchenie prav na sredstva individualizatsii: posobie dlya zayavitelei* [Getting the

М.: ИНИЦ «Патент», 2011. 199 с.

Матвиенко посоветовала регионам заняться геобрендингом [Электронный ресурс]. URL: <http://regions.ru/news/2484825/> (24.01.2018).

Открытые реестры ФИПС [Электронный ресурс]. URL: http://www1.fips.ru/wps/portal/!ut/p/c5/04_SB8K8xLLM9MSSzPy8xBz9CP0os3hPT8cAD293QwN_I18DA0cLv1BHNY8zlwN3Y6B8pFm8s7ujh4m5j4GBu1-Qs4GniZ0JkYe7k5GBpzExug1wAEcDArrDQa7FbztIHo_5fh75uan6BbmhEQZZJooAh-VJN9g!!/dl3/d3/L0IDU0IKSkpDZ3BSQ1FvS1VRb0tVUWtnIS9ZQVVJQUFJSUIJTU1LRUVBQUNHT0dPQ0dJQk pGskZCSk5ETkRctkhJRUFMTEFBISEvNEMxYjIXX05yMFJKa0FsSU1SSmtRbE1LVEISS1VSRWo4QSEhLzdfSUIBUEhLRzEwTzJNMDBBOE5VQUZKNjJHUzUvaWJtLmludi8zNzgwMTAwODQ4NTMvYWN0YW1lL2NsaWN-rUmVnaXN0ZlVcmVnTmFtZS9SVUdQ/ (24.01.2018).

Сделано в России (национальный бренд) [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%BE_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_\(%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B4\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%BE_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_(%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B4)) (24.01.2018).

Степаненко О.Г. К вопросу о наименовании места происхождения товара // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности. 2015. № 1. С. 66–73.

Критерии авторства

Степаненко О.Г. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Степаненко Ольга Геннадьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры юриспруденции, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: ols-tep@yandex.ru

rights to the means of individualization: a guide for applicants], Moscow: INITS "Patent" Publ., 2011, 199 p. (In Russian).

Matvienko posovetovala regionam zanyat'sya geobrendingom [Matvienko advised the regions to take up geobrending]. Available at: <http://regions.ru/news/2484825/> (accessed January 24, 2018).

Otkrytye reestry FIPS [FIIP public registry]. Available at: http://www1.fips.ru/wps/portal/!ut/p/c5/04_SB8K8xLLM9MSSzPy8xBz9CP0os3hPT8cAD293QwN_I18DA0cLv1BHNY8zlwN3Y6B8pFm8s7ujh4m5j4GBu1-Qs4Gni-Z0JkYe7k5GBpzExug1wAEcDArrDQa7FbztIHo_5fh75uan6BbmhEQZZJooAh-VJN9g!!/dl3/d3/L0IDU0IKSkpDZ3BSQ1FvS1VRb0tVUWtnIS9ZQVVJQUFJSUIJTU1LRUVBQUNHT0dPQ0dJQk pGskZCSk5ETkRctkhJRUFMTEFBISEvNEMxYjIXX05yMFJKa0FsSU1SSmtRbE1LVEISS1VSRWo4QSEhLzdfSUIBUEhLRzEwTzJNMDBBOE5VQUZKNjJHUzUvaWJtLmludi8zNzgwMTAwODQ4NTMvYWN0YW1lL2NsaWN-rUmVnaXN0ZlVcmVnTmFtZS9SVUdQ/ (accessed January 24, 2018).

Sdelano v Rossii (natsional'nyi brend) [Made in Russia (national brand)]. Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%BE_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_\(%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B4\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%BE_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_(%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B4)) (accessed January 24, 2018).

Stepanenko O.G. On the issue of appellation of origin of goods. *Kopirait. Vestnik Rossiiskoi akademii intellektual'noi sobstvennosti* [Copyright. Bulletin of the Russian Academy of Intellectual Property], 2015, no. 1, pp. 66–73. (In Russian).

Criteria for Authorship

Stepanenko O.G. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Author Credentials

Olga G. Stepanenko, Candidate of Social Sciences, Associate Professor of Jurisprudence Department, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russian Federation, e-mail: ols-tep@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ РУБКОЙ ЛЕСА

© В.Г. Татарников*, Ю.П. Никитин**

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

**Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел России,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об объекте преступлений, связанных с незаконной рубкой леса. В действующем законодательстве составы указанных преступлений помещены в гл. 26 Уголовного кодекса РФ (Экологические преступления) раздела IX, посвященного преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка. На основе анализа норм Конституции РФ, которая рассматривает природные ресурсы в качестве основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, авторы приходят к выводу, что отнесение рассматриваемых деяний к преступлениям против экологии не соответствует их реальной направленности. Авторы отмечают, что объект преступления определяется содержанием правоотношений, на которые посягает то или иное преступление. Что касается незаконной рубки леса, то это преступление посягает, прежде всего, на право государства распоряжаться природными ресурсами и имеет целью присвоение виновным лесных ресурсов. При этом, как правило, происходит их дальнейшее вовлечение в коммерческий оборот для незаконного обогащения. В конечном же итоге все подобные преступления так или иначе направлены на причинение вреда экономическим интересам российского государства. Следовательно, основным объектом посяательства при незаконной рубке лесных насаждений является экономическая основа Российской Федерации, ее лесные богатства и право распоряжения этим богатством в интересах населения. Поскольку незаконная рубка леса нарушает и сложившуюся экологическую систему, то общественные отношения, связанные с охраной окружающей среды, интересами экологии, являются дополнительным объектом указанного преступления. Преступления, направленные на присвоение виновным природных ресурсов, к которым по существу и относится незаконная рубка леса, должны рассматриваться как преступления в сфере экономики, посягающие на экономические основы Российской Федерации. Поэтому такого рода преступления должны быть помещены в раздел VIII Уголовного кодекса РФ («Преступления в сфере экономики»).

Ключевые слова: объект преступления, преступления в сфере экономики, экологические преступления, незаконная рубка леса, категории преступлений, наказание.

Информация о статье: Дата поступления 1 августа 2018 г.; дата принятия к печати 3 сентября 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2018 г.

Для цитирования: Татарников В.Г., Никитин Ю.П. К вопросу об объекте преступлений, связанных с незаконной рубкой леса. *Социальная компетентность*. 2018;3(3):13–19.

REVISITING THE OBJECT OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL LOGGING

© Vladimir G. Tatarnikov*, Yurii P. Nikitin**

*Irkutsk National Technical University
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

**East Siberian Institute of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation,
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract: The article considers the issue of the object of crimes related to illegal logging. In the legislation in power, the elements of this crime are covered in Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation (Environmental crimes) of Section IX devoted to the crimes against public safety and order. Having analyzed the constitutional propositions of the Russian Federation that consider natural resources as the basis of the life and activity of the peoples inhabiting the territory concerned, the authors conclude that labeling the acts in question as environmental crimes does not correspond to their real focus. The authors note that the object of a

crime is determined by the nature of the legal relations entrenched by a particular crime. As for illegal logging, this crime primarily encroaches on the right of the state to dispose natural resources and has the goal of misappropriation of forest resources by a guilty person. As a rule, they are further involved in commercial circulation for illegal enrichment. Ultimately, all similar crimes are aimed anyway at infliction of economic loss of the Russian state. Consequently, the main object of encroachment in the illegal logging is the economic basis of the Russian Federation, its forest heritage and the right to dispose it for the benefit of the population. Since illegal logging violates the existing ecological system, social relations related to the protection of the environment and ecology are an additional object of the designated crime. Crimes aimed at appropriating natural resources to which illegal logging belongs intrinsically should be considered as crimes in the economic sphere encroaching on the economic foundation of the Russian Federation. Therefore, such crimes should be placed in section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation "Crimes in the economic sphere".

Keywords: *object of a crime, crimes in the economic sphere, environmental crimes, illegal logging, categories of crimes, punishment.*

Article info: Received August 1, 2018; accepted September 3, 2018; available online September 30, 2018.

For citation: Tatarnikov V.G. Nikitin Yu.P. Revisiting the object of crimes related to illegal logging. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence.* 2018;3(3):13–19. (In Russ.).

В Конституции Российской Федерации (ст. 9) провозглашается, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (Конституция Российской Федерации, 2014). Особое значение природных ресурсов как национального достояния требует и особого внимания к их охране.

Между тем уровень защищенности государственных интересов в сфере охраны природных ресурсов нельзя признать достаточным. Особенно это касается охраны лесных богатств страны. Лесные ресурсы ввиду их потребительских свойств, устойчивого спроса на древесину, особенно на мировом рынке, привлекают криминальные элементы, которые рассчитывают обогатиться сравнительно легким способом. Поэтому незаконная рубка леса является одним из наиболее распространенных преступлений в сфере охраны природных ресурсов. Как показывает судебная статистика, количество осужденных за подобные преступления в России за последние годы достаточно стабильно. Так, в 2017 г. судами Российской Федерации по ст. 260 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) за это преступление осуждено 4 219 чел., в 2016 г. – 4 458 чел., в 2015 г. – 4 691 чел., в 2014 г. – 4 825 чел. (Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015, 2016, 2017 год). При оценке количества осужденных

следует учитывать и высокую латентность подобного рода преступлений, которая объясняется такими факторами, как удаленность лесных районов, их малонаселенность, отсутствие дорог и т. д.

В настоящее время незаконная рубка лесных насаждений относится к преступлениям, посягающим на экологическую безопасность. Соответственно ст. 260 УК РФ, предусматривающая ответственность за такие деяния, помещена в гл. 26 УК «Экологические преступления». В свою очередь указанная глава находится в IX разделе, посвященном преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка (Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ). Однако такой подход, вызывает серьезные возражения, поскольку противоречит правовой и экономической природе указанных преступлений.

Общепризнано, что помещение того или иного состава преступления в соответствующий раздел и главу Особенной части УК РФ зависит от родового и, соответственно, видового объекта преступления. Так, в раздел VIII УК РФ помещены преступления в сфере экономики. К ним, например, относятся все виды хищений чужого имущества (кража, грабеж, мошенничество и т. д.), незаконное предпринимательство, манипулирование рынком, коммерческий подкуп и др. Несмотря на различия в непосредственном объекте посягательства,

объективной и субъективной стороне состава, особенностях субъекта преступления, все указанные деяния объединяет их общая направленность на общественные отношения в сфере экономики. Это могут быть отношения в сфере производства, обмена, распределения материальных благ, в том числе и таких, распоряжение которыми относится к компетенции государства. В конечном же итоге все подобные преступления так или иначе посягают на разнообразные экономические интересы российского государства (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации..., 2015. С. 172).

Объект преступления определяется содержанием правоотношений, на которые посягает то или иное преступление. Такое преступление, как незаконная рубка леса посягает, прежде всего, на право государства распоряжаться природными ресурсами и имеет конечной целью присвоение виновным лесных ресурсов. При этом, как правило, преследуется цель их дальнейшего вовлечения в коммерческий оборот для незаконного обогащения. Этим преступлением, предусмотренные ст. 260 УК РФ, принципиально отличаются от тех, что посягают на экологическую безопасность, например, нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 247), загрязнение вод (ст. 250), загрязнение атмосферы (ст. 251), морской среды (ст. 252), порча земли (ст. 254) и т. д.

В отличие от незаконной рубки леса преступления, составы которых предусматривают загрязнение окружающей среды (земли, воды, воздуха и т. д.), не направлены на извлечение тех или иных природных ресурсов и присвоение их виновным. По смыслу закона сущность экологических преступлений, заключается именно в нанесении вреда окружающей среде. В ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ вред окружающей среде определяется как негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов (Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 20 декабря 2001 г. № 7-ФЗ, 2002). Как правило, такие преступления заключаются в непринятии виновным

мер к охране природной среды при ведении той или иной хозяйственной деятельности. Это может выражаться, например, в «экономии» средств при проведении природоохранных мероприятий по очистке промышленных выбросов в атмосферу, в водоемы и т. д.

Незаконная рубка на землях лесного фонда, находящихся в федеральной собственности, является по своей сути присвоением частными лицами государственных природных ресурсов, т. е. это деяние, общественная опасность которого не ниже, а, как правило, значительно выше, чем нанесение вреда окружающей среде путем ее загрязнения.

Разумеется, преступные элементы, варварски вырубая леса с целью наживы, нередко уничтожают всю растительность, а не только спелые деревья и нарушают тем самым сложившуюся экосистему. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации "Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства" в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Заполярье-нефть"» от 2 июня 2015 г. № 12-П отмечается, что лес как природный ресурс является комплексной экологической системой, состоящей из почв, подземных и наземных источников, объектов растительного и животного мира, находящихся в тесной взаимосвязи, а потому негативное воздействие на отдельные компоненты экологической системы лесов влечет нарушение внутрисистемных связей, нанося тем самым вред экосистеме в целом (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации..., 2015). Для компенсации такого рода ущерба могут потребоваться десятилетия либо он может оказаться вообще невозместимым.

Однако лес имеет не только экологическое, но и огромное экономическое значение. В упомянутом Постановлении Конституционного Суда РФ также отмечается особая роль леса, которая (роль) заключается в том, что он представляет собой публичное достояние многонационального народа России и как таковой является федеральной

собственностью особого рода (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации..., 2015).

В этой связи общественная опасность незаконной рубки леса далеко не исчерпывается вредом, который наносится окружающей среде. Незаконная рубка леса посягает не только на экологическую безопасность, она направлена, прежде всего, против экономической основы Российской Федерации. Поэтому состав рассматриваемого преступления образует не только незаконная рубка леса, осуществляемая варварскими способами (уничтожение молодых деревьев, почвенного слоя и т. д.), но и незаконная рубка, совершенная с соблюдением экологических требований, предъявляемых для законной рубки.

Такого рода преступления, как представляется, являются двухобъектными. Основной объект посягательства при незаконной рубке лесных насаждений – экономическая основа Российской Федерации, ее лесные богатства и право распоряжения этим богатством в интересах населения. Это главное в направленности указанных преступлений. Дополнительным объектом указанного преступления являются общественные отношения, связанные с охраной окружающей среды, интересами экологии. Таким образом, помещая незаконную рубку леса в гл. 26 УК РФ, посвященную экологическим преступлениям, законодатель интересы экологии, экологическую безопасность рассматривает как основной объект указанных преступлений, игнорируя очевидный факт их направленности в первую очередь на общественные отношения в сфере экономики.

Такая оценка законодателем характера подобного рода преступлений далеко не в полной мере отражает их общественную опасность. Этот вывод вытекает из сравнения санкций за преступления в сфере экономики с незаконной рубкой лесных насаждений. Например, незаконная рубка леса группой лиц, лицом с использованием своего служебного положения, в крупном размере (ч. 2 ст. 260 УК РФ) наказывается лишением свободы на срок до 4-х лет. Это даже меньше, чем наказание за карманную кражу, за совершение которой установлено наказание до 5 лет лишения свободы (ч. 2 ст. 158 УК РФ). За незаконную рубку лесных насаждений в особо крупном

размере группой лиц по предварительному сговору или организованной группой максимальное наказание 7 лет лишения свободы. В то же время кража, совершенная в особо крупном размере или организованной группой, наказывается лишением свободы на срок до 9 лет (ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Складывается парадоксальная ситуация, при которой кража круглого леса с пилорамы коммерческой организации расценивается как более опасное преступление, чем вырубка такого же объема древесины на лесном участке, находящемся в федеральной собственности. Природный ресурс, для воспроизводства которого требуются десятилетия, имеет несравнимо более высокую ценность по сравнению с его денежным эквивалентом. Поэтому нелогична позиция современного российского законодателя, согласно которой кража денежной суммы в размере 1 млн руб. у частного лица или коммерческой организации, является более опасным преступлением, чем причинение ущерба государству на ту же сумму в результате незаконной рубки леса. В итоге получается, что лес, как национальное достояние народов Российской Федерации, охраняется менее строго, чем коммерческие интересы частных лиц.

Общественная опасность указанных преступлений против собственности и преступных посягательств на природные ресурсы, являющихся национальным достоянием России, несопоставима. При оценке сравнительной тяжести этих преступлений следует иметь в виду, что преступные группировки, занимающиеся незаконной добычей лесных и других природных ресурсов, делают это, как правило, не для личного потребления, а с целью вовлечения их в незаконный коммерческий оборот, в том числе и для поставки за рубеж. При этом участники таких группировок совершают и другие преступления, связанные с незаконной рубкой, в том числе в сфере налогообложения, внешнеэкономической деятельности, валютного, таможенного регулирования, преступления коррупционного характера и т. д.

В юридической литературе отмечается, что либеральный подход законодателя к лицам, посягающим на природные богатства страны, сказывается и на современной правоприменительной практике (Татарни-

ков, 2016. С. 41–42). Так, в 2017 г. судами Российской Федерации за незаконную рубку лесных насаждений по ст. 260 УК РФ к лишению свободы был осужден всего 301 чел. (7 % от общего числа осужденных), в 2016 г. – 255 чел. (5,7 %), в 2015 г. – 261 чел. (5,5 %) (Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015, 2016, 2017 год).

Даже за наиболее опасные преступления данной категории, совершенные при особо отягчающих обстоятельствах, например, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, организованной группой лиц, в особо крупном размере (ч. 3 ст. 260 УК РФ), к реальному лишению свободы в 2017 г. осуждено 263 чел. – 12 % из всех признанных виновными в совершении указанных преступлений. Аналогичным образом выглядит статистика судимости за такого рода преступления в 2016 г. За этот период по ч. 3 ст. 260 УК РФ к реальному лишению свободы осуждено 216 чел. – 10,6 % от общего числа признанных виновными в незаконной рубке леса. В 2015 г. за незаконную рубку леса в особо крупных размерах и в составе организованной группы к реальному лишению свободы осуждено лишь 212 преступников – 10,3 % из всех признанных виновными в совершении подобных преступлений, т. е. каждый десятый.

Как показывает практика, за незаконную рубку леса даже в особо крупных размерах в подавляющем большинстве случаев применяется условное осуждение. Так, в 2017 г. по ч. 3 ст. 260 УК РФ к лишению свободы условно приговорено 108 виновных (41 %). Такая реакция государства на подобные преступления, относящиеся к категории тяжких, едва ли способна остановить других потенциальных преступников.

Иным образом выглядит практика назначения наказания за кражу чужой собственности. В 2016 г. судами Российской Федерации за все виды краж по ст. 158 УК РФ осуждено 232 884 чел. Из них к лишению свободы приговорены 60 176 виновных (26 %), т. е. почти каждый четвертый. За кражи в особо крупном размере и в составе организованной группы осуждено 1 519 чел., в отношении 978 применено реальное лишение свободы, т. е. в 64 % случаев.

Ущерб от преступлений, особенно связанных с масштабными посягательствами на природные ресурсы, несопоставим, например, с карманной или квартирной кражей. Дело в том, что кража, даже в случае причинения крупного или особо крупного ущерба, причиняет ущерб конкретному собственнику, а незаконная рубка леса наносит вред неопределенному числу лиц – местному сообществу, региону и государству. При этом, если ущерб от кражи конкретных предметов в принципе может быть так или иначе возмещен виновным или страховой компанией, то вред, особенно масштабный, причиненный лесным ресурсам, возместить, по крайней мере в пределах жизни одного поколения, практически невозможно, и даже денежный эквивалент суммы ущерба лесному фонду в случае взыскания его с преступника не может компенсировать реальный вред, причиненный лесным ресурсам.

В этой связи представляется, что преступления, связанные с незаконной рубкой лесных насаждений, следует отнести к категории тяжести, соответствующей реальной общественной опасности указанных деяний. В настоящее время незаконная рубка леса в значительном размере относится к преступлениям небольшой тяжести (ч. 1 ст. 260 УК РФ). Между тем кража, причинившая значительный ущерб (ч. 2 ст. 158 УК РФ) относится к преступлениям средней тяжести. Незаконная рубка леса в крупном размере, группой лиц, лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2 ст. 260 УК РФ) отнесена к преступлениям средней тяжести, а кража в крупном размере (ч. 3 ст. 158 УК РФ) – к тяжким преступлениям.

Незаконная рубка леса в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 3 ст. 260 УК РФ) отнесена к тяжким преступлениям, за которое установлено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет. Между тем преступления против собственности ненасильственного характера, причинившие ущерб в особо крупном размере, наказываются значительно строже. Так, кража в особо крупном размере (п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ) наказывается лишением свободы на срок до

10 лет. Ряд преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных при отягчающих обстоятельствах, аналогичных указанным в ч. 3 ст. 260 УК РФ, отнесены к особо тяжким преступлениям. Так, контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий, совершенная организованной группой (ч. 3 ст. 200-2 УК РФ), наказывается лишением свободы на срок до 12 лет.

В этой связи незаконная рубка леса в значительном размере должна быть отнесена к преступлениям средней тяжести, в крупном размере – к тяжким преступлениям, в особо крупном размере – к особо тяжким преступлениям. При этом основным наказанием за указанное преступление в крупном и особо крупном размере должно быть лишение свободы. В целях приведения законодательной оценки характера и степени общественной опасности незаконной

рубки лесных насаждений в соответствие с реальной общественной опасностью такого рода преступных деяний предлагается в санкции ч. 1 ст. 260 УК РФ максимальный срок лишения свободы увеличить до 4-х лет, в санкции ч. 2 ст. 260 УК РФ – до 7 лет лишения свободы, в санкции ч. 3 ст. 260 УК РФ – до 12 лет лишения свободы.

Преступления, направленные на присвоение виновным природных ресурсов, к которым по существу и относится незаконная рубка леса, должны рассматриваться как преступления в сфере экономики, посягающие на экономические основы Российской Федерации. Следовательно, такого рода преступления должны быть помещены в разделе VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики».

Библиографический список

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 20 декабря 2001 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации "Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства" в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Заполярье"» от 2 июня 2015 г. № 12-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 4. С. 13–26.

Скворцова О.В. Уголовно-правовые аспекты характеристики преступлений в сфере экономики // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2014. Т. 27 (66). № 3. С. 171–176.

References

The Constitution of the Russian Federation (adopted at national voting on December 12, 1993). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Legislative Acts of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398. (In Russian).

Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FL. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Legislative Acts of the Russian Federation], 1996, no. 25, art. 2954. (In Russian).

Federal Law "On Environmental Protection" of December 20, 2001 No. 7-FL. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Legislative Acts of the Russian Federation], 2002, no. 2, art. 133. (In Russian).

Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 2, 2015 No. 12-P "On the case of check of constitutionality of part 2 Articles 99, parts 2 of Article 100 of the Forest code of the Russian Federation and provisions of the Order of the Government of the Russian Federation "About Calculation of the Extent of the Harm Done to the Woods owing to Violation of the Forest Legislation" in connection with the claim of Zapolyarneft limited liability company. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation], 2015, no. 4, pp. 13–26. (In Russian).

Skvortsova O.V. Criminal aspects of the characteristics of crimes in the economic sphere. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Scientific Notes of Taurida V.I. Vernadsky National University. Series: Juridical sciences], 2014, vol. 27 (66), no. 3, pp. 171–176. (In Russian).

Татарников В.Г. О совершенствовании законодательства об уголовной ответственности за преступления в сфере охраны леса // *Глаголь правосудия*: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, 2016. № 2 (12). С. 41–42.

Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015, 2016, 2017 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (24.07.2018).

Критерии авторства

Татарников В.Г., Никитин Ю.П. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах

Татарников Владимир Германович, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: voldemar55@mail.ru

Никитин Юрий Петрович, преподаватель кафедры специальной подготовки Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации, e-mail: nikitos35@rambler.ru

Tatarnikov V.G. *O sovershenstvovanii zakonodatel'stva ob ugolovnoi otvetstvennosti za prestupleniya v sfere okhrany lesa* [On the improvement of legislation on criminal responsibility for crimes in the sphere of forest protection]. *Glagol' pravosudiya* [Glagol' jurisprudence]. Irkutsk: East Siberian Branch of the Russian State University of Justice Publ., 2016, no. 2 (12), pp. 41–42. (In Russian).

Summary crime statistics in Russia for 2015, 2016, 2017. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (accessed July 24, 2018).

Criteria for Authorship

Tatarnikov V.G., Nikitin Yu.P. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Author's Credentials

Vladimir G. Tatarnikov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Criminal Law Department of Russian State University of Justice, e-mail: voldemar55@mail.ru

Yurii P. Nikitin, a Lecturer of Special Training Department of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, e-mail: nikitos35@rambler.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ MOODLE В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ

© К.А. Ганшин

Красноярский государственный педагогический университет им В.П. Астафьева,
660049, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89

Аннотация: В статье рассматриваются особенности образовательной среды Moodle в системе дистанционного образования, описываются ее основные инструменты и приемы с учетом изучаемого языка. Указываются актуальные методы взаимодействия обучающихся в дистанционной образовательной среде при изучении английского языка. Актуальность использования образовательной среды Moodle обусловлена спецификой современной образовательной ситуации. Такие физические ресурсы, как учебно-методические комплексы и учебные пособия быстро устаревают на фоне развивающихся цифровых технологий. В связи с этим возникает потребность в таких технологиях, они смогут быстро предоставлять учебную информацию, ускорят педагогический процесс (от проверки домашнего задания до проведения контрольных работ). Применение дистанционных технологий в образовании приобретает особую актуальность в условиях инклюзивного обучения. Образовательная среда Moodle позволяет решать насущные педагогические задачи в системе дистанционного образования при обучении детей-инвалидов английскому языку. Учитывая специфику обучения детей с ограниченными возможностями, образовательная среда Moodle дает возможность преодолеть многие педагогические трудности. Главным условием эффективности работы дистанционной образовательной системы является создание нового, глубоко специализированного Интернет-продукта, который должен быть адаптирован по содержанию и форме к потенциалу, интересам и потребностям детей с ограниченными физическими возможностями. Благодаря интерактивному стилю общения и оперативной связи в дистанционном обучении можно индивидуализировать и дифференцировать процесс обучения иностранному языку.

Ключевые слова: образовательная среда, система дистанционного обучения детей-инвалидов, курс, образовательная платформа, элементы курса.

Информация о статье: Дата поступления 16 августа 2018 г.; дата принятия к печати 14 сентября 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2018 г.

Для цитирования: Ганшин К.А. Использование системы Moodle в дистанционном обучении английскому языку детей-инвалидов. Социальная компетентность. 2018;3(3):20–24.

MOODLE SYSTEM IN DISTANCE TEACHING ENGLISH TO CHILDREN WITH SPECIAL NEEDS

© Kirill A. Ganshin

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev
89 Ada Lebedeva St., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation

Abstract: The article discusses the features of the educational environment Moodle in the system of distance education, describes its main tools and techniques taking into account the language that is learned and indicates the important methods of students' interaction in a distance educational environment when learning English. The relevance of the use of the educational environment Moodle is stipulated by the specifics of the modern educational situation when such physical resources as teaching package, tutorials quickly become obsolete against the background of developing digital technologies. In this regard, there is a need for such technologies; they will provide educational information fast, advance the pedagogical process (going through the homework, doing tests). The use of distance learning technologies in education is of particular importance in the context of inclusive education. The educational environment Moodle allows solving pressing pedagogical problems in the system of distance education when teaching English to children with special needs. Considering the specifics of teaching children with special needs, the Moodle educational environment makes it possible to overcome many pedagogical difficulties. The key element of the efficiency of the distance education system is the creation of a new, deeply specialized Internet product that must be adapted in content, form, interests and

needs of children with special needs. Due to the interactive style of communication and operational communication in distance learning, teaching a foreign language can be individualized and differentiated.

Keywords: *educational environment, distance learning system for children with special needs, course, educational platform, course elements*

Article info: Received August 16, 2018; accepted September 14, 2018; available online September 30, 2018.

For citation: Ganshin K.A. Moodle system in distance teaching English to children with special needs. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. 2018;3(3):20–24. (In Russ.).

Современная образовательная ситуация требует кардинальных изменений в подходе к обучению иностранному языку. Проблема устаревания физических ресурсов на фоне развивающихся цифровых технологий становится особо актуальной. В связи с этим возникает потребность в новых информационных технологиях, которые смогут быстро и эффективно предоставлять учебную информацию, ускорят педагогический процесс и облегчат изучение иностранного языка. Применение дистанционных технологий в образовании приобретает особую актуальность в условиях инклюзивного обучения. Образовательная среда Moodle позволяет решать насущные педагогические задачи в системе дистанционного образования при обучении детей-инвалидов английскому языку. Учитывая специфику работы с детьми-инвалидами, образовательная среда Moodle дает возможность преодолеть многие педагогические трудности, возникающие в процессе обучения. Проблема нераспространенности на практике этой образовательной среды заключается в ее комплексном характере и невостребованности среди педагогов.

Некоторые исследователи полагают, что технологизация вооружила образование новейшими техническими, информационными средствами. Ученые-педагоги и педагоги-практики, которых «подтолкнули» к этой идее учащиеся, предложили не только работать с дополнительными техническими, информационными средствами обучения, но попытаться саму суть процесса образования превратить в инструмент (машину, компьютер), который бы работал так же безотказно, как техника. Таким образом, возникает технология педагогических, интерактивных методов. «Учитель-инженер» (Адольф, Юрчук, 2017) занимается проектированием целей обучения и воспитания, а весь произ-

водственно-технологический процесс составляют педагог (коммуникатор), дети (реципиенты) и средства обучения.

На сегодняшний день дистанционное обучение является одним из самых современных форм получения знаний. Его популярность растет вместе с потребностями в образовании. Дистанционное образование осуществляется с помощью образовательных технологий, реализуемых в основном с применением информационных и телекоммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) или не полностью опосредованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника (Федеральный закон «Об образовании», ст. 32, п. 2).

Главным условием эффективности работы дистанционной образовательной системы является создание нового, глубоко специализированного Интернет-продукта, который должен быть адаптирован по содержанию и форме к потенциалу, интересам и потребностям детей с ограниченными физическими возможностями. В сети Интернет существует много ресурсов, которые интересны по содержанию и наполнены полезной информацией. Однако часто совокупность заболеваний и их проявлений затрудняет детям с ограниченными возможностями пользоваться всеми ресурсами, даже если их содержание вполне устраивает. Мелкий шрифт текста, сложный формат представления информации, специфичный механизм навигации и другие технические условия создают непреодолимые препятствия для детей-инвалидов. Следовательно, даже виртуальная среда имеет свои барьеры, которые необходимо преодолевать. Так же существуют некоторые проблемы, связанные с принятием системы дистанционного обучения педагогами, главной из которых является ограниченность

представлений об имеющихся информационных инструментах и обучающих программах, обусловленная недоступностью большинства информационных ресурсов учителям индивидуального обучения, пассивной позицией педагогов, привыкших работать «по-старинке».

Дидактический потенциал развития информационной компетентности педагога школы, по мнению В.А. Адольфа, целесообразно рассматривать с позиции оптимального сочетания теории и практики осуществления профессиональной деятельности. Дидактические возможности образовательной платформы раскрываются через готовность педагогов решать поставленные перед ними учебно-познавательные задачи, формулировать и решать профессиональные задачи через проектирование учебной деятельности с использованием платформы Moodle на уроках с учащимися (Шелковникова, 2017).

Выделяется виртуальная платформа Moodle как основная современная форма дистанционного обучения, в которой можно применять сетевые технологии Интернет. Система Moodle известна в мире с 2003 г. (Агапонов, Джалиашвили, Керчман, Никифоров, Черносова, Юрков, 2003).

На основе данной виртуальной платформы был создан курс, наполнен теоретическим и практическим содержанием и внедрен в процесс обучения. При создании элементов курса задействован почти весь доступный инструментарий: презентации, практические задания, тесты для контрольных занятий, схемы, лекции, таблицы, ссылки на другие ресурсы и т. д. При разработке курса использовались принципы наглядно-

сти, доступности, сознательности. Эти принципы имеют методологическое значение для успешного обучения английскому языку дистанционно. Сформированы элементы курса – это учебные инструменты, позволяющие организовать интерактивное общение: задания, опросы, тесты, форумы и т. д. Такой формат позволяет ученикам выступать в активной роли, они решают поставленные задачи, не обращаясь к помощи сторонних ресурсов. Модули оболочки организуют самостоятельную работу учащихся: поисковую, исследовательскую, творческую, коллективную проектную и др. В чате и форуме проводились конференции, тренинги с использованием специальных обучающих систем, контрольные работы и т. д. Оболочка позволила создать глоссарий по курсу. Каждый ребенок имеет возможность вести тетрадь в режиме online. Создано также несколько интерактивных уроков с использованием видео- и аудиоресурсов. Материал разбит на дидактические единицы, в конце каждой из единиц даются контрольные вопросы на закрепление материала (рис. 1–3).

Система высчитывает оценку сама от заданных параметров учителя и в зависимости от результатов ученика, переводит его на следующий уровень изучения материала или возвращает к предыдущему, что играет существенную роль в изучении английского языка. Таким образом, платформа Moodle является центром создания учебного материала, обеспечивает интерактивное взаимодействие между педагогом и учеником. Педагог следит за посещением и выполнением заданий, ученик имеет возможность обучаться с удобством и получать помощь

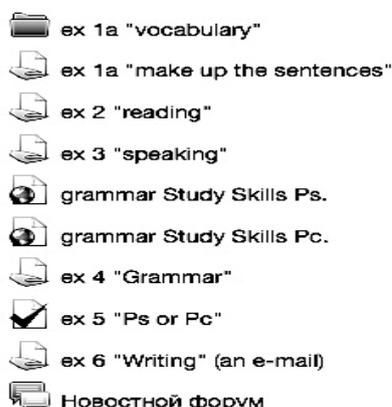

Рис. 1. Пример структуры одного из уроков

ex 1a "vocabulary"

lifestyles

a) Listen to the sounds. What can you see/smell/hear? How do they make you feel (stressed? relaxed? free? worried? happy? lonely?)

b) Use the phrases and your own ideas to tell the teacher about your preferences.

(don't mind, very important to me, can't stand)

Рис. 2. Структурный блок учебного содержания курса

ex 1a "vocabulary"

lifestyles

a) Listen to the sounds. What can you see/smell/hear? How do they make you feel (stressed? relaxed? free? worried? happy? lonely?)

b) Use the phrases and your own ideas to tell the teacher about your preferences.

(don't mind, very important to me, can't stand)

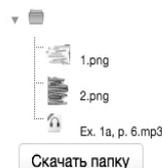

Рис. 3. Пример теста

от учителя дистанционно. Данная образовательная среда позволяет учитывать индивидуальные особенности детей с ограниченными возможностями при разработке учебного курса по английскому языку. Если у ребенка проблемы со зрением, в системе можно увеличить текст, если ребенок не пишет, то вся система позволяет вносить ответы в специальные поля, если ребенок не успевает освоить материал урока, он сможет повторно изучить материал, доступ всегда открыт. Автономность курса способствует сокращению времени на подготовку урока и экономит время урока. Если у ребенка проблемы со слухом, информацию можно представить в виде текста. Система предоставляет возможность выбора, альтернативные варианты разрабатываются учителем, но именно Moodle позволяет разнообразить занятия и адаптировать их к конкретному ученику.

Подводя итог, стоит отметить, что дистанционное обучение дает возможность повышать уровень обучения и способствует

познавательной деятельности. Дистанционные технологии обучения позволяют получить доступ к широкой базе знаний при изучении английского языка, что особенно важно для детей с ограниченными возможностями. Благодаря интерактивному стилю общения и оперативной связи в дистанционном обучении можно индивидуализировать и дифференцировать процесс обучения иностранному языку. Можно применять индивидуальную методику обучения в зависимости от образовательных потребностей ученика, а так же предлагать дополнительные, ориентированные на конкретного учащегося блоки учебных материалов, ссылки на информационные ресурсы и т. д.

Образовательная среда Moodle имеет значительный реабилитационный ресурс. С ее помощью учащиеся могут вступить в контакт с другими участниками курса и носителями иностранного языка, такая образовательная среда имитирует очную коллективную форму обучения. Общение с учителями и друг с другом может осуществ-

ляться online на практических занятиях и консультациях, Интернет-конференциях, форумах и чатах образовательной среды, а также с помощью электронной почты. Программа «Skype» помогает видеть и слышать друг друга, выполнять совместные задания.

Библиографический список

Агапонов С.А., Джалиашвили З.О., Керман Д.Л., Никифоров И.С., Черносова Е.С., Юрков А.В. Средства дистанционного обучения. Методика, технология, инструментарий. СПб.: БХВ-Петербург, 2003. 336 с.

Адольф В.А., Юрчук Г.В. Профессиональная социализация личности в процессе субъектно-ориентированного образования // Известия саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6. № 1. С. 5–10.

Федеральный Закон «Об образовании» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/c8632affb39bd02570fcc1f99bc34457dc09742f/ (1.08.2018).

Шелковникова О.А. Развитие информационной компетентности педагога в контексте требований профессионального стандарта // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. № 1 (39). С. 232–237.

Критерии авторства

Ганшин К.А. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Ганшин Кирилл Андреевич, аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Институт социально-гуманитарных технологий, 660049, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89, e-mail: runfastdowell@mail.ru

Дистанционное образование с использованием интерактивной образовательной среды Moodle является технологией открытого образования, которая направлена на формирование ключевых компетенций у учащихся при обучении иностранному языку.

References

Agaponov S.A., Dzhaliashvili Z.O., Kerchman D.L., Nikiforov I.S., Chernosova E.S., Yurkov A.V. *Sredstva distantsionnogo obucheniya. Metodika, tekhnologiya, instrumentarii* [Means of distance learning. Methodology, technology, tools]. Saint Petersburg: BKhV-Peterburg Publ., 2003, 336 p. (In Russian).

Adolf V.A., Yurchuk G.V. Professional socialization of personality in the process of subject-oriented education. *Izvestiya saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Saratov University Newsletter. New series. Acmeology of education. Psychology of development], 2017, vol. 6, no. 1, pp. 5–10. (In Russian).

Federal'nyi Zakon "Ob obrazovanii" [Federal law on education]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/c8632affb39bd02570fcc1f99bc34457dc09742f/ (accessed August 1, 2018).

Shelkovnikova O.A. The development of teacher's information competence in the context of the requirements of the professional standard. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Newsletter of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev], 2017, no. 1 (39), pp. 232–237. (In Russian).

Criteria for Authorship

Ganshin K.A. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Author Credentials

Kirill A. Ganshin, a post-graduate student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Institute of social-humanitarian technologies, 89 Ada Lebedeva St., Krasnoyarsk 660049, Russian Federation, e-mail: runfastdowell@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ СОДЕРЖАНИЯ КУРСА ХИМИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА

© О.В. Романова

Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Аннотация: Статья посвящена вопросам развития творческой личности школьников. Проблема творческой активности ребенка в учебном процессе стала актуальной еще в начале предыдущего столетия и до сих пор является предметом исследования многих педагогов и психологов. В работе анализируются понятия «творческие способности», «творческий потенциал», «творческая деятельность», которые принимают новое значение в связи с внедрением Федерального государственного образовательного стандарта. Подробно представлена структура школьного курса химии, изучен потенциал содержания на предмет влияния решения творческих заданий на развитие личности школьника. Так, в структуру учебного предмета необходимо включать определенные формы учебной деятельности, направленные на развитие навыков творческой деятельности учеников. Проведенное исследование показало, что решение творческих заданий в процессе обучения химии занимает значительное место в данном вопросе. Были подобраны творческие задания для изучения одной из тем школьного курса химии: «Основные классы неорганических соединений», приведен перечень нескольких заданий, которые предлагались для решения учащимся. Для проверки эффективности их использования на уроке химии дважды было проведено анкетирование на выявление степени сформированности творческих способностей у учащихся восьмого класса – перед изучением выбранной темы и после знакомства с основными классами соединений. Результаты анкетирования после апробирования разработанной системы творческих заданий значительно улучшились. Исследование показало, что использование предложенной подборки творческих заданий является эффективным средством активизации учебно-познавательной деятельности учащихся на занятиях, способствует формированию у них творческих умений в исследовании, оценке и раскрытии сущности химических явлений, процессов, законов и методов познания.

Ключевые слова: творческие способности, творческий потенциал, развитие личности, метапредметные результаты обучения, школьный курс химии, содержание учебного предмета.

Информация о статье: Дата поступления 10 августа 2018 г.; дата принятия к печати 13 сентября 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2018 г.

Для цитирования: Романова О.В. Возможности содержания курса химии для развития творческой личности школьника. *Социальная компетентность*. 2018;3(3):25–31.

CONTENT OPPORTUNITIES OF CHEMISTRY PROGRAM FOR DEVELOPMENT OF SCHOOLCHILDREN' CREATIVE PERSONALITY

© Olga V. Romanova

South Federal University,
105/42 B. Sadovaya St., Rostov-on-don 344006, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the development of the creative personality of schoolchildren. The problem of the creative activity of the child in the educational process has become topical at the beginning of the previous century and is still the subject of study of many teachers and psychologists. At the beginning of our work, we analyze the concepts of "creative abilities", "creative potential", "creative activity" that take on new meanings in connection with the implementation of the federal state educational standard. The article presents the structure of the school chemistry program in detail, examines the potential of the content in terms of the influence of the process of creative tasks solution on the development of the student's personality. The structure of the school subject should include some forms of training activities aimed at developing students' skills of creative activity. Our study showed that creative tasks solution in the process of teaching chemistry takes significant

place. The article demonstrates the creative tasks we have chosen to study one of the topics of the school chemistry program "The main classes of inorganic compounds", and provides a list of several tasks suggested students to solve. To test the effectiveness of their use in chemistry class, a survey was conducted twice to identify the degree of formation of creative abilities of the eighth grade students, before study of the chosen topic and after introduction of the major compounds classes. The results of the survey have been improved significantly after the approbation of the developed system of creative tasks. The study showed that the use of the proposed collection of creative tasks is an effective means of enhancing the learning and cognitive activity of students in the classroom, contributes to the formation of their creative skills to explore, evaluate, discover the essence of chemical phenomena, processes, laws and methods of cognition.

Keywords: *creative abilities, creative potential, personal development, metadisciplinary learning outcomes, chemistry school program, the content of the academic subject*

Article info: Received August 10, 2018; accepted September 13, 2018; available online September 30, 2018.

For citation: Romanova O.V. Content opportunities of chemistry program for development of schoolchildren' creative personality. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. 2018;3(3):25–31. (In Russ.).

Образование, являясь мощным фактором культуры, должно способствовать максимальной реализации заложенных в человеке возможностей. Следовательно, развитие личности конкретного ученика является основной целью учебного процесса.

Понимание личности как субъекта развития обуславливает необходимость организации активной творческой деятельности в обучении. Проблема творческой активности школьников в учебном процессе стала актуальной в начале предыдущего столетия, но примерно до 1980-х гг. при исследовании творческих способностей обучающихся преобладал результативный подход, т. е. творчество рассматривалось исключительно как процесс получения качественной результативности. Как отмечает Л.С. Выготский, творчество – это «деятельность человека, которая создает нечто новое, все равно будет ли это созданное творческой деятельностью какой-нибудь вещью внешнего мира или известным построением ума или чувства, живущим и обнаруживающимся только в самом человеке» (Выготский, 1997).

Творческая деятельность учащегося не может выходить за порог имеющихся у него знаний, способностей. Так, согласно Б.И. Коротяеву, под творческой деятельностью понимается деятельность человека, направленная на поиск, изобретение и создание нечто такого, что не наблюдалось в предыдущем опыте – персональном или общественном. Применительно к процессу познания учащихся, творческая деятельность характеризуется как «самостоятельный по-

иск и создание или конструирование какого-то нового продукта (в индивидуальном опыте ученика – нового, неизвестного для него научного знания и метода, но известного, как правило, в общественном опыте)» (Коротяев, 1989).

Новые подходы к рассмотрению существующей проблемы творческого развития учащихся связаны с внедрением Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС). В ФГОС основного общего образования указывается, что «... личностные результаты освоения основной образовательной программы начального образования должны отражать: наличие мотивации к творческому труду, работе на результат. <...> Метапредметные результаты освоения основной образовательной программы должны отражать: освоение способов решения проблем творческого и поискового характера» (Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования). Так, в ФГОС определены требования к личностным результатам, которые отражают и способность школьников к самообразованию и личностному самоопределению, готовность саморазвиваться, мотивированность к обучению и планомерной познавательной деятельности, систему существенных социальных отношений, ценностно-смысловых характеристик, отражающих личностные и общественные позиции в деятельности, способность определить цели и построить жизненные планы в поликультурном социуме. Данные умения и навыки характеризуются в обновленном образовательном стандарте

как личностные универсальные учебные действия, которые подлежат развитию и формированию у обучающихся на абсолютно всех ступенях обучения (Козлов, Кондаков, 2009).

Согласно ФГОС основного общего образования в области химии, цель педагога – раскрыть и сформировать творческий потенциал учащихся в понятной и увлекательной для них форме деятельности. Систематичный творческий труд учеников в течение всего периода обучения химии обязательно приведет к формированию устойчивого интереса к творческой деятельности, а, следовательно, и к развитию творческого потенциала.

Учебный предмет химии в интегрированном виде содержит дидактически обработанные и обобщенные сведения из разных разделов химической науки, представленные в доступной для школьников форме. Существенную часть структуры его содержания составляют основы химии.

Основы химии – это теория науки, логически построенная на базе ведущих идей и современных научных достижений системы знаний о веществах, процессах их познания и способах их превращений. Современное содержание химии, как и любой другой школьной дисциплины, представлено четырьмя дидактическими группами:

1. Система теоретических и прикладных знаний современной химической науки и химической технологии. Эти знания формируют понятие химической картины мира, гарантируют первоначальное химическое мышление.

2. Система метапредметных и предметных учебных умений и навыков, соответствующих знаниям химии. Сформированность этих учебных действий школьников гарантирует безопасное использование знаний на практике.

3. Накопленный опытным путем навык творческой деятельности, используемый в дальнейшем для решения сложных познавательных задач, для креативного подхода к освоению новых химических знаний и умений. Это важный этап в развитии творческой личности школьника.

4. Система отношений личности,

природы и общества, жизненных ценностей к социальным явлениям химии. Эта группа знаний служит основой для формирования химического научного мировоззрения, природоохранительных принципов, нравственности и процессов их проявления в собственной жизни¹.

Наличие всех этих компонентов содержания – необходимое условие для реализации общих целей образования и осуществления его триединой функции: обучения, воспитания и развития. Учебный предмет характеризуется целостностью, единством и внутренней взаимосвязью абсолютно всех видов знаний и абсолютно всех разделов предмета, т. е. имеет конкретную структуру.

На структуру школьного курса химии оказывают воздействие идеи и подходы к его построению, состав и закономерность его содержания, сегодняшние тенденции формирования химического образования. При установлении структуры предмета следует принимать во внимание принципы системности, последовательности и преемственности в формировании знаний. Структурирование содержания школьного курса подразумевает акцентирование в нем основного, фундаментального, т. е. ведущих идей, теорий, законов, общих определений.

Химию в школе изучают четыре года: 8–9 классы – неорганическая, 10 класс – органическая химия. В 11 классе обобщаются пропедевтические знания, создается система первоначальных понятий, собирается фактологический материал о веществах и реакциях, обобщаются знания об основных классах неорганических соединений. В курсе 8 класса излагаются количественные отношения в химии, раскрываются периодический закон и периодическая система Д.И. Менделеева, химическая связь и строение веществ, которые далее рассматриваются при изучении групп галогенов и кислорода. В завершении курса рассматриваются значимые закономерности химических реакций и производство серной кислоты. В 9 классе изучается теория электролитов и далее раздел систематики элементов (неметаллы и металлы). В этот материал включены знания о химических производствах в метал-

¹ Суровцева Р.П., Гузей Л.С. Химия 8-9 классы: метод. пособ. Изд. 3-е. М.: Дрофа, 1998. 80 с. /

Surovtseva R.P., Guzey L.S. Chemistry 8–9 grades: tutorial. Publ. third. Moscow: Drofa, 1998. 80 p.

лургии. Курс 9 класса заканчивается обобщением знаний по неорганической химии (Примерные программы по учебным предметам. Химия 8-9 классы: стандарты второго поколения). В 10 классе курс начинается теорией химического строения органических веществ. Далее дедуктивно изучаются классы соединений в последовательности: углеводороды, кислородсодержащие, азотсодержащие вещества. Здесь же раскрывается несколько теоретических вопросов и политехнические знания. Заканчивается курс обобщением знаний (Примерные программы по учебным предметам. Химия 10-11 классы: стандарты второго поколения).

В структуру учебного предмета необходимо включать определенные формы учебной деятельности, направленные на развитие навыков творческой деятельности учеников:

Во-первых, в периоды формирования новых знаний организовывать процесс решения творческих заданий, открывающих сущность усваиваемого, актуализировать комплекс собственных знаний школьника. Во-вторых, использовать весь знакомый арсенал способов деятельности учеников при обучении, опираясь на метапредметные результаты. В-третьих, организовывать уроки-практикумы, лабораторные опыты, наблюдения демонстрационных химических экспериментов по изучаемой теме с элементами повторения других тем с помощью решения творческих заданий. Задания можно использовать не только в качестве тренировки, а нацеливать учащихся на самостоятельное осознание химических процессов, развитие навыков работы с информацией (умений получать и анализировать информацию).

По мнению С.Л. Соловейчика, есть три силы, заставляющие ребенка учиться: послушание, интерес и цель. Предмет химии – одна из самых сложных для понимания школьных дисциплин, но в то же время, химическое образование способствует формированию у детей отчетливых представлений о значимости химии в решении многочисленных вопросов человечества. Однако в условиях сокращения времени, отводимого на изучение химии при сохранении объема ее содержания, снижается познавательная активность учеников на уроке

(Романова, 2017).

Необходимо создавать условия, направленные на развитие познавательной активности учащегося. Усилить практический подход подготовки школьников можно за счет применения творческих заданий, главная задача которых – подготовить детей к решению вопросов, возникающих в практической деятельности человека, создать готовность к применению знаний в процессе жизнедеятельности. Для эффективного выполнения творческих заданий необходима химическая интуиция, способность логически размышлять, а не только знания фактического материала – это шаг к развитию творческой личности (Бурая, Аранская, 2001).

За период изучения химии в школе дети должны не только получить знания, но по максимуму сформировать свои способности. Развитие способностей невозможно вне интенсивной, заинтересованной деятельности учащихся. Важнейшую роль в формировании творческих способностей учащихся на уроках химии играет процесс решения творческих познавательных заданий. Основная задача педагога – поддерживать интерес детей к предмету.

Для упрочнения знаний, развития интереса к химии и взаимосвязи с другими предметами учащимся предлагаются разнообразные творческие задания. Задания и способы их решения могут быть довольно различными:

- составление кроссвордов;
- придумывание сказок или стихотворений о каком-либо химическом веществе или процессе;
- изготовление моделей;
- составление рассказа с химическими ошибками;
- составление тестов, опорных схем и конспектов;
- выполнение практических заданий, проектов (Чалая, 2008).

Использование на уроках химии творческих задач позволяет разнообразить формы и методы работы с учащимися; сочетать на уроках творчество построения теории с процессом усвоения научных фактов и основных понятий по изучаемой теме; отходить от шаблонов; повышать познавательную активность учащихся; применять элементы опережающего обучения; воспитывать творческую личность школьника; рас-

ширять кругозор; активизировать эмоциональную память; мобилизовать внимание; развивать логическое, ассоциативное, критическое мышления; формировать различные способы деятельности; повышать мотивацию к обучению (Лямин, 2013).

Несмотря на высокую оценку научного и практического значения выполненных исследований по проблеме развития личности учащихся в процессе решения химических заданий, необходимо отметить, что на сегодняшний день некоторые ее аспекты не нашли должного решения. В частности, это вопросы влияния творческих заданий по химии на развитие интеллекта учащихся. В дидактической литературе и методических пособиях недостаточно полно раскрываются возможности использования творческих заданий в учебном процессе, задания представлены в недостаточном количестве (Романова, 2017).

Для примера приводятся творческие задания для изучения одной из тем школьного курса химии. Тема: «Основные классы неорганических соединений». Эти задания предлагались учащимся для решения.

Задание 1. «Лабиринт». Для того чтобы выйти из лабиринта, необходимо найти выигрышный путь (по горизонтали, по вертикали или по диагонали).

Старт	1. K_2O	2. SO_2	3. N_2O_5
4. Mn_2O_7	5. ZnO	6. MnO	7. Al_2O_3
8. NO_2	9. BaO	10. Cl_2O_7	11. BeO
12. SiO_2	13. P_2O_5	14. Li_2O	Финиш

Выигрышный путь – формулы основных оксидов (№ 1, 6, 9, 14).

Задание 2. Сочинить четверостишие по теме «Оксиды».

Работая с такими творческими заданиями, учащиеся получают дополнительную возможность для развития своих способностей. Читая предложенное задание, выполняя его, они развивают внимание, память, навыки работы с печатными материалами, умение правильно понимать текст, находить причинно-следственные связи.

Проводя первичное закрепление знаний о составе кислот и их классификации, можно использовать карточки с диаграммами. Учащимся предлагается определить на графике предложенные кислоты, назвать их, указать кислотные остатки, их валент-

ность, классифицировать кислоты и т. д.

Задание 3. Используя химические понятия, составить химическую сказку по темам на выбор или придумать самим: «Кислотные дожди», «Кислоты в составе пищи», «Производство кислот».

После изучения кислот целесообразно познакомить учащихся с солями, как продуктами реакций, в которых участвуют кислоты. Приводя различные примеры солей, следует их показывать, записывать химические формулы и отмечать какие-либо отличительные признаки, например, цвет или растворимость в воде. Самыми интересными являются сведения о применении солей, их нахождении в природе, значении для жизни человека, животных и растений.

Задание 4. Комнатные растения в классах и у вас дома нуждаются в подкормке азотом и калием. В нашем распоряжении есть следующие вещества: H_2O , K_2CO_3 , KOH , HNO_3 . Можно ли из них получить такое вещество, которое обеспечило бы одновременную подкормку азотом и калием. Запишите уравнение реакции (KOH и HNO_3).

Задание 5. Для лечения некоторых заболеваний рекомендуется принимать ванны из морской воды. Морская вода содержит ионы Na^+ , Mg^{2+} , Ca^{2+} , K^+ , Cl^- , SO_4^{2-} , Br^- , I^- . В санаториях, располагающихся далеко от моря, морскую воду готовят искусственно. Какие соли нужно растворить в пресной воде, чтобы приготовить морскую воду?

Обобщая и закрепляя знания по данной теме, деятельность на уроке можно организовать в виде игры с различными групповыми и индивидуальными заданиями.

Для проверки эффективности использования творческих заданий в процессе обучения химии студентами в период педагогической практики был проведен пробный эксперимент. Базой эксперимента послужила МБОУ СОШ № 92 г. Ростова-на-Дону. Дважды проводилось анкетирование на выявление степени сформированности творческих способностей у учащихся 8 класса – перед изучением выбранной темы и после знакомства с ней. В процессе наблюдения за учениками, учитывалось также их отношением к решению творческих заданий.

Ценным фактическим материалом были продукты деятельности учащихся – решения разнообразных творческих заданий, результаты анкетирования. Эти материалы,

главным образом, использовались для фиксации и анализа проблем и ошибок, которые возникали в процессе учебной деятельности учащихся.

Целью эксперимента являлось выявление степени сформированности творческих способностей у обучающихся. Опросник содержал 20 утверждений следующего характера: «Как правило, я легко сближаюсь с людьми в новых условиях», «Мне нравится решать типовые, стандартные задания», «Мне кажется, что я с большим желанием создавал бы или конструировал новое, чем улучшал или совершенствовал старое» и т. д. Учащимся 8-х классов предлагалось выразить меру своего согласия относительно каждого утверждения.

По результатам первого анкетирования всего лишь 19 % опрошенных школьников показали очень высокую и высокую степень сформированности творческих способностей. Такие дети всегда найдут дело, в котором можно проявить творчество, организуют своих товарищей на интересные дела, они стремятся самостоятельно находить решения в новых трудных ситуациях.

Среднюю степень имеют большинство – 42 % школьников, участвующих в исследовании. Для них важно, как оценивают их труд окружающие, им нравится находить причины своих неудач.

Между тем анализ ответов показал, что есть достаточное количество школьников с низкой и очень низкой степенью сформированности творческих способностей (39 %). Это дети неуверенные в собственных силах и способностях, они рассчитывают на

внешнюю помощь при выполнении творческих заданий, теряются в сложных жизненных ситуациях, нуждаются в поддержке.

Результаты второго анкетирования значительно отличаются. Очень высокую и высокую степень сформированности творческих способностей показал 61 % повторно опрошенных школьников. Разность результатов первого и второго анкетирования составила 42 %. Среднюю степень сформированности творческих способностей имеют 27 % участников анкетирования, низкую – 12 %, а школьники с очень низкой степенью сформированности творческих способностей вообще отсутствуют.

Это говорит о том, что результаты анкетирования после апробирования разработанной системы творческих заданий значительно улучшились. Экспериментальное исследование показало, что использование предложенной подборки творческих заданий является эффективным средством активизации учебно-познавательной деятельности учащихся на занятиях по химии, способствует формированию у них устойчивых познавательных интересов, постепенно переходящих в познавательную потребность, творческих умений исследовать, оценивать, раскрывать сущность химических явлений, процессов, законов и методов познания.

Целенаправленное включение творческих заданий в учебный процесс по химии способствует развитию у школьников конвергентного и дивергентного мышления, дает возможность приблизить учебную деятельность к научной, что повышает научный уровень школьного курса химии.

Библиографический список

Буряя И.В., Аранская О.С. Интеграция знаний и умений как условие творческого саморазвития личности // Химия в школе. 2001. № 10. С. 23–32.

Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. СПб.: Союз, 1997. 96 с.

Козлов В.В., Кондаков А.М. Фундаментальное ядро содержания общего образования. Стандарты нового поколения. М.: Просвещение, 2009. 48 с.

Коротяев Б.И. Учение – процесс творческий. Книга для учителя: из опыта работы. М.: Просвещение, 1989. 158 с.

References

Buraya I.V., Aranskaya O.S. Integration of knowledge and skills as a condition for creative self-development of the individual. *Khimiya v shkole* [Chemistry at school], 2001, no. 10, pp. 23–32. (In Russian).

Vygotskii L.S. *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste* [Imagination and creativity in childhood]. Saint Petersburg: Soyuz Publ., 1997, 96 p. (In Russian).

Kozlov V.V., Kondakov A.M. *Fundamental'noe yadro soderzhaniya obshchego obrazovaniya. Standarty novogo pokoleniya* [The fundamental core of the content of general education. New generation standards]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2009, 48 p. (In Russian).

Korotyaev B.I. *Uchenie – protsess tvorcheskii. Kniga dlya uchitelya: iz opyta raboty* [Learning is a creative process. The teacher's book: from work experience]. Moscow: Prosveshchenie

Лямин А.Н. Интегральные познавательные задания при обучении химии в современной школе [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № 10. С. 96–100. URL: <https://e-koncept.ru/2013/13210.htm> (10.09.2018).

Примерные программы по учебным предметам. Химия 10–11 классы: стандарты второго поколения. М.: Просвещение, 2011. 88 с.

Примерные программы по учебным предметам. Химия 8–9 классы: стандарты второго поколения. М.: Просвещение, 2012. 92 с.

Романова О.В. Развитие творческих способностей учащихся в процессе их подготовки к дистанционным химическим олимпиадам // Дистанционное и виртуальное обучение. 2017. № 5. С. 72–81.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]. URL: http://www.school7keys.com/files/File/2015/10/18/Federal_nij_gosudarstvennij_obrazovatel_nij_standart_osnovnogo_obshego_obrazovaniya_ot_17_dekabrya_2010.pdf (дата обращения: 10.09.2018).

Чалая Г.В. Система работы с одаренными детьми на уроках химии и во внеурочной деятельности. Минск, 2008. 44 с.

Критерии авторства

Романова О.В. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах

Романова Ольга Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики биологического образования, Южный федеральный университет, 344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, e-mail: romanovaov77@rambler.ru

Publ., 1989, 158 p. (In Russian).

Lyamin A.N. Integral educational tasks in teaching chemistry in modern school. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Koncept"* [Scientific-methodical electronic journal "Concept"]. 2013, no. 10, pp. 96–100. Available at: <https://e-koncept.ru/2013/13210.htm> (accessed September 10, 2018).

Primernye programmy po uchebnym predmetam. Khimiya 10–11 klassy: standarty vtorogo pokoleniya [Sample programs of academic subjects. Chemistry for 10–11 grades: standards of the second generation]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2011, 88 p. (In Russian).

Primernye programmy po uchebnym predmetam. Khimiya 8–9 klassy: standarty vtorogo pokoleniya [Sample programs of academic subjects. Chemistry for 8–9 grades: standards of the second generation]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2012, 92 p. (In Russian).

Romanova O.V. Development of students' creative abilities while preparing them for remote chemical olympiads. *Distantionnoe i virtual'noe obuchenie* [Distance and virtual learning], 2017, no. 5, pp. 72–81. (In Russian).

Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart osnovnogo obshchego obrazovaniya [Federal State Educational Standard of Basic General Education]. Available at: http://www.school7keys.com/files/File/2015/10/18/Federal_nij_gosudarstvennij_obrazovatel_nij_standart_osnovnogo_obshego_obrazovaniya_ot_17_dekabrya_2010.pdf (accessed September 10, 2018).

Chalaya G.V. *Sistema raboty s odarennymi det'mi na urokakh khimii i vo vneurochnoi deyatelnosti* [The system of working with gifted children in chemistry classes and in extracurricular activities]. Minsk, 2008, 44 p. (In Russian).

Criteria for Authorship

Romanova O.V. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Author Credentials

Olga V. Romanova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Biological Education Theory and Methodology Department, South Federal University, 105/42 B. Sadovaya St., Rostov-on-don 344006, Russian Federation, e-mail: romanovaov77@rambler.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПО РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМИИ КУБАНИ)

© Т.В. Федотова

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13

Аннотация: В статье анализируется возможность внедрения регионального компонента в процесс обучения русскому языку посредством изучения топонимии региона. Отмечается, что все разделы русского языка можно рассматривать с учетом местных географических названий, что позволяет не только заинтересовать учащихся, так как топонимы всегда представляют интерес для школьников, но и на этой основе установить межпредметные связи. В работе на примере топонимии Кубани предлагаются конкретные условия включения регионального языкового материала в познавательный процесс. Кроме того, рассматриваются дополнительные источники стимулирования познавательной деятельности учащихся. Акцентируется внимание на том, что включение регионального компонента будет в наибольшей степени способствовать формированию у учащихся бережного и корректного отношения к родному языку, повышению интереса к изучению тех или иных лингвистических явлений. Такая позиция может быть сформирована как в процессе обучения непосредственно на уроках русского языка, так и с привлечением кружковых и факультативных занятий. В исследовании представлен перечень заданий, которые будут способствовать осмыслению топонимического материала. Предлагается ряд заданий, имеющих отношение к определенным разделам русского языка. Делается вывод, что именно изучение местных географических названий способствует установлению национальных культурно-исторических связей в полиэтничном регионе, которые, в свою очередь, формируют языковую картину мира школьника с позиции патриотизма. Кроме того, сравнительно-сопоставительное рассмотрение русских и адыгейских названий в значительной степени поможет учащимся сформировать ценностную картину мира двух народов.

Ключевые слова: русский язык, топонимика, региональный компонент, патриотизм, языковая картина мира.

Информация о статье: Дата поступления 15 августа 2018 г.; дата принятия к печати 13 сентября 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2018 г.

Для цитирования: Федотова Т.В. Региональная топонимика как одно из направлений по реализации регионального компонента (на материале топонимии Кубани). *Социальная компетентность*. 2018;3(3):32–38.

REGIONAL TOPONYMICS AS AN AREA OF FOCUS FOR IMPLEMENTING THE REGIONAL COMPONENT (IN CASE OF KUBAN TOPONYMY)

© Tatyana V. Fedotova

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
13 Kalinin St., Krasnodar 350044, Russian Federation

Abstract: The article examines the possibility of introducing a regional component in the Russian language teaching through the study of regional toponymy. It states that all components of the Russian language can be considered with due account for local geographic names that allows not only generate interest among students since toponyms are always of interest to schoolchildren, but also to establish interdisciplinary connections on this basis. Using the example of Kuban toponymy, the author suggests specific conditions to introduce regional language material in the cognitive process. Moreover, some extra sources of students' cognitive activity stimulation are considered. The attention is focused on the fact that the inclusion of the regional component will most contribute to the formation of students' careful and correct attitude to their native language and to their greater interest in the study of linguistic phenomena. Such a position can be formed both in teaching the Russian language in class and during extracurricular activities. The study presents a list of assignments that will contribute to the understanding of toponymic material and suggests a number of tasks related to specific components of the

Russian language. It is concluded that the study of local geographical names promotes the establishment of national cultural and historical ties in the polyethnic region that shape students' linguistic picture of the world from the standpoint of patriotism. Besides, a comparative review of Russian and Adyge names will greatly help students shape a value-conscious picture of the world of two peoples.

Keywords: *Russian language, toponymy, regional component, patriotism, linguistic picture of the world*

Article info: Received August 15, 2018; accepted September 13, 2018; available online September 30, 2018.

For citation: Fedotova T.V. Regional toponymics as an area of focus for implementing the regional component (in case of Kuban toponymy). *Sotsial'naya kompetentnost'* = *Social Competence*. 2018;3(3):32–38. (In Russ.).

Воспитание патриотизма, основанное на сохранении культурного наследия нации – одна из главных задач, стоящих перед педагогами как средней, так и высшей школы. Решение этой задачи предполагает использование индивидуального подхода в обучении с учетом не только психологических особенностей учащихся, но и влияния региональной культурной и социальной среды. Совершенно очевидно, что значимая роль в этом процессе отводится региональному компоненту, который включен в систему как среднего, так и высшего образования.

По требованиям Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС), основная цель регионального компонента – сохранение единого образовательного пространства России и освоение учащимися системы знаний о своем регионе. В соответствии с этими требованиями строится и программа обучения с включением регионального компонента образования, призванного сформировать у обучающихся духовно-нравственные ориентиры, способствовать развитию их творческого потенциала, толерантности в условиях современного мира. В основе такой программы лежит изучение истоков национальной духовной жизни, анализ региональных языковых особенностей путем систематического и последовательного включения в курс русского языка средней и высшей школы местного языкового материала.

Достижение поставленных целей должно реализовываться через подготовку различных словарей на местном языковом материале, учебно-методических пособий, методических рекомендаций, специальных программ по работе с лингвокраеведческим материалом. К сожалению, внедрение в учебный процесс регионального компонента значительно осложняется такими

факторами, как отсутствие дополнительных часов урочного времени, ограниченное количество соответствующих методических и учебных пособий, региональных словарей и справочников.

В свою очередь, привлечение топонимического материала на уроках русского языка является начальным этапом для устранения пробела в лингвокраеведческой работе и одновременно первым шагом в реализации включения регионального компонента в преподавание русского языка. Безусловно, педагогами при составлении программ по реализации регионального компонента и их использовании непременно должны учитываться особенности района:

- географическое положение;
- историческое прошлое;
- национальные особенности местного населения.

Включение в ФГОС регионального компонента предполагает обязательное и систематическое включение такого рода материалов в курс русского языка. Поэтому определение содержания лингвокраеведческой работы, разработка форм и приемов использования их на уроках и во внеурочной деятельности становится первоочередной задачей современной школы.

Говоря о включении топонимического материала, необходимо отметить, что уровень информированности в области региональной топонимики будет заметно повышаться в зависимости от того, как реализуются межпредметные связи. Так, связь топонимики с географией и историей значительно пополнят знания учащихся об особенностях своего региона при условии, что топонимический материал будет задействован при изучении данных дисциплин. Этот этап предполагает формирование навыков самостоятельной исследовательской ра-

боты в области географии и истории района и региона в целом.

Безусловно, большую помощь в этом направлении могут оказать факультативные и кружковые занятия. Однако топонимический материал может с большим успехом использоваться и непосредственно на уроках русского языка при изучении практически всех разделов. Кроме того, включение регионального материала в курс русского языка хорошо стимулирует познавательную деятельность учащихся, так как анализ языковых фактов на местном материале имеет большую прагматическую направленность, чем рассмотрение абстрактных примеров.

Как правило, учителя обращаются к именам собственным исключительно с точки зрения правописания – прописная или строчная буква в данном слове. Такой подход абсолютно не влияет на усваивание знаний учащимися в аспекте ономастического информирования. Подобная ситуация не способствует пониманию того, что ономастическое пространство любого региона – не изначально заданная система, а динамически меняющаяся ономастическая картина, зависящая от многих экстралингвистических факторов, складывающаяся в соответствии с породившим ее историко-культурным процессом, а, следовательно, являющаяся источником знаний о духовной культуре этноса, его исторической памяти. Топонимика, в свою очередь, как раздел ономастики соответствует тем же признакам, свойственным любому имени собственному.

Известно, что каждая топонимическая система развивается по своим внутренним законам и обладает специфическими чертами, следовательно, основная цель изучения региональной топонимики – пробуждать интерес к историческому прошлому своего народа, к родному языку в различных его проявлениях, используя данные топонимических исследований. Любой раздел языка позволяет включать материал, имеющий отношение к местным топонимам. Первое знакомство уже можно начать при изучении основных разделов науки о языке, представив дополнительно раздел «Ономастика».

Подробнее стоит остановиться на разделе «Топонимика». Учащимся будет ин-

тересно узнать, что окружающие их географические названия содержат информацию не только о физико-географических признаках того или иного объекта, о флоре и фауне региона, района и даже села, но и об истории края, известных людях, чья деятельность связана с той или иной местностью, обрядах и обычаях, легендах и преданиях, нашедших отражение в топонимах.

Обращение к этому разделу с приведением примером (в большей части местных топонимов) внесет живой интерес к истории края, будет способствовать лучшему усвоению грамматических и других явлений языка. Данный раздел целесообразно сопровождать вопросами и заданиями следующего содержания:

1. По каким основным признакам различаются имена собственные и нарицательные?

2. В чем, на ваш взгляд, заключается специфика топонима как имени собственного?

3. В чем отличие естественных топонимов от искусственных? В качестве примеров используйте те топонимы, которые функционируют на территории, где вы проживаете.

4. Объясните понятие «имена вторичной номинации», укажите их разновидности.

5. Расскажите о классификации топонимов по величине, составу, происхождению. О каких еще критериях для топонимических классификаций вы знаете?

6. С какими разделами русского языка связаны термины, используемые в топонимике? Ответ должен быть аргументированным, с приведением примеров.

При изучении раздела «Фонетика» можно включать материал, касающийся адаптации заимствованных топонимов. Для Кубани (и для других полиэтничных регионов) этот материал будет интересен в том плане, что первоначально вся топонимика была иноязычной и русские первопоселенцы осваивали ее, приспособляясь к произносительным нормам аборигенов. В данном случае можно затронуть фонетические особенности адыгейского языка в сопоставлении с русским на примере местных топонимов. Так, на Северо-Западном Кавказе встречаются топонимы, утратившие свой первичный фонетико-морфологический облик, например, Руфабго, Укос, Чессу и т. д.

(Самовтор, 2011). Обращение к языку другого народа лишней раз подчеркнет уважение к языку представителей другой культуры.

В качестве дополнительного источника стимулирования познавательной деятельности в области языка вообще и топонимики в частности уместно будет использовать задания следующего типа:

1. Подготовьте сообщение об изменениях в структуре и семантике топонимов вашего района, прослеживающихся в дореволюционный и послереволюционный период.

2. Как относится русскоязычное население к нерусским названиям (дает свою мотивировку, искажает произношение, приспособливает к похожим русским словам и т. д.).

3. Приведите примеры из документов местного краеведческого музея о случаях переименований объектов в вашем районе.

Изучение такого раздела, как «Морфемика. Словообразование» также помогает увидеть специфику своего района и региона. Так, деривационные процессы в русском языке можно с успехом рассматривать на структуре и образовании местных топонимов. Не является исключением и топонимическое пространство Краснодарского края, так как наряду с адаптированными в деривационном аспекте топонимами немалый интерес представляют собственно русские топонимы, разнообразные как в морфемном, так и в словообразовательном аспектах.

При изучении раздела «Морфемика. Словообразование» для привлечения местного топонимического материала можно идти в двух направлениях. Во-первых, анализировать информационную содержательность суффиксов на примере топонимов русского и адыгейского происхождения. Интересно в этом отношении исследование Р.Ю. Намитоковой и С.К. Сапиевой, где анализируется семантика лексемы *Кавказ* на базе его производных, представленных в разных словарях и новообразованиях в медиатекстах, извлеченных из сети Интернет (Намитокова, Сапиева, 2013). Так, словообразовательное подгнездо лексемы *Кавказ* включает топонимы и другие типы онимов: *Владикавказ*; *Кавказ-пик*; *Кавказский* (заповедник); *Кавказская* (станция на Кубани); *Новокавказский* (поселок в Ставрополье);

Кавминводы (Кавказские минеральные воды); *Закавказье*; *Предкавказье* (Намитокова, Сапиева, 2013). Во-вторых, анализ производных от лексемы *Кавказ* позволит рассмотреть некоторые деривационные аспекты раздела «Морфемика. Словообразование». Кроме того, понятие «однокоренные слова» в полной мере можно проиллюстрировать теми же производными от лексемы *Кавказ*: *кавказ(ец)*; *кавказ-к-а*; *кавказ-ск-ий*; *кавказ-о-вед(ени-е)*; *кавказовед*; *кавказовед-чesk-ий*; *кавказовед-чeskий*. В-третьих, рассматривая раздел «Словообразование» как один из главных источников пополнения словаря, целесообразно обратить внимание на собственно русские топонимы, образованные от имен и фамилий первопоселенцев и словообразовательную адаптацию географических названий аборигенов русскими первопоселенцами. В данном случае можно предложить следующие задания:

1. От каких основ, с помощью каких суффиксов образовались топонимы *Дивно-морское*, *Дмитриевская станица*, *Днепровская станица*, *Екатериновка*, *Елизаветинская*, *Еремизино-Борисовская станица*, *Кабардинка*, *Кавказская станица*, *Казанская станица*, *Калинино* и др.

Кроме того, укажите те топонимы, которые имеют альтернативную словообразовательную характеристику, например, *Георгиевка* от имени *Георгий* или от фамилии *Георгиев*? Здесь важно будет подчеркнуть, что некоторые топонимы образовались от имен, а некоторые от фамилий первопоселенцев, и без знания истории своей местности это бывает трудно установить.

2. Приведите примеры названий населенных пунктов русского происхождения, которые встречаются в вашей местности, что вам известно об истории образования этих названий.

При анализе словообразовательной адаптации заимствованных топонимов, например, на территории Восточного Забайкалья, следует обратить внимание на такой исторический факт, что часто заимствованные наименования принимались русскими первопоселенцами в измененном виде не только с точки зрения фонетики, но и словообразования, т. е. происходила словообразовательная адаптация. Здесь уместно будет использовать задания следующего характера:

1. От каких основ, с помощью каких суффиксов образовались топонимы: *Анапа, Гиага, Гостагай* и др.

2. Известно ли вам, что обозначают основы, от которых образовались приведенные выше слова? Здесь целесообразно будет привести небольшую историческую и этимологическую справку.

3. Приведите известные вам примеры топонимов Краснодарского края, где иноязычные названия претерпели словообразовательную адаптацию.

4. Каковы структурные различия отыменных и отфамильных топонимов?

5. Расскажите о микротопонимах, образованных от антропонимов, встречающихся на территории вашего населенного пункта, обращая внимание на способ образования и структуру микроантропонима.

Изучение «Лексикологии» предоставляет большие возможности для использования регионального топонимического материала в процессе изучения русского языка. Так, используя местные топонимы, можно подробнее остановиться на функциях слова вообще, и имени собственного в частности, отмечая особую информативность топонимов.

Темы «Однозначные и многозначные слова», «Прямое и переносное значения слов» дают возможность рассматривать на местном материале такие понятия, как «метафора» и «метонимия». Интересны будут задания следующего типа:

1. Как вы думаете, какой процесс русского языка отражен в названиях: гора *Сапог*, ручей *Золотой*, гора *Столбы* и т. п. Приведите аналогичные примеры микротопонимов, которые встречаются в вашей местности.

2. Используя географическую карту Краснодарского края и Адыгеи, приведите примеры топонимов, образованных в процессе метафоризации.

Кроме этого, данные топонимии уместно будет использовать при изучении темы «Понятие об этимологии», где процесс этимологизации можно рассматривать не только на примере общеизвестных слов, но и на местном топонимическом материале. Данный раздел может включать исторические справки следующего плана: «В русской топонимии Адыгеи периферийную зону составляют названия, которые связаны с

логической последовательностью освоения пространства, что имеет отношение к позднему формированию русской топонимической системы. Постепенно человек переходит в номинации от описания к характеристике, и тогда возникают названия, которые отличаются стилистической окрашенностью, экспрессивностью. Конечно, эти наименования семантически прозрачны (*Красная Поляна* – в предгорьях Кавказа (Апшеронский район) поселок раскинулся среди альпийских лугов, усеянных красными маками, или всевозможные наименования со словом *Красный* (например, *Красный Аул, Красная Горка* (где *красный* имеет значение – красивый, славный)» (Баранова, 2012).

Раздел «Морфология» в аспекте включения материала по региональной топонимии представляет интерес с той точки зрения, что в нем уместен будет анализ местных топонимов с точки зрения современной нормы их склонения в сочетаниях с географическими терминами, а также грамматической оформленности местных наименований географических объектов в процессе исторического развития района.

Относительно описываемого региона для учащихся Краснодарского края интересны будут сопоставления из разных языков при образовании форм топонимов. Например, интересное исследование приводит С.В. Самовтор. На месте упраздненной станицы Николаевской в 1862 г. возникает Анапская станица. Название станицы Анапской, как и название г. Анапа, не имеет единой этимологической трактовки. К.Х. Меретуков приводит шесть различных этимологий этого топонима. Так, по одной из версий, Анапа происходит от адыгских слов *lanэ (ана)* – «стол», и *пэ (па)* – «край», т. е. «край стола». По другой версии слово Анапа состоит из двух основ *ана* + *па*, где Ана (Анапка) – название реки, в устье которой расположен г. Анапа, второй элемент – *па* // *-пэ* означает устье. Анапа – город в устье реки Ана (Меретуков, 1990. С. 25).

Кроме названных разделов языка, изучение местного топонимического материала целесообразно включать в процесс изучения языковых норм, так как зачастую при использовании топонимов, как местного, так и общетерриториального масшта-

бов, у учащихся возникают трудности, обусловленные разнообразием в акцентологии, словопроизводстве, орфографии и топонимических образованиях (Луговая, 2005).

Таким образом, любое использование регионального материала, будь то факультатив, кружок, урок русского языка, должно стать неизменным компонентом процесса обучения, обеспечивая не на словах, а на деле реализацию регионального компонента. В данном случае нельзя не согласиться с мыслью А.Ф. Макеева, что изучение функционирования любого языка в полиэтничных условиях требует сравнительного анализа лексики, варьирования тех или иных грамматических категорий не только в русском языке, но и в языках аборигенов.

Это, безусловно, в наибольшей степени будет способствовать формированию у учащихся бережного отношения к родному языку, повышению интереса к изуче-

нию определенных лингвистических явлений, что влияет на создание языковой картины мира в аспекте осознания культурно-исторических связей региона, а также патриотизма и любви к малой родине.

В связи с тем, что названия географических объектов зачастую отражают ценностную картину мира народа, говорящего на данном языке, то, изучая русские и адыгейские названия, можно представить объективную картину контакта двух культур, их взаимовлияние и взаимопроникновение. Именно сравнительное и сопоставительное изучение топонимов позволяет обнаружить национальные культурно-исторические связи и национальный колорит как адыгской топонимии, так и русской, способствует построению более полной и репрезентативной типологии регулярно реализуемых в данной национальной картине мира топонимических единиц (Баранова, 2012).

Библиографический список

Самовтор С.В. Этнические аспекты топонимики Краснодарского края. Краснодар, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-15653.html> (10.08.2018).

Намитоква Р.Ю., Сапиева С.К. Лексема Кавказ и ее словообразовательный потенциал // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 4 (128). С. 45–50.

Баранова А.Ю. Топонимия как средство актуализации ментальности в русско-адыгской лингвокультуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 142–145.

Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. М.: Прометей, 1990. 211 с.

Луговая Л.И. О произносительной, словообразовательной и орфографической норме в топонимах // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного университета, 2005. С. 312–315.

References

Samovtor S.V. *Etnicheskie aspekty toponimiki Krasnodarskogo kraya* [Ethnic aspects of toponymy of Krasnodar Territory]. Krasnodar, 2011. Available at: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-15653.html> (accessed August 10, 2018).

Namitokova R.Yu., Sapieva S.K. The lexeme Kavkaz and its word-building potential. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adyge State University. Series 2: Philology and art history], 2013, no. 4 (128), pp. 45–50. (In Russian).

Baranova A.Yu. Toponymy as a means of updating mentality in the Russian-Adyge linguistic culture. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adyge State University. Series 2: Philology and art history], 2012, no. 2, pp. 142–145. (In Russian).

Meretukov K.Kh. *Adygeiskii toponimicheskii slovar'* [Adyge toponymic dictionary]. Moscow: Prometei Publ., 1990, 211 p. (In Russian).

Lugovaya L.I. *O proiznositel'noi, slovoobrazovatel'noi i orfograficheskoi norme v toponimakh* [On pronunciation, word-formation and spelling norm in toponyms]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Onomastika v krugu humanitarnykh nauk"* [Proceedings of international scientific conference "Onomastics and Humanities"]. (Ekaterinburg, September 20–23, 2005). Ekaterinburg: Ural State University Publ., 2005, pp. 312–315. (In Russian).

Критерии авторства

Федотова Т.В. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Федотова Татьяна Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13,
e-mail: Fedotova66@mail.ru

Criteria for Authorship

Fedotova T.V. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Author Credentials

Tatyana V. Fedotova, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Language and Speech Communication Department, Kuban State Agricultural University named after I.T. Trubilin, 13 Kalinin St., Krasnodar 350044, Russian Federation,
e-mail: Fedotova66@mail.ru

**РЕПЕТИТОРСТВО КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ**

© В.Б. Большов

Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы развития института репетиторства в условиях развития современного образовательного пространства. Репетиторство рассматривается как необходимый институт, дополняющий, а порою и подменяющий систему подготовки в общеобразовательной школе. Акцентируется внимание на растущем социальном расслоении в современном российском обществе. Приводятся теоретические аргументы, показывающие скрытое влияние системы образования на формирование социального неравенства. Подчеркивается дифференцирующая роль репетиторства как фактора социального расслоения в молодежной среде в период окончания обучения в общеобразовательной школе. Приводятся результаты прикладного социологического исследования, подтверждающие тенденцию роста репетиторства как формы дополнительной образовательной услуги как среди выпускников школ, так и среди первокурсников. Выявлены причины широкого распространения системы репетиторства среди оканчивающих общеобразовательную школу. Определены основные причины обращения выпускников школ к репетиторам. Выявлены социокоммуникативный, культурный и социальный аспекты репетиторства. Приводятся эмпирические результаты смежных исследований, изучающих роль и место репетиторства как фактора современной системы образования. В результате исследования автор приходит к выводу, что выпускники 11 классов достаточно активно включены в подготовку у репетиторов. Как показали результаты опроса, подавляющая часть первокурсников так или иначе обращалась к репетиторским услугам, студенты-первокурсники ряда специальностей вузов практически все занимались с репетиторами. Делается вывод о стабильности функционирования института репетиторства, прошедшего легитимацию в общественном сознании в современных российских условиях.

Ключевые слова: образование, репетиторство, социальное неравенство, социальная дифференциация, подготовка в вуз.

Информация о статье: Дата поступления 13 июля 2018 г.; дата принятия к печати 22 августа 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2018 г.

Для цитирования: Большов В.Б. Репетиторство как фактор социального неравенства в образовательной среде. *Социальная компетентность*. 2018;3(3):39–48.

TUTORING AS A FACTOR OF SOCIAL INEQUALITY IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

© Victor B. Bolshov

Kuban State University,
149 Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Abstract: The article is devoted to the problems of the tutoring institute development in the context of the development of the modern educational space. Tutoring is considered as a necessary institution that complements and often replaces the system of training in a secondary school. The attention is focused on the increasing social inequality in the modern Russian society. The article provides the theoretical arguments to show the insidious effects of the educational system on the formation of social inequality and highlights the differentiating role of tutoring as a factor of social differentiation among young people in the period of secondary school completion. It presents the results of the applied sociological research that confirm the increasing trend of tutoring as an additional educational service both among school leavers and first-year students. The author identifies the causes of the wide spread of tutoring among secondary school leavers, determines the main reasons to seek tutoring and shows its socio-communicative, cultural and social aspects. The article provides the empirical results of related research examining the role and place of tutoring as a factor in the modern education system. The study concludes that school leavers are quite actively involved in training with tutors. The results of the survey

have shown that the vast majority of first-year students have sought tutoring services; practically all first-year students of some fields of study in the higher educational institutions have worked with a tutor. The conclusion is made about the stability of the functioning of the institution of tutoring, which has been legitimized in the public consciousness in the modern Russian conditions.

Keywords: *education, tutoring, social inequality, social differentiation, academic preparatory classes*

Article info: Received July 13, 2018; accepted August 22, 2018; available online September 30, 2018.

For citation: Bolshov V.B. Tutoring as a factor of social inequality in the educational environment. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. 2018;3(3): 39–48. (In Russ.).

Момент окончания общеобразовательной школы является для большинства выпускников ключевым в деле выбора своей профессиональной деятельности и жизненного самоопределения в целом. Выбор формы образовательного пути во многом предопределяет дальнейшую жизнь молодого человека. Традиционно образование выступает базовым социальным институтом общества, направленным на воспитание и профессиональную подготовку новых членов общества, посредством которого реализуется социальная мобильность молодежи. Кроме того, за счет реализации образовательных механизмов социальная система в целом становится стабильной, устойчивой и возобновляемой. Некоторые исследователи видят в образовании основание для построения меритократического общества, в котором статусные позиции индивида определяются его образовательным и культурным капиталом, умениями и знаниями. Сфере образования неизменно отводится особая роль в формировании принципа социального равенства как одного из базовых элементов любой социальной системы.

Стремление молодых людей к получению образования, наличие возможности как таковой, расширение жизненного кругозора и формирование мировоззрения выступают терминальной ценностью всего человечества. Однако образование способно реализовать и сугубо прагматические, утилитарные задачи, выступая в качестве инструмента достижения и реализации познавательных задач, способствуя накоплению культурного капитала человека. В этом инструментальном, утилитарно-прагматическом смысле наличие возможности в сфере образования означает доступ в дальнейшем и к другим общественным благам.

В данном контексте необходимо отметить, что целевые ориентиры руководства России в образовательной сфере декларируют равные возможности и доступ к бесплатному качественному образованию для всех граждан, предполагаются широкие возможности для всех слоев населения.

Тем не менее в течение последних десятилетий неизменно наблюдается тенденция к усилению дифференциации общественной жизни. По мнению российского социолога Г.Е. Зборовского, в условиях нашей страны происходит не ослабление или сглаживание социальных неравенств, а наоборот – усиление и углубление многих из них. Идея «уравниловки», отмечает Г.Е. Зборовский, ушла в прошлое, люди не против неравенства как такового, но существует различная социальная оценка относительно того, как получены материальные и другие блага. При этом речь идет совсем не обязательно о материальном вознаграждении (Зборовский, 2013. С. 4).

Проблемы социального неравенства и социального расслоения общества являются значимыми и для молодежной среды. Социальное расслоение предполагает существование множества социальных общностей и социальных групп, в которые потенциально может быть включен молодой человек. В тоже время следует подчеркнуть значительную динамику процесса вхождения молодого человека в те или иные группы. Молодежь – это особая социально-возрастная группа, представители которой только вступают в активные социальные отношения, формируют свое видение и представление относительно устройства общества, его системы ценностей, общенациональных и жизненных приоритетов.

Внимание социологов привлечено к проблемам социального неравенства в мо-

лодежной среде, главным образом, в ключевые периоды жизни молодых людей, на начальных ступенях их самостоятельной жизни.

Не является секретом тот факт, что социальное положение молодежи на этапе жизненного старта в большей степени определяется интеллектуальными и материальными ресурсами родителей, наличием культурного семейного капитала. Это проявляется в структуре и качестве усвоения материальной и духовной культуры, жизненных притязаниях, в выборе форм и способов досуговой деятельности и качества и уровня образования. Все эти моменты формируют комплекс критериев, согласно которым и определяются статусные позиции молодого человека в современном мире.

В данном контексте образование не может быть рассмотрено как абсолютный механизм, посредством которого происходит выравнивание социального положения молодого человека в обществе. Некоторые авторы даже подчеркивают наличие в системе образования латентных механизмов, поддерживающих и формирующих социальное неравенство. Так, Л. Альтюссер отмечает, что «... мы все больше и больше учимся: учимся чтению, письму, счету, то есть некоторым техническим навыкам, и еще многому другому, включая некоторые элементы (зачаточные или, наоборот, углубленные) "научной" или "литературной" культуры, которые могут непосредственно использоваться в различных уровнях включенности в производство (для рабочих – одно образование, для технических работников – другое, для инженеров – третье, для управленцев – четвертое и так далее). То есть нас учат некоторым "практическим навыкам". Но вместе с этими знаниями и навыками мы усваиваем в школе и "правила" хорошей службы, то есть приличия, необходимо соблюдаемые в зависимости от той должности, которую "призван" занимать в будущем всякий служащий согласно установленному разделению труда» (Альтюссер, 2011).

В продолжение темы следует упомянуть французских исследователей П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрона, которые отмечают, что «несмотря на широко распространенные требования равенства возможностей, элиты приспособили новые стратегии для обеспечения своей преемственности от поколения

к поколению. Образовательная система стала ключевым моментом этих стратегий. С помощью педагогических методов, отношений между учителем и учениками, отбора учебных курсов и методов селекции экономически привилегированные и хорошо образованные дети получили преимущества по сравнению с менее привилегированными и менее обученными. Другими словами, образовательная система, несмотря на ставшее в результате демократических реформ общедоступным полное среднее и высшее образование и возросший уровень обучения в целом, не только не разрушила классовое и культурное неравенство, а скорее усилила его» (Шкаратан, 2011. С. 16).

В российской социологической практике также отмечаются факты социальной дифференциации в образовательной сфере, особенно это заметно на переломных этапах, что приводит к различиям в формировании дальнейших жизненных путей молодых людей. В данном контексте следует отметить исследования В.Н. Шубкина, Д.Л. Константиновского, Г.А. Чередниченко, В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок (Зубок, 2003; Чередниченко, 2014; Чупров, Зубок, Уильямс, 2003; Шубкин, Константиновский, 1977).

В частности, Д.Л. Константиновский отмечает, что «социологов и организаторов системы образования не должно вводить в заблуждение кажущееся благополучие с планами и ориентациями детей промышленных рабочих и рабочих агропромышленного комплекса по поступлению в вузы». Почти половина (44,6 %) планировавших поступить в вуз из 14,9 % от всего удельного веса среди выпускников средней школы – это 6–7 чел. на 100 выпускников. В 1960-е гг. их было 25, в 1980-е – 11, а для детей руководящей элиты данное соотношение выросло с 3 до 24 чел. (Константиновский, 1997. С. 101).

Также высказывается мнение, что в современной системе общего образования в России не соблюдается (не выдерживается) принцип социальной справедливости, так как «предпочтение отдается в пользу детей, обладающих солидным социальным капиталом и продвинутых в социально-когнитивном направлении» (Столяренко, Мержоева, 2010. С. 205).

Дифференциация в уровне и качестве жизни современных школьников и их

семей, появление новых форм передачи знаний и подготовки учащихся привели к изменениям и в практике образования. В настоящее время все больше имеет место такая форма обучения и подготовки школьников к сдаче экзаменов, как репетиторство.

Основной причиной активного распространения репетиторства является огромное желание молодых людей поступить в вуз. Репетиторство – это ответ на неспособность массового образования адекватно отреагировать на разрыв между требованиями вузов и уровнем подготовки в обычной общеобразовательной школе. Ряд предметов (иностранный язык, математика) в силу своей специфики изначально требуют индивидуального подхода с учетом психологических и когнитивных особенностей конкретного школьника. Как правило, репетиторы осуществляют лучшую подготовку по сравнению с педагогами в школе или преподавателями курсов, так как имеют возможность учитывать индивидуальные потребности и способности обучающихся. Требования вступительных экзаменов часто не соответствуют школьной программе, а репетиторы, обычно, прекрасно их знают.

Следует также отметить и социо-коммуникативный аспект репетиторства. Ученики в школах часто стесняются или боятся обращаться к учителям, да и времени у учителей на это практически нет, в результате часть материала остается непонятым. С репетитором подобного рода ситуации практически исключены.

Важным фактором активного развития репетиторства является изменение общественного сознания. Многие сходятся во мнении, что современная школа «стала плохо учить», даже предлагается перейти на советские учебники. В этих условиях репетитор воспринимается чуть ли не как основной источник актуальной информации, дающий выпускнику школы достаточный для поступления уровень знаний. В то же время у родителей, нанявших репетитора своему ребенку, возникает чувство выполненного долга, психологического спокойствия за поступление в вуз. Это подтверждается результатами социологических опросов. По данным Фонда общественного мнения 59 % опрошенных не видят ничего плохого в том, чтобы учителя работали как репетиторы с

учениками своей школы (О репетиторстве и репетиторах. Как россияне относятся репетиторству и в чем его функция).

По данным исследовательского центра «Superjob» в 2017 г. 43 % старшеклассников прибегали к услугам репетитора. Как социальный институт репетиторство решает несколько задач:

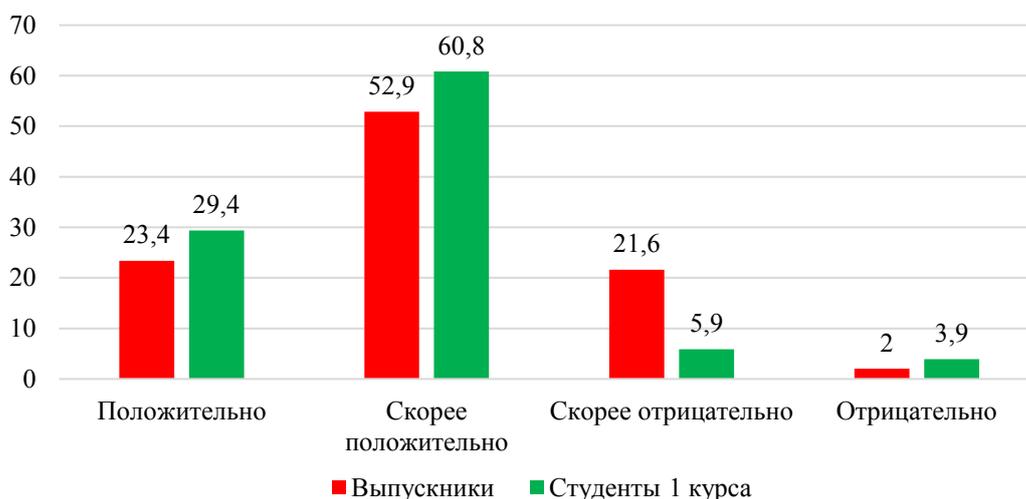
- индивидуализация подхода к обучению;
- принуждение к занятиям нерадивого ученика;
- организация дополнительных подработок для преподавателя, с оплатой по более высокой ставке;
- повышение общекультурного уровня школьников в результате частного общения.

В 2008 г., т. е. за год до официального введения ЕГЭ по всей стране, более 28 % абитуриентов посещали подготовительные курсы и более 37 % – занятия с репетиторами (Рощина, Лукьянова, 2010. С. 17). По оценкам экспертов, в настоящее время от 50 до 85 % поступивших в «средние» и «престижные» вузы, готовились к экзаменам с репетиторами. При поступлении на популярные и востребованные специальности систему репетиторства прошли практически все. При подготовке к поступлению в непрестижные вузы (например, в педагогические) к репетиторству прибегают достаточно редко.

С целью подтверждения теоретических положений было проведено сравнительное исследование, в котором приняли участие выпускники краснодарских общеобразовательных школ и студенты 1 курсов Кубанского государственного университета. Выборочная совокупность составила более 200 чел. Основная задача, которая ставилась, заключалась в выяснении отношения участников образовательного процесса к репетиторству.

В первую очередь интересовало отношение выпускников и студентов к репетиторству (рисунок).

У первокурсников наблюдается более положительное отношение к репетиторству, только 9,8 % высказались отрицательно. Как уже отмечалось большая часть студентов так или иначе была включена в процедуру репетиторства. Позиция выпускников школ оказалась более критичной, около

Отношение выпускников и студентов 1 курса к репетиторству, %

75 % видят в репетиторстве положительные стороны, а 23,6 % имеют к нему отрицательное отношение.

Можно предположить, что в данной ситуации речь идет о социальной справедливости, восприятие которой наиболее обострено в данной возрастной группе. Отсутствие у обучающегося финансовых возможностей брать дополнительные уроки приводит к ощущению депривации по сравнению с учениками, у которых такая возможность есть. Кроме того, стратегия выпускников, трезво оценивающих свои шансы на поступление, направлена на накопление средств для оплаты обучения в вузе на договорной основе.

Обращение к репетиторству в большинстве случаев связано с желанием выпускника общеобразовательной школы поступить в вуз. В связи с этим выпускнику необ-

ходимо решить ряд проблем, связанных с организацией подготовки к экзаменам. Поэтому в ходе опроса был задан вопрос относительно способов подготовки к сдаче ЕГЭ (табл. 1).

Согласно результатам опроса, студенты 1 курса рассматривали большее количество вариантов подготовки к успешной сдаче ЕГЭ, демонстрируя, таким образом, большую включенность в этот процесс. В результате они набрали необходимый проходной балл для поступления и стали студентами. Как и у выпускников, у первокурсников значимым оказался фактор самоподготовки – 82,4 и 70,6 % соответственно. Большую значимость для нынешних первокурсников в подготовке имел интернет и возможность самопроверки знаний по предметам с помощью онлайн-тестов.

Таблица 1

Подготовка к сдаче ЕГЭ в среде выпускников и первокурсников, %

Способ	Выпускники	Первокурсники
Самостоятельные занятия	82,4	70,6
Решение онлайн-тестов в интернете	70,6	88,2
Занятия с родителями или родственниками	2,0	11,8
Занятия с учителем в школе	49,0	78,4
Занятия с преподавателем вуза	24,2	15,7
Подготовительные курсы в вузе, в который планировалось поступать	13,7	13,7
Репетитор	5,3	19,6
Совместные занятия с другими учениками (одноклассниками)	–	2,0

Особенно заметны различия, касающиеся занятий с репетиторами. В ходе опроса выяснилось, что обучающиеся выделяют два их типа. Первый тип – это преподаватель вуза, который дополнительно дает частные уроки по предмету, второй тип – репетитор («в чистой форме»), т. е. преподаватель или бывший учитель, который занимается только репетиторством, больше нигде не работая. Так, 49 % выпускников занимались с учителем в школе, у студентов этот показатель возрастает до 78,4 %. Также существенны различия по занятиям непосредственно с репетиторами.

В результате сложения показателей по первому и второму типу, получим следующие данные: брали дополнительные уроки у репетиторов 29,5 % выпускников, и 35,3 % первокурсников, что еще раз свидетельствует о более серьезном отношении нынешних первокурсников к процессу подготовки.

Важным моментом при оценке эффективности репетиторства является время начала занятий. По данным опроса, большинство нынешних выпускников школ стали дополнительно заниматься с репетиторами в старшей школе, что было непосредственно связано с подготовкой к сдаче ОГЭ и ЕГЭ (табл. 2).

Таблица 2
Начало активных занятий с репетиторами, %

Класс	Выпускники	Первокурсники
5–6	2,0	2,0
7–8	7,8	2,0
9	7,8	27,5
10	11,8	11,8
11	52,9	37,3

В данном случае выявлена определенная тенденция. Дело в том, что в основном нынешние первокурсники стали заниматься с репетиторами еще начиная с 9 класса – 27,5 %. У выпускников 2017 г. данный показатель значительно ниже – 7,8 %. Основная масса выпускников стала активно заниматься только в 11 классе – 52,9 %, и только третья часть первокурсников стала заниматься в 11 классе. Это указывает на то, что подготовку к ЕГЭ стоит начинать заранее, это приводит к лучшим результатам.

В ходе социологического исследования респонденты оценивали финансовые и временные затраты на занятия с репетиторами. По данным опроса не занимались с репетиторами только 18,6 % (табл. 3).

Безусловно, данные носят приближенный характер, поскольку не всегда молодые люди могут в полной мере оценить финансовые затраты, но они, тем не менее, показывают общую тенденцию в сравнительном аспекте. Итак, 68,6 % выпускников общеобразовательных школ тратили на занятия с репетиторами сумму до 10 000 руб. / мес. Примерно такую же сумму тратили 56,8 % студентов, при этом 23,5 % первокурсников потратили на репетиторство сумму больше 10 000 руб., и почти 8 % больше 15 000 руб.

Помимо финансовых затрат обучаемые понесли и существенные временные затраты. По данным опроса до 4 ч в неделю дополнительно занимались 36,6 % выпускников и студентов, 5–8 ч – 54,6 %, 9–12 ч – 8,8 %. Как подтверждают данные исследования, для того чтобы успешно закончить общеобразовательную школу и поступить в вузы молодым людям приходится идти на существенные временные затраты, связанные с подготовкой к ЕГЭ. Важным фактором отношения к репетиторству как виду деятельности является соотношение финансовых затрат и полученного результата. В этой связи респондентам было предложено оценить степень потенциальной возможности для современных школьников заниматься с репетиторами, дополнительно оплачивая их труд (табл. 4).

Как показывают результаты исследования, большая часть выпускников придерживается мнения, что оплатить услуги репетитора под силу для 76,4 % родителей выпускников. У первокурсников этот показатель существенно скромнее – 58,8 %. Отметим, что в выборке представлены городские школьники, уровень жизни и материальный достаток которых несколько выше их сельских сверстников. Примерно третья часть респондентов указала, что оплачивать работу репетитора могут менее половины выпускников общеобразовательных школ. Таким образом, финансовая доступность получения репетиторских услуг ставит в явно неравные возможности молодых людей одного поколения.

Таблица 3

Затраты на занятия с репетитором в месяц, %

Сумма, руб.	Выпускники	Первокурсники	Всего
До 3 000	19,6	9,8	14,7
3 000–5 000	23,5	29,4	26,5
5 000–7 000	25,5	13,7	19,6
7 000–10 000	5,9	3,9	4,9
10 000–15 000	5,9	15,7	10,8
Свыше 15 000	2,0	7,8	4,9
Не было затрат	17,6	19,6	18,6

Таблица 4

Оценка финансовых возможностей выпускников воспользоваться услугами репетитора, %

Показатель	Выпускники	Первокурсники	Всего
Практически все выпускники школ имеют финансовую возможность оплачивать услуги репетитора	7,8	3,9	5,9
Более половины выпускников могут оплачивать услуги репетитора	68,6	54,9	61,8
Менее половины выпускников могут оплачивать услуги репетитора	19,6	29,4	24,5
Лишь небольшая доля выпускников (не более 10–20 %) могут оплачивать услуги репетитора	3,9	11,8	7,8

В ходе проведения опроса был задан вопрос экспертного плана, связанный с причинами возникновения института репетиторства (табл. 5). Суммарные показатели превышают 100 %, поскольку было предложено выбрать 3 варианта ответа.

Сопоставив результаты опроса, можно выделить общее и различия в позициях разных групп молодежи. Как выпускники, так и первокурсники указывают на крайне низкий уровень подготовки в общеобразовательной школе (75,5 %), что находит свое выражение также в общем кризисе системы школьного образования (52,0 %). Близки позиции респондентов и относительно личностной ориентированности репетиторов к ученикам по сравнению с учителями в школе.

Примерно половина выпускников придерживаются мнения, что занятия с репетиторами связаны с желанием родителей дать более «продвинутое» образование детям – 49 %. Для определенной части респон-

дентов (39,2 %) репетиторство соотносится с желанием преподавателей и учителей подзаработать.

В представлении первокурсников развитие системы репетиторства связано также с низким уровнем зарплат учителей в общеобразовательной школе. Такого мнения придерживается каждый третий первокурсник.

Не очень значительным по сравнению с другими причинами оказался психологический фактор, т. е. уверенность в сдаче ЕГЭ, которую должны дать репетиторы. По всей видимости, это, по мнению респондентов, в большей степени зависит от родителей выпускников.

По причинам возникновения и функционирования института репетиторства респондентами высказывались и другие, собственные мнения:

- желание лучше подготовиться к ЕГЭ;
- индивидуальные занятия являются более продуктивными и позволяют получить

Таблица 5

Причины возникновения и функционирования института репетиторства, %

Причины	Выпускники	Первокурсники	Всего
Низкий уровень подготовки в общеобразовательной школе	76,5	74,5	75,5
Репетиторство – это в целом результат кризиса системы образования	52,9	51,0	52,0
Репетиторы в большей степени ориентированы на учеников, чем учителя в школе	52,1	47,1	49,6
Желание родителей дать более «продвинутое» образование детям	49,0	27,5	38,2
Просто желание преподавателей / учителей подзаработать	39,2	17,6	28,4
Низкая зарплата учителей	11,8	31,4	21,6
Занятия с репетитором дают уверенность в своих силах (психологический фактор)	19,6	21,6	20,6
Репетиторы имеют более квалифицированную профессиональную подготовку	33,3	5,9	19,6
Желание родителей и учеников не отстать от других по учебе	21,6	11,8	16,7

углубленные знания;

- личная неприязнь ученика и учителя;
- школа не может дать знания, которые нужны для сдачи ЕГЭ на высокий балл.

В данных ответах проявляется субъективная составляющая процесса репетиторства, связанная с необходимостью индивидуального подхода к обучающемуся.

С момента введения ЕГЭ акцент в области дополнительного обучения сместился с углубленного изучения профильного предмета с целью поступления в вуз на фактическую подготовку к сдаче экзамена в общеобразовательной школе. Реформирование системы школьного образования постепенно привело учителей, родителей и учеников к пониманию того, что возможности школы в обеспечении высокого уровня подготовки учеников ограничены. Поэтому выпускники активно используют дополнительные возможности, в том числе и обращение к репетитору. Само по себе репетиторство было порождено нынешней системой получения образования, оно меняется с измене-

нием этой системы, легко и быстро подстраивается под нее. В последние годы пользование услугами репетитора является во многих случаях условием и определенной гарантией продолжения дальнейшего желаемого обучения детей.

Безусловно, институт репетиторства косвенным образом во многом усилил и процесс социального неравенства, так как отсутствие финансовых возможностей у семьи или территориальная отдаленность ее проживания серьезно затрудняют получение услуг репетитора. Следовательно, способные и мотивированные к обучению дети могут оказаться «за бортом» образовательной системы.

Таким образом, институт репетиторства в условиях современной России стал практической необходимостью для получения качественного образования. В тоже время в общественном сознании произошла определенная легитимация данного способа получения знаний как существенного дополнения к государственной системе общего образования.

Библиографический список

Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (10.08.2018).

Зборовский Г.Е. Социальное неравенство и его виды как проблема социологии // Вопросы политологии и социологии. 2013. № 2 (5). С. 5–11.

Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи: монография. М.: Изд-во Московской гуманитарно-социальной академии, 2003. 268 с.

Константиновский Д.Л. Молодежь в системе образования: динамика неравенства // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 92–123.

О репетиторстве и репетиторах. Как россияне относятся репетиторству и в чем его функция? [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11527> (12.08.2018).

Рощина Я.М., Лукьянова К.М. Образовательные и экономические стратегии обучающихся // Мониторинг экономики образования: информационный бюллетень. 2010. № 5 (45). 52 с.

Столяренко Л.Д., Мерзоева А.Х. Динамика социальной селекции в образовании // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 204–209.

Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. 560 с.

Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2003. 231 с.

Шкаратан О.И. Ожидания и реальность. Социальная мобильность в контексте проблемы равенства шансов // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 5–24.

Шубкин В.Н., Константиновский Д.Л. Молодежь и образование. М.: Наука, 1977. 160 с.

References

All'yusser L. Ideology and ideological apparatus of the state (notes for the study). *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stocks], 2011, no. 3 (77). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (accessed August 10, 2018).

Zborovskii G.E. Social inequality and its types as a problem of sociology. *Voprosy politologii i sotsiologii* [Issues of politology and sociology], 2013, no. 2 (5), pp. 5–11. (In Russian).

Zubok Yu.A. *Problema riska v sotsiologii molodezhi* [Phenomenon of risk in sociology: the experience of youth research]. Moscow: Moscow academy for humanities and social study Publ., 2003, 268 p. (In Russian).

Konstantinovskii D.L. Youth in the system of education: dynamics of inequality. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 1997, no. 3, pp. 92–123. (In Russian).

O repetitorstve i repetitorakh. Kak rossiyane odnosyatsya repetitorstvu i v chem ego funktsiya? [About tutoring and tutors. What is the feeling of Russians on tutoring and what its function is?]. Available at: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11527> (accessed August 12, 2018).

Roshchina Ya.M., Luk'yanova K.M. *Obrazovatel'nye i ekonomicheskie strategii obuchayushchikhsya* [Educational and economic strategies of students]. *Monitoring ekonomiki obrazovaniya: informatsionnyi byulleten'* [Monitoring of Education Economics: Newsletter], 2010, no. 5 (45), 52 p. (In Russian).

Stolyarenko L.D., Merzhoeva A.Kh. The dynamics of social selection in education. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2010, no. 2, pp. 204–209. (In Russian).

Cherednichenko G.A. *Obrazovatel'nye i professional'nye traektorii rossiiskoi molodezhi (na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniy)* [Educational and professional trajectories of the Russian youth (on the materials of sociological research)]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo progno-zirovaniya i marketinga Publ., 2014, 560 p. (In Russian).

Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Uil'yams K. *Molodezh' v obshchestve riska* [Youth in the society of risk]. Moscow: Nauka Publ., 2003, 231 p. (In Russian).

Shkaratan O.I. Expectations and reality. Social mobility in the context of equal opportunities. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2011, no. 1, pp. 5–24. (In Russian).

Shubkin V.N., Konstantinovskii D.L. *Molodezh' i obrazovanie* [Youth and education]. Moscow: Nauka Publ., 1977, 160 p. (In Russian).

Критерии авторства

Большов В.Б. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Большов Виктор Борисович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Кубанский государственный университет, 350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, e-mail: bolshov_v@mail.ru

Criteria for Authorship

Bolshov V.B. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Author's Credentials

Victor B. Bolshov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology Department, Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation, e-mail: bolshov_v@mail.ru

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

© М.С. Вагенлетнер

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы адаптации иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах. Этот процесс является одним из важнейших в работе как руководства вуза, так и преподавателей. Число иностранных студентов в российских вузах с каждым годом растет, следовательно, вопросы адаптации требуют всестороннего рассмотрения. В работе представлены результаты анкетирования, проведенного среди иностранных студентов Иркутского национального исследовательского технического университета. В опросе приняли участие 114 респондентов 1–5 курсов и магистратуры из стран Ближнего и Дальнего зарубежья. Анкета состоит из 12 вопросов, на 11 из них предлагалось выбрать один или несколько ответов из предложенных вариантов, 12 вопрос предполагал развернутый ответ. Вопросы были составлены таким образом, чтобы охватить все сферы жизни студента в России и, в частности, в г. Иркутске. Они касались причин выбора места учебы, уровня владения русским языком, качества преподавания в вузе, условий проживания в общежитии, питания, внеаудиторных мероприятий, восприятия России до и после приезда. Ответы, полученные в результате анкетирования, отразили разные факторы: страны, из которых приехали студенты, уровень жизни в них, отсутствие или наличие традиционных связей с Россией, умение вести самостоятельную жизнь. По итогам исследования делаются выводы о мерах по улучшению условий адаптации иностранных студентов.

Ключевые слова: иностранный студент, общество, процесс адаптации.

Информация о статье: Дата поступления 24 июля 2018 г.; дата принятия к печати 24 августа 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2018 г.

Для цитирования: Вагенлетнер М.С. Адаптация иностранных студентов в российском вузе (на примере Иркутского национального исследовательского технического университета). *Социальная компетентность*. 2018;3(3):49–55.

**FOREIGN STUDENTS' ADAPTATION IN RUSSIAN UNIVERSITIES
(IN CASE OF IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY)**

© Marina S. Vagentletner

Irkutsk National Technical University
83 Lermontov St., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract: The article discusses the problems of foreign students' adjusting to learning environment in Russian universities. The process of adaptation of foreign students in Russian universities is one of the most important problems that both the university administration and teachers have to solve. The number of foreign students in Russian universities is growing every year, and the adaptation issues require special consideration. The article discusses the results of a survey conducted among foreign students of Irkutsk National Research Technical University in which 114 students from the first to fifth year of study and Master's Degree students from near- and far-abroad countries participated as respondents. The questionnaire includes 12 questions; the students were asked to select one or some answers to 11 questions and to give a detailed answer to the 12th question. The questions were structured so as to include all spheres of students' life in Irkutsk, Russia. They related to reasons for choice of a place to study, their Russian language proficiency, the quality of training at INRTU, living conditions in the dormitory and food, extracurricular events, perception of Russia before and after arrival. The survey results reflected various factors: the countries the students came from, the standard of living there, the absence or presence of traditional ties with Russia, the ability to live independently. The article concludes with the discussion of measures to improve the conditions for foreign students' adaptation.

Keywords: a foreign student, University, society, process of adaptation

Article info: Received July 24, 2018; accepted August 24, 2018; available online September 30, 2018.

For citation: Vagenletner M.S. Foreign students' adaptation in Russian universities (in case of Irkutsk national research technical university). *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. 2018;3(3): 49–55. (In Russ.).

Обучение иностранных студентов является определенным показателем статуса учебного заведения. В утвержденной правительством страны Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. говорится о необходимости создания условий для привлечения в Россию иностранных студентов (Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года).

Иркутский национальный исследовательский университет (ИРНИТУ) начал обучение иностранных студентов в 1961 г., поскольку появилась необходимость готовить технические кадры для Монголии. В 1963 г. была открыта кафедра русского языка, в 1964 г. создан деканат по работе с иностранными учащимися, а в апреле 1973 г. было принято решение открыть при Иркутском политехническом институте подготовительный факультет для иностранных граждан. Основной контингент тогда составляли граждане Монгольской Народной Республики. Имея большой опыт подготовки инженерно-технических кадров для Монголии, университет в конце 1980-х гг. начал обучение иностранных специалистов для других стран. В университете изучали русский язык и получали высшее образование студенты из 27 стран Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки. На сегодняшний день в ИРНИТУ учится 760 иностранных студентов из 19 стран мира.

Опыт работы показал, что эта категория учащихся требует к себе особого внимания. Молодым людям необходимо не только дать образование, но и помочь адаптироваться в новой среде, понять иную культуру, войти в новую жизнь.

Можно утверждать, что ИРНИТУ долгие годы является для иностранцев привлекательным для учебы вузом, сюда традиционно приезжают на обучение студенты из разных стран. В связи с этим становится актуальным изучение проблем адаптации иностранных студентов к образовательному

процессу.

Адаптация социальная (от лат *adaptation* – приспособлять) – приспособление индивида или группы индивидов к внешним условиям; в социологии – вид взаимодействия социальной личности или социальной группы с социальной средой, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников. В процессе социальной адаптации человек приспособляется к требованиям иной культуры (Кривцова, 2011. С. 2).

Социокультурная адаптация – сложный многоплановый процесс взаимодействия личности и новой социокультурной среды, в ходе которого иностранные студенты, имея специфические этнические и психологические особенности, вынуждены преодолевать разного рода психологические, социальные, нравственные, религиозные барьеры, осваивать новые виды деятельности и формы поведения (Некипелов, Данилов-Данильян, Карев, 2003. С. 137).

В научной литературе выделяются трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты при обучении в российском вузе, основными из них являются:

– психофизиологические, связанные с переустройством личности, («вхождением») в новую среду, психоэмоциональным напряжением, сменой климата и т. д.;

– учебно-познавательные, связанные в первую очередь с недостаточной языковой подготовкой, преодолением различий в системах образования, адаптацией к новым требованиям и системе контроля знаний, организацией учебного процесса, который должен строиться на принципах саморазвития личности, («выращивания») знаний, привития навыков самостоятельной работы;

– социокультурные, касающиеся освоения нового социального и культурного пространства, преодоления языкового барьера в решении коммуникативных проблем как по вертикали, т. е. с администрацией факультета, преподавателями и сотрудниками, так и по горизонтали, т. е. в процессе

межличностного общения внутри межнациональной малой учебной группы, учебного потока, на бытовом уровне (Некипелов, Данилов-Данильян, Карев, 2003).

Необходимо отметить, что при адаптации к новой среде на студентов действуют не отдельные факторы, а комплекс факторов. Поэтому, чтобы определить, с какими трудностями сталкиваются иностранные студенты при обучении в российском вузе, было проведено анкетирование учащихся, приехавших учиться в ИРНИТУ из стран ближнего и дальнего зарубежья (рис. 1).

В исследовании приняли участие 114 чел. Из них 40 % – студенты первого курса, 29 % – второго, 9 % – третьего, 11 % – четвертого, 9 % – пятого и 2 % – магистранты (рис. 2).

Учащимся была предложена анкета, состоящая из 12 вопросов. Последний во-

прос предполагал развернутый ответ: респондентам необходимо было внести предложения по улучшению условий жизни и учебы в вузе, с целью повышения комфорта и разнообразия внеучебной деятельности. Было получено 34 ответа: 5 студентов написали, что их все устраивает и ничего менять не нужно; 16 просили разрешения пройти практику в Иркутске (сейчас это возможно только на родине), по причине дорогостоящего проезда; 11 студентов считают, что количество развлекательных и спортивных мероприятий должно быть больше; 4 чел. указали на некачественную работу интернета, на необходимость ремонта общежитий и улучшения быта; 3 чел. отметили, что некоторые преподаватели не учитывают наличие в группах иностранных студентов и не обращают внимания на их трудности, связанные с восприятием русскоязычной речи.

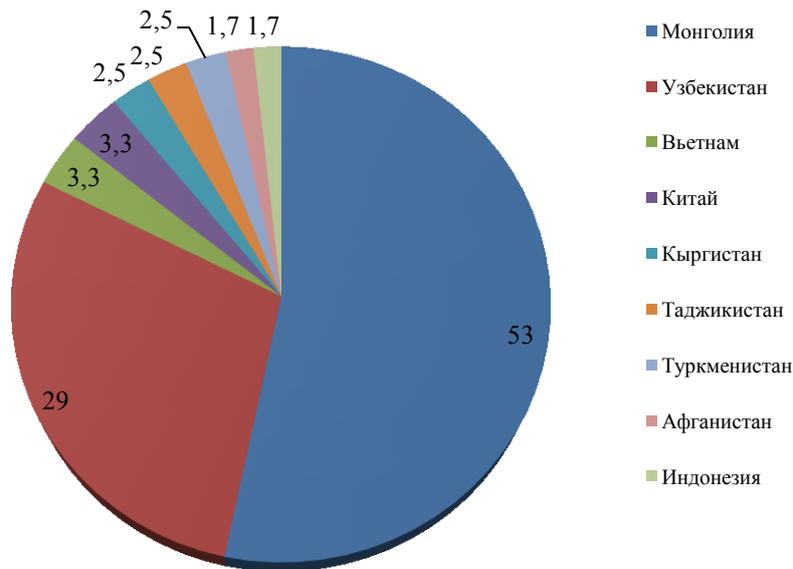

Рис. 1. Национальная принадлежность студентов, принявших участие в опросе, %

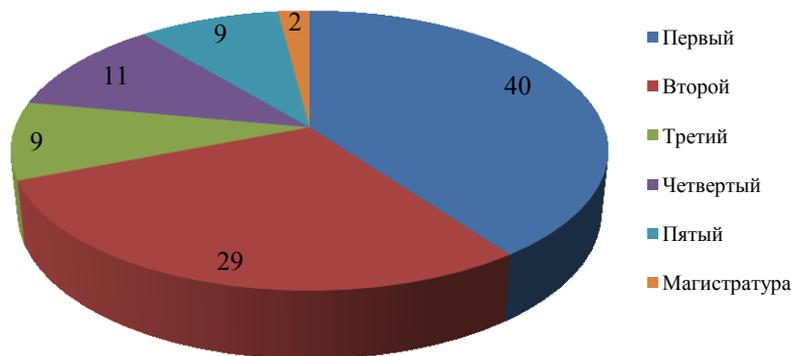

Рис. 2. Распределение респондентов по курсам, %

Такая проблема действительно существует. Многие приехали в Россию, совершенно не зная русского языка (30 % респондентов), некоторые читают и переводят со словарем (40 %) и только около трети респондентов (30 %) свободно владеют языком (рис. 3).

Студенты сами оценивали свои знания, и не всегда это было объективно. Так, 19 респондентов считают, что они свободно владеют русским языком, но, отвечая на 11 и 12 вопрос, допустили речевые, лексические и грамматические ошибки.

В ходе анкетирования было выявлено, какие факторы повлияли на выбор учебного заведения. У 40 % респондентов определяющим стало мнение родителей. Интересен факт, что 35 из 46 чел., так ответивших на этот вопрос, это студенты из Монголии (76 %). Это можно объяснить несколькими причинами:

– во-первых, ИРНИТУ с Монголией

имеет давние тесные связи (родители многих сегодняшних студентов заканчивали «политех»);

– во-вторых, Монголия и Россия – сопредельные государства, т. е. всегда есть возможность приехать в Иркутск или послать посылку;

– в-третьих, родители считают, что именно в этом вузе можно получить качественное образование и в дальнейшем сделать карьеру (собственный опыт).

Значительная часть студентов (30 %) выбрала место учебы под влиянием друзей, 12 % указали средства массовой информации, 10 % – организации, рекламирующие ИРНИТУ, и 8 % назвали другие причины (рис. 4).

Ответы на вопрос о том, что больше всего понравилось в России, распределились следующим образом:

– другой образ жизни – 30 %;

– самостоятельный образ жизни – 16 %;

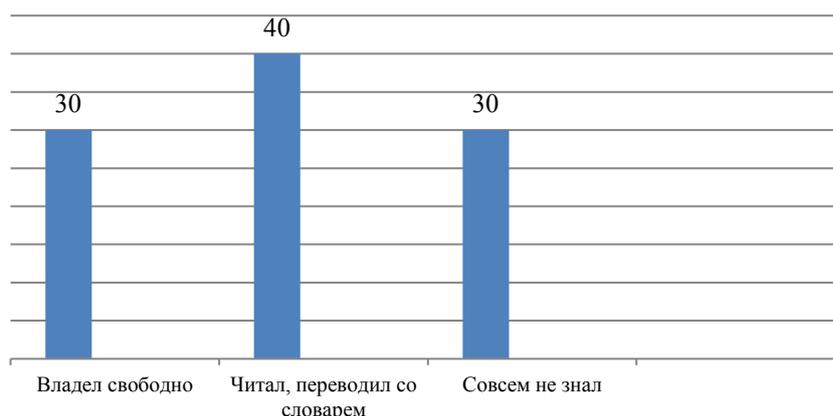

Рис. 3. Оценка уровня владения русским языком среди респондентов, %

Рис. 4. Источники информации о вузе, повлиявшие на выбор респондентов, %

- природа – 16 %;
- культура – 15 %;
- город – 12 %;
- присутствие земляков – 11 %.

Отметим, что у иностранных студентов отношения с соотечественниками не всегда складываются хорошо, особенно у монголов, среди которых встречается такое явление, как «дедовщина». Студенты старших курсов считают, что именно таким образом они «учат» младших (рис. 5).

Интересны ответы респондентов на вопрос о том, кто помогал им осваиваться в России. Иностранные студенты отметили, что наиболее существенную помощь и поддержку они получили от преподавателей русского языка (32 %). Это объясняется тем, что на подготовительном этапе обучения в вузе основными занятиями являются уроки русского языка, преподаватели становятся первыми, кто помогает освоиться в новой обстановке, именно они приходят на помощь в трудных ситуациях, знакомят с городом и Студгородком. Далее следуют деканат по работе с иностранными учащимися

(19 %), группа (18 %), преподаватели других дисциплин (12 %), соотечественники (9 %), сотрудники общежитий (6 %). Очень трогательный ответ прозвучал в одной из анкет, студент 2 курса из Узбекистана написал, что это была Катя (рис. 6).

В ИРНИТУ хороший уровень преподавания, так считает 85 % студентов, 87 % посоветовали бы выбрать именно этот вуз в качестве места учебы.

Внеаудиторные мероприятия, по мнению 90 % респондентов, оказывают положительное влияние на адаптацию иностранных студентов, 49 % опрошиваемых желают увеличить количество таких мероприятий.

Бытовые условия, несомненно, влияют на успех адаптационного процесса. Студенты по-разному приспосабливаются к жизни в общежитии, но жилищно-бытовые условия устраивают 84 % студентов. Уровень жизни в общежитии считают комфортным 41 % респондентов, удовлетворительным – 47 %, некомфортным – 12 % (рис. 7).

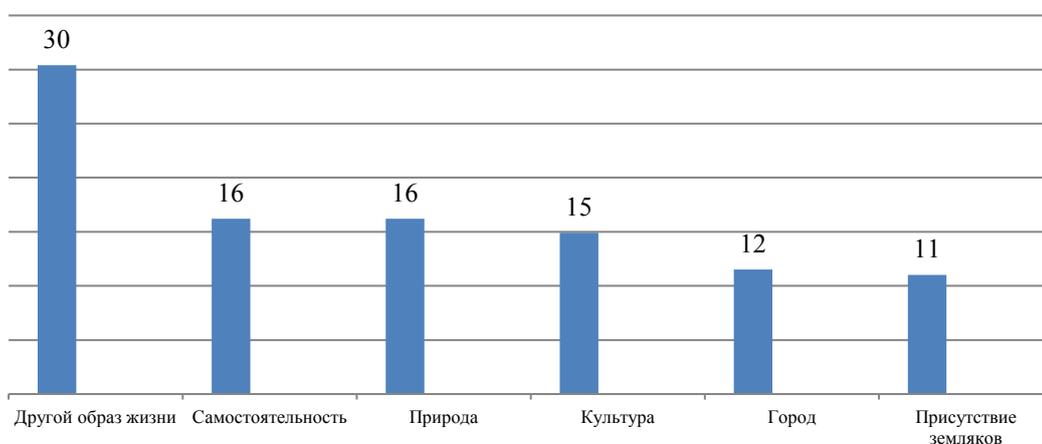

Рис. 5. Факторы, привлекающие иностранных студентов в России, %

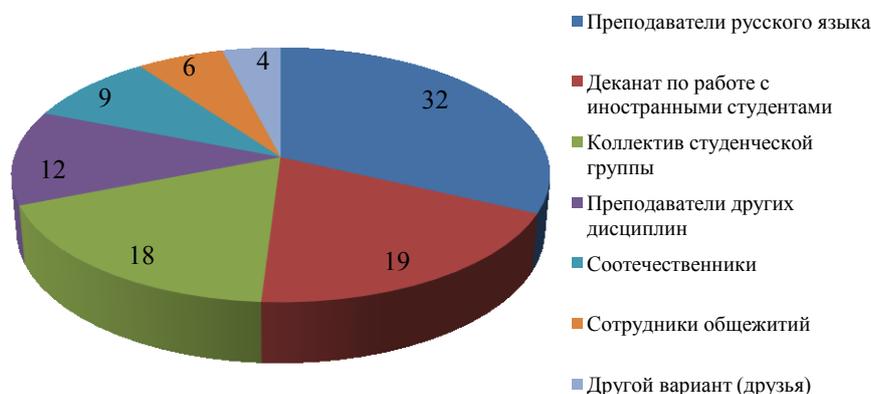

Рис. 6. Помощь в адаптации иностранных студентов, %

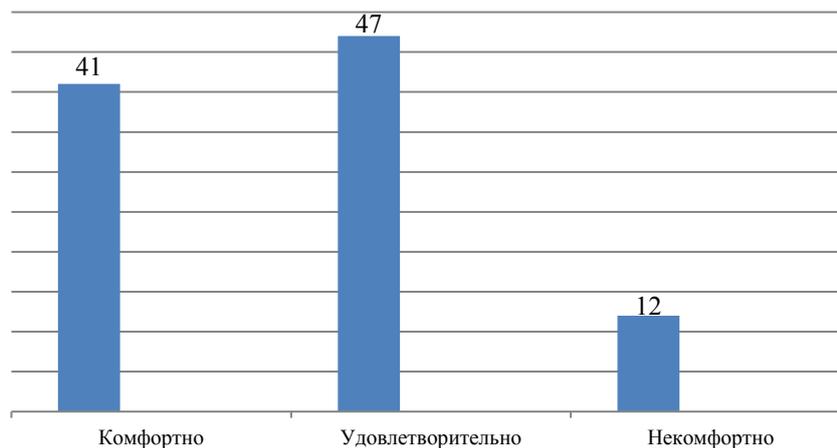

Рис. 7. Оценка условий жизни в общежитии, %

Из тех, кто считает условия жизни плохими, 87 % учащиеся из Китая и Вьетнама, а студенты из СНГ наоборот считают условия жизни очень хорошими. Такие результаты объясняются, скорее всего, экономическим положением этих стран. Питаются в столовой всего 4 % респондентов, готовят сами – 96 %. Конечно, студентов останавливает высокая стоимость питания как в университетской столовой, так и в близлежащих кафе.

На основании полученных данных можно сделать следующие выводы:

1. Ключевую роль в адаптации иностранных студентов играет системный подход.

2. Решение проблем адаптации зависит не только от личностных качеств иностранного студента, но и от стараний учеб-

ных заведений. Процесс социальной адаптации важен для студента. Только пройдя его полностью, он сможет стать полноценным членом социума, включиться в учебный процесс и получить максимальный объем знаний, за которыми он и прибыл в чужую страну.

3. Совершенствование качества образования, наличие профессиональной мотивации, организация процесса адаптации иностранных студентов к учебной деятельности в новой социокультурной среде должны стать важной частью работы университета. Эффективное решение проблем адаптации к образовательному процессу будет, в конечном счете, способствовать формированию положительного имиджа России в мировом пространстве.

Библиографический список

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена Правительством Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собрание Законодательства Российской Федерации, 2008. № 47. Ст. 5489.

Кривцова И.О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко) // *Фундаментальные исследования*. 2011. № 8. Ч. 2. С. 284–288.

Некипелов А.Д., Данилов-Данильян В.И., Карев В.М. Новая Российская энциклопедия. В 12 т. Т. 2: А - Баяр. М.: Энциклопедия, 2003. 960 с.

References

The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020: approved by the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-p. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Legislative Acts of the Russian Federation], 2008, no. 47, art. 5489. (In Russian).

Krivtsova I.O. Socio-cultural adaptation of foreign students to the educational environment of a Russian university (in case of Voronezh State Medical Academy named after NN Burdenko). *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental researches], 2011, no. 8, part 2, pp. 284–288. (In Russian).

Nekipelov A.D., Danilov-Danil'yan V.I., Karev V.M. *Novaya Rossiiskaya entsiklopediya* [New Russian Encyclopedia]. In 12 vol., vol. 2: A - Bayar. Moscow: Entsiklopediya Publ., 2003, 960 p. (In Russian).

Критерии авторства

Вагенлетнер М.С. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Вагенлетнер Марина Сергеевна, старший преподаватель, кафедра русского языка и общетеоретических дисциплин, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: m.vagenletner@yandex.ru

Criteria for Authorship

Vagentletner M.S. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Author Credentials

Marina S. Vagentletner, Senior Lecturer, the Department of Russian Language and General Theoretical Disciplines, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov St., Irkutsk 664074, Russian Federation, e-mail: m.vagenletner@yandex.ru

ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, КЛАССИФИКАЦИЯ

© Н.С. Дружинина

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация: В статье рассматриваются трансформационные процессы в современном обществе, которые ведут к необходимости реформирования социальных институтов, в том числе и института образования. Отмечается, что в современном обществе наиболее важными становятся процессы, связанные с созданием и распространением знания. Степень развитости государства оценивается по его способности активно использовать и развивать человеческий потенциал. В работе исследуются различные подходы отечественных и зарубежных исследователей к содержанию понятий «инновация» и «инновационная деятельность». Методологический анализ показал, что теории инноваций изначально были ориентированы на бизнес-сектор. Для того чтобы быть конкурентоспособными, предприятия внедряли новые продукты или услуги, повышая эффективность своих производственных процессов и организационных механизмов. Постепенно инновационная активность («перетекла») в сектор государственных услуг. Так как образование является основным компонентом государственных услуг, инновационные процессы в данной отрасли стали неотъемлемой частью социального развития современного общества. Автор анализирует концептуальные аспекты инноваций, рассматривается понимание сущности инновационной деятельности в образовательном процессе, приводится обобщенная классификация образовательных инноваций. Отмечается, что образование весьма консервативно, поэтому очень часто при попытке внедрить образовательные инновации возникает сопротивление и все возможные изменения сводятся к минимуму. Поэтому любые новшества следует применять с осторожностью, частично заменяя старые методы и подходы, преобразовывая лишь отдельные стороны учебно-воспитательного процесса.

Ключевые слова: инновации, инновационный потенциал, модернизация, инновационный процесс, образовательная деятельность, эффективность, человеческий капитал.

Информация о статье: Дата поступления 8 июня 2018 г.; дата принятия к печати 17 августа 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2018 г.

Для цитирования: Дружинина Н.С. Инновации в современном образовании: понятие, сущность, классификация. *Социальная компетентность*. 2018;3(3):56–62.

INNOVATIONS IN MODERN EDUCATION: CONCEPT, ESSENCE, CLASSIFICATION

© Nina S. Druzhinina

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract: The article deals with the transformation processes in modern society that make it necessary to reform social institutions, including the Institute of education. It is noted that in modern society the most important processes are those related to the creation and dissemination of knowledge. The level of development of the state is estimated by its ability to actively use and develop human potential. The paper studies different approaches of domestic and foreign researchers to the content of the concepts of "innovation" and "innovative activity". The methodological analysis showed that innovation theories were initially focused on the business sector. To be competitive, enterprises have introduced new products or services increasing the efficiency of their production processes and organizational mechanisms. Gradually, innovative activity "flowed" into the public services sector. Since education is the main component of public services, innovative processes in this industry have become an integral part of the social development of modern society. The author analyzes the conceptual aspects of innovation. The understanding of the essence of innovative activity is considered in the educational process. The generalized classification of educational innovations is given. The author notes that education is very conservative, so very often when trying to introduce educational innovations there is resistance and attempts to reduce possible changes to a minimum. Therefore, any innovations should be applied with caution, partially

replacing the old methods and approaches, transforming only certain aspects of the educational process.

Keywords: *innovation, innovation potential, modernization, innovation process, educational activity, efficiency, human capital*

Article info: Received June 8, 2018; accepted August 17, 2018; available online September 30, 2018.

For citation: Druzhinina N.S. Innovations in modern education: concept, essence, classification. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. 2018;3(3): 56–62. (In Russ.).

Развитие любого общества предполагает изменение объективных условий, которые определяют цели и стратегию его деятельности. Социальное развитие общества – это изменения, которые приводят к появлению новых общественных отношений, социальных институтов, норм и общественных ценностей. Институт высшего образования является одним из важнейших социальных институтов, и его состояние отражает все трансформационные процессы, происходящие в государстве и обществе.

Переход от индустриального общества к информационному, начавшийся в середине XX в., и цивилизационный сдвиг, совпавший с началом XXI в., привели к глубоким социальным, политическим и экономическим изменениям, трансформации условий и способов организации человеческой деятельности, изменениям ценностных приоритетов, обеспечивающих общественное развитие. Наиболее важными становятся процессы, связанные с созданием и распространением знания. Степень развитости государства оценивается по его способности активно использовать и развивать человеческий потенциал.

Дело в том, что большинство национальных экономик, стремясь занять определяющее место в мировой экономической системе, в качестве важнейшего стратегического ресурса и основополагающего источника экономического развития рассматривают инновационный потенциал общества. Выбор инновационного пути развития требует масштабного инвестирования в человеческий капитал и повышения значимости тех областей, которые обеспечивают поступательное экономическое развитие общества. Одним из таких направлений можно считать сферу образования и науки. В современных условиях институт образования становится наиболее значимым социальным институтом. Поэтому к образова-

нию предъявляются принципиально новые требования, связанные со сменой системы ценностных ориентиров общества.

В условиях инновационного развития экономики перед образованием ставится несколько задач:

- модернизация существующих образовательных институтов;
- применение новых образовательных технологий;
- создание системы управления и механизмов оценки качества образовательных услуг.

Внедрение инноваций в образовательную деятельность должно способствовать росту числа потребителей образовательных услуг, повышению конкуренции между учебными заведениями, что, в свою очередь, приведет к повышению качества образования, созданию такой системы профессионального образования, которая смогла бы обеспечить кадрами все отрасли современной экономики.

Несмотря на то, что о необходимости модернизации образования говорится уже довольно давно, процесс внедрения инноваций в этой сфере воспринимается весьма неоднозначно. Складывается впечатление, что образовательная система в целом очень неохотно идет по пути модернизации, а процесс внедрения инноваций встречает сильное сопротивление среди педагогических работников, так как образование часто воспринимается как одна из самых консервативных социальных систем и областей государственной политики. Однако факты наглядно демонстрируют, что система образования сталкивается с очень большими проблемами, которые, если их оставить без изменений, могут привести к серьезным рискам не только для самого образования, но и для будущего экономического роста, социального прогресса и благополучия.

С середины XX в. доступность образования значительно выросла, и население планеты никогда не было более образованным, чем сегодня. Развивающиеся страны неуклонно расширяют свои образовательные системы, рассматривая их как незаменимый компонент модернизации и прогресса. Тем не менее, в этой сфере накопилось множество проблем, которые возможно решить только при условии проведения кардинальных изменений.

Одна из проблем современного образования – его эффективность. Под эффективностью в данном случае подразумевается баланс между вложенными ресурсами и результатами с точки зрения производительности и профессиональных навыков выпускников. За последние десятилетия огромное количество ресурсов было инвестировано в образование. К примеру, по данным 2016 г. средние расходы на одного учащегося в довузовском образовании за 2005–2015 гг. увеличились на 17–20 %. При этом статистические данные говорят о том, что в этот же период школьники не показали значительного улучшения результатов итоговой аттестации. Проблема эффективности в образовании видна еще больше, когда образование сравнивается с другими секторами государственной политики, где производительность значительно выросла, например, со сферами здравоохранения и технологии. Возникает вопрос, почему огромные успехи в области технологий не приводят к аналогичным улучшениям в образовании. Правительства вкладывают много средств, внедряя компьютерные и телекоммуникационные технологии в образовательный процесс, но, как показывает статистика, повышение доступности получения знаний не приводит к улучшению результатов обучения. Для того чтобы эффективность образования возрастала, необходимы качественные изменения в этой сфере.

Как уже упоминалось, в последние несколько десятилетий в качестве решающего фактора поддержания конкурентоспособности в условиях глобализации экономики все чаще рассматриваются инновации и инновационный потенциал. Именно инновации могут вдохнуть новую жизнь в застойные рынки и действовать как механизм для повышения способности любой организации адаптироваться к меняющимся усло-

виям. Теории инноваций изначально были ориентированы на бизнес-сектор, чтобы быть конкурентоспособными предприятия внедряли новые продукты или услуги, повышая эффективность производственных процессов и организационных механизмов. Постепенно инновационная активность «перетекла» в сектор государственных услуг. Спрос на услуги данного сектора заметно растет, поэтому правительства включают в национальные инновационные стратегии положения об увеличении в нем инноваций, так как существует необходимость в инновационных решениях для сокращения затрат, повышения эффективности подобных услуг и уровня удовлетворенности населения. Так как образование является основным компонентом государственных услуг, инновационные процессы в данной отрасли стали неотъемлемой частью социального развития современного общества.

Стоит отметить, что об инновациях в образовательной системе стали говорить еще с 1980-х гг., но до сих пор данное явление остается одним из самых неопределенных и неоднозначных с позиций категориального аппарата, поэтому прежде чем говорить о перспективных направлениях инновационного развития образовательных институтов, следует определиться с самим понятием.

На протяжении всей истории инновации и новаторы ценились далеко не всегда и когда-то отвергались обществом. До конца XVIII в. новаторы слыли ненадежными авантюристами и мошенниками. Церковь таких людей называла еретиками. Можно сказать, что уже в те времена инновации воспринимались как отклонение от политических, социальных или религиозных норм. До начала XIX в. инновация не была предметом научных исследований, только с середины века она вступила в область научных исследований. Начало XX в. стало временем рождения первых теорий инноваций, со второй его половины концепция инноваций начала распространяться по различным областям науки. Однако за последние 10 лет концепция инноваций постепенно смещается из сферы сильного научного определения в сферу концепций управления, лозунгов и модных слов.

Термин «инновация» происходит от латинского «*innovati*» – нововведение. Впер-

вые он был использован в исследованиях культурологов в XIX в. и означал введение элементов одной культуры в другую. Наиболее же полное описание инновационных процессов представил в начале XX в. экономист И. Шумпетер, который анализировал «новые комбинации» изменений в развитии экономических систем. В классической интерпретации Шумпетера техническое изменение определяется как «историческое и необратимое изменение в способе производства вещей» и «творческое разрушение» (Schumpeter, 1934). В соответствии с этим определением технические изменения на практике могут быть реализованы в формах, связанных со следующими процессами:

- внедрение товаров (продуктов), которые являются новыми для потребителей, или более высокого качества, чем их предыдущие аналоги, либо методов производства, являющихся новыми для конкретных отраслей и экономической деятельности, в которых они используются;

- открытие новых рынков;

- использование новых источников сырья;

- внедрение новых форм конкуренции, приводящих к структурным изменениям в отраслях, в которых они реализуются.

В соответствии с концепцией Шумпетера, инновации связаны как с крупномасштабными (радикальными), так и малыми (постепенными) преобразованиями, которые оказывают значительное влияние на структурные изменения в отдельных отраслях и сегментах рынка. В этом подходе новые методы производства не обязательно основаны на новых научных открытиях. Первое использование технологий, которые уже применялись в других отраслях, также можно отнести к новым методам. Поскольку инновации связаны с процессами производства продукта и его применением, содержание этой концепции в международном развитии основано на разных принципах, и каждый кластер определений имеет свои специфические характеристики (Linton, 2002). Основные определения и типы инноваций (иногда называемые «формами» или «типологиями» инноваций) были установлены Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В последней редакции этого руководства ин-

новация определяется как «внедрение нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги) или процесса, нового маркетингового метода или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочего места или внешних отношениях» (Organisation for Economic Cooperation and Development. Oslo Manuals. Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data, 2005). Более раннее определение ОЭСР описывает инновации как «...все научные, технические, коммерческие и финансовые шаги, необходимые для успешного развития и маркетинга новых или усовершенствованных промышленных продуктов, коммерческое использование новых или усовершенствованных процессов или оборудования или введение нового подхода к социальным процессам» (Organisation for Economic Cooperation and Development. The Measurement of Scientific and Technical Activities, 1981). Эти два определения показывают, как эволюционировало понятие «инновация». Если в 1980-х гг. основное внимание уделялось шагам инноваций, то в последнее время оно переключилось на внедрение инноваций и их типологию.

В целом можно выделить два основных (концептуальных) аспекта инноваций, характеризующих их как процесс, стимулирующий изменения, и как событие, объект или продукт, обладающий новизной.

Данная классификация очень широкая, поэтому ее можно разбить на более узкие определения, т. е. инновация как «событие», «физический объект» или «нечто новое (новый процесс или способ организации чего-то)».

Со временем была разработана более подробная классификация аспектов инноваций. Например, В. Godin определяет 12 концепций инноваций, которые можно охарактеризовать следующим образом:

1. Инновация как процесс совершенствования чего-то нового (подражание, изобретение, открытие).

2. Инновации как человеческие способности к творческой деятельности (воображение, изобретательность, творчество).

3. Инновации как изменения во всех сферах жизни (культура, общество, политика, технология, организационные изменения).

4. Инновации как коммерциализация нового продукта (Godin, 2008).

Инновации как процесс – это «... генерирование, принятие и внедрение новых идей, процессов, продуктов или услуг ...», а так же «... процесс, когда идеи для новых (или улучшенных) продуктов, процессов или услуг разрабатываются и коммерциализируются на рынке» (Aiken, Hage, 1971).

Инновацию в области образования следует рассматривать как введение нового в цели, содержание, формы и методы обучения и воспитания, организацию образовательного процесса. Можно сказать, что инновационная деятельность в образовании заключается в формировании и развитии содержания образовательной деятельности и организации чего-то нового. Она представляет собой ряд методов и средств, с помощью которых какое-либо открытие или идея превращаются в образовательное нововведение, становящееся результатом образовательных инноваций. Весь инновационный процесс можно разделить на три этапа: генерирование идеи, ее разработка и реализация на практике. В связи с этим инновационный процесс можно рассматривать как доведение научной идеи до стадии практического использования и реализацию связанных с этим изменений в социально-педагогической среде. Деятельность, обеспечивающая превращение идей в нововведение и формирующая систему управления этим процессом, является инновационной деятельностью (Шакуров, 2010).

Подробную характеристику этапов развития инновационного процесса предлагает В.С. Лазарев, ее можно применить и к образованию. Он выделяет следующую последовательность действий:

- определение потребностей в изменениях;
- сбор информации и анализ ситуации;
- предварительный выбор или самостоятельная разработка нововведения;
- принятие решения о внедрении (освоении);
- собственно само внедрение, включая пробное использование новшества;
- институализация или длительное использование новшества, в процессе которого оно становится элементом повседневной практики.

Совокупность всех этих этапов, с точки зрения В.С. Лазарева, образует единый инновационный цикл (Лазарев, 2006).

Разработки и развитие инноваций продолжают до тех пор, пока не будет найден принципиально новый подход к решению существующей проблемы. Развитие новых идей и предложений анализируется и отслеживается с целью анализа их практической эффективности. Для того, чтобы новшества работали, необходимо время, научно-техническое обеспечение, соответствующая подготовка педагогов, способствующая их адаптации к новым условиям работы. Любую инновацию необходимо приспособить к конкретной среде, так как при одинаковых образовательных целях, но в разных условиях, реализация идеи требует разных подходов, методов, нередко дополнительных исследований.

Все инновации можно разделить на теоретические и практические. К первым относятся новые концепции, гипотезы, направления, подходы, закономерности, классификации, принципы в обучении, воспитании и методике преподавания, полученные в результате научно-исследовательской деятельности, положенные в основу инновационных процессов; ко вторым – новые методики, программы, теории, правила, алгоритмы, технические средства обучения, демонстрационная аппаратура, обучающие и контролирующие устройства, приборы и модели, натуральные объекты, аудиовизуальные средства.

В зависимости от специфики и использования различают несколько видов нововведений в области образования:

1. Традиционные способы обучения предполагают чтение лекций, проведение семинаров и практических занятий в аудитории, издание печатных учебников и учебных пособий, необходимых для обеспечения учебного процесса. Доступ к учебной информации в этом случае зависит от многих факторов, например, тиража и цены издаваемых печатных учебников и учебных пособий; возможности оперативно актуализировать учебную литературу; наличия необходимого аудиторного фонда и т. д.

Кардинально изменить организацию учебного процесса помогают технологические инновации – новшества, касающиеся

различных технических средств и оборудования, используемых в обучении. Например, новые методы и средства представления теоретического материала (мультимедиа), средства, обеспечивающие возможность дистанционного обучения (синхронные и асинхронные инструменты связи), интегрированные образовательные среды и др.

2. Методические инновации – это инновации в области методики обучения и воспитания и организации учебно-воспитательного процесса. Это наиболее распространенный тип инноваций в сфере образования. Методические инновации тесно связаны с организационными нововведениями.

3. Организационные инновации связаны с освоением новых форм и методов организации труда педагогов, структурных подразделений и всего образовательного учреждения в целом.

4. Управленческие инновации касаются структуры и методов управления системой образования в целом и конкретным образовательным учреждением на федеральном и региональном уровнях с целью ускорения и облегчения решения поставленных перед образованием задач.

5. Экономические инновации напрямую не относятся к педагогике и образовательной деятельности, но они влияют на работу системы образования. К экономическим инновациям можно отнести новые механизмы государственного финансирования образования, диверсификацию источников финансирования образования, поиск источников самофинансирования, механизмы привлечения инвестиций в сферу образования, новые механизмы оплаты труда в сфере образования.

6. Социальные инновации касаются разработки и внедрения систем усовершенствования кадровой политики, профес-

сиональной подготовки и повышения квалификации работников, систем оценки результатов труда. К ним так же можно отнести нововведения, направленные на улучшение социально-бытовых условий жизни и социально-профессиональной адаптации сотрудников, организацию свободного времени и т. д.

7. Юридические инновации – это законы и нормативно-правовые документы, которые определяют и регулируют все виды деятельности образовательных учреждений.

Положительный эффект применения инноваций в образовании может быть достигнут лишь в том случае, если будут учитываться запросы общества и ставиться перспективные образовательные цели и задачи. Результатом применения подобных нововведений станет рост числа потребителей образовательных услуг, повышение спроса на образование, существенное увеличение образовательных продуктов и услуг, усиление конкуренции в сфере образовательных продуктов и услуг, что приведет к росту качества и эффективности образования.

Как уже говорилось, образование весьма консервативно, поэтому очень часто при попытке внедрить образовательные инновации, которые в значительной степени затрагивают уже сложившуюся систему, возникает сопротивление, и все возможные изменения сводятся к минимуму. Поэтому любые новшества следует применять с осторожностью, частично заменяя старые методы и подходы, преобразовывая лишь отдельные стороны учебно-воспитательного процесса. Необходимо помнить, что инновации важны в тех случаях, когда традиционные способы решения проблем не дают положительного эффекта. Не следует внедрять инновации ради инноваций. Опыт, методы и подходы, дающие постоянные положительные результаты, необходимо сохранять.

Библиографический список

Лазарев В.С., Мартиросян Б.П. Педагогическая инноватика. М.: Багира-2, 2006. 360 с.

Шакуров А.А. Инновационные процессы в современном высшем образовании // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки, 2010. № 2(111). С. 92–96.

References

Lazarev V.S., Martirosyan B.P. *Pedagogicheskaya innovatika* [Pedagogical innovation studies]. Moscow: Bagira-2 Publ., 2006. 360 p. (In Russian).

Shakurov A.A. Innovative processes in modern higher education. *Nauchno-tekhnicheskie ведомosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and technical statements of St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences], 2010, no.

Aiken M., Hage J. The Organic Organization and Innovation // *Sociology*, 1971. Vol. 5. No. 1. Pp. 63–82.

Godin B. Innovation: the History of a Category. Working Paper No. 1, Project on the Intellectual History of Innovation. Montreal: INRS, 2008. 62 p.

Linton J. Implementation Research: State of The Art and Future Directions // *Technovation*, 2002. Vol. 22. No. 2. Pp. 65–79.

Organisation for Economic Cooperation and Development. The Measurement of Scientific and Technical Activities. Paris, 1981. 30 p.

Organisation for Economic Cooperation and Development. Oslo Manuals. Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data. Third edition. Paris, 2005. 162 p.

Schumpeter J.A. The Theory of Economic Development: An Inquiry Into Profits, Capital, Credit, Interests and The Business Cycle. London: Oxford University Press, 1934. 255 p.

2(111), pp. 92–96. (In Russian).

Aiken M., Hage J. The Organic Organization and Innovation. *Sociology*, 1971, vol. 5, no. 1, pp. 63–82.

Godin B. Innovation: the History of a Category. Working Paper No. 1, Project on the Intellectual History of Innovation. Montreal: INRS, 2008, 62 p.

Linton J. Implementation Research: State of The Art and Future Directions. *Technovation*, 2002, vol. 22, no. 2, pp. 65–79.

Organisation for Economic Cooperation and Development. The Measurement of Scientific and Technical Activities. Paris, 1981, 30 p.

Organisation for Economic Cooperation and Development. Oslo Manuals. Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data. Third edition. Paris, 2005, 162 p.

Schumpeter J.A. The Theory of Economic Development: An Inquiry Into Profits, Capital, Credit, Interests and The Business Cycle. London: Oxford University Press, 1934, 255 p.

Критерии авторства

Дружинина Н.С. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

Druzhinina N.S. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Дружинина Нина Сергеевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: petrovna05@mail.ru

Author Credentials

Nina S. Druzhinina, Senior teacher of Department of Foreign Languages for Technical Specialties № 2, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russian Federation, e-mail: petrovna05@mail.ru

**ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ
НАСЕЛЕНИЯ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП**

© Л.В. Колпина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85

Аннотация: В статье эмпирически обосновывается тенденция к ухудшению социального здоровья в старшей возрастной группе, к которой относится население от 60 лет. Социальное здоровье рассматривается как совокупность личностных характеристик, обеспечивающих индивиду гармоничное взаимодействие с социальной средой, в результате которого, с одной стороны, реализуются его биопсихосоциальные потребности, а с другой – сохраняется и развивается социальная среда. Снижение социального здоровья проявляется в усилении социальной эксклюзии, ухудшении самочувствия в различных типах отношений и др. На основе анализа причин, вызывающих такие состояния у представителей старшей возрастной группы (слабая социальная мотивация, низкая информированность относительно возможностей социального активизма, превалирование экстернального локус-контроля и др.), обосновывается программа работы с ними, направленная на укрепление социального здоровья. Эффективность такой программы, включающей в себя мероприятия по формированию условий, установок, мотиваций, знаний и умений, обеспечивающих социальную инклюзию лиц пожилого и старческого возраста, экспериментально доказана на основе показателей качества жизни ее участников. Результаты проведенной работы показали, что планирование старости, помощь в структурировании собственного времени, работа по выявлению негативных геронтостереотипов и их развенчанию как в собственных установках и практиках, так и у окружающих, расширение социального кругозора играют существенную роль в формировании социального здоровья населения старших возрастов. За счет этой программы принципиальной положительной коррекции подверглись показатели по шкалам эмоционального здоровья, жизненной силы и эмоционально-ролевого функционирования, в меньшей мере – социального и особенно физического функционирования.

Ключевые слова: социальное здоровье, старшая возрастная группа, социальная эксклюзия, самочувствие в отношениях, социальный капитал.

Финансирование: Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 16-03-00203-ОГН «Потенциал местного сообщества в формировании социального здоровья населения старших возрастных групп».

Информация о статье: Дата поступления 16 января 2018 г.; дата принятия к печати 13 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2018 г.

Для цитирования: Колпина Л.В. Опыт формирования социального здоровья населения старших возрастных групп. *Социальная компетентность*. 2018;3(3):63–71.

FORMATION EXPERIENCE OF SENIOR AGE GROUP POPULATION'S SOCIAL HEALTH

© Lola V. Kolpina

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russian Federation

Abstract: The article presents the empirical study of the deterioration tendency of social health of senior age groups that includes population aged 60 years and over. Social health is considered as set of personal characteristics providing an individual with harmonious interaction with the social environment as a result of which, on the one hand, his/her biopsychosocial needs are met and, on the other hand, social environment preserves and develops. Social health deterioration is shown in social exclusion strengthening, feeling unwell in various types of relations and so forth. Analysis of the reasons causing social health deterioration of representatives of senior age group (weak social motivation, lack of knowledge of social activism opportunities, a prevalence of external locus control, etc.) enables to justify the program of work with them aimed at social health strengthening. The

efficiency of this program which includes endeavors to create conditions, attitudes, motivations, knowledge and abilities providing a social inclusion of elderly and senile aged population is experimentally proved on the basis of indicators of life quality of its participants. The results of the study have shown an essential role of planning for old age, own time structuring, work to identify negative gerontostereotypes and their dispelling both in attitudes and practices, broadening of social outlook in formation of elderly aged population social health. Due to this program the indicators of emotional health scales, vitality and emotional and role functioning have undergone basic positive correction, in a smaller measure – social and especially physical functioning.

Keywords: social health, senior age group, social exclusion, health in relations, social capital

Financing: The study was completed as a part of the RFFR project No. 16-03-00203-OGN "The potential of the local community in formation of the social health of senior age group population".

Article info: Received January 16, 2018; accepted February 13, 2018; available online September 30, 2018.

For citation: Kolpina L.V. Formation experience of senior age group population's social health. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. 2018;3(3): 63–71. (In Russ.).

Глобальная тенденция увеличения в составе структуры населения доли граждан 55–60 лет и старше ставит вопросы, связанные с переосмыслением роли и значения этой возрастной группы в жизни современного общества, обеспечения достойного качества жизни с учетом ее специфики, а также эффективного использования ее потенциала в различных сферах жизнедеятельности. Решение этих задач неразрывно связано с повышением социального здоровья таких граждан, которое понимается как совокупность личностных характеристик, обеспечивающих индивиду гармоничное взаимодействие с социальной средой, в результате чего, с одной стороны, реализуются его биопсихосоциальные потребности, а с другой – сохраняется и развивается социальная среда.

К числу ключевых параметров социального здоровья относятся:

- социальная инклюзия;
- самочувствие в различных социальных средах;
- социальный капитал, характеризующий возможности человека, обусловленные его включенностью в те или иные типы отношений (Колпина, 2009).

По всем перечисленным параметрам в старшей возрастной группе наблюдается снижение показателей.

Эмпирической базой для анализа социального здоровья населения старшего

возраста и его детерминант послужили данные анкетных опросов, проведенных в Белгородской области (автором лично и в составе коллектива ученых). На основе репрезентативной региональной выборки (пол, возраст, место жительства) собраны материалы исследований, проводимых в 2008–2017 гг.¹ Они показали усиление социальной эксклюзии при переходе в старшую возрастную группу, что подтверждается исследованиями и других авторов (Сапонов, Смолькин, 2012; Максимова, Ноянзина, Максимова, Щеглова, 2015; Азарина, 2012), выражающуюся, в частности, в сужении круга общения ее представителей. Например, от группы 40–59 лет к группе 60 лет и старше снижается доля ответов о наличии в постоянном круге общения супруга с 68,2 до 42,3 % ($\rho = -0,97$; $p < 0,05$)², причем в подгруппе старческого возраста (75 лет и старше) таких ответов в 1,7 раз меньше, чем в группе пожилого возраста (60 лет – 74 года). С 79,4 % в группе 40–59 лет до 72,1 % в группе 60 лет и старше уменьшается доля ответов о наличии в постоянном круге общения близких и родственников ($\rho = -0,92$; $p < 0,05$), с 65,5 до 40,5 % – друзей ($\rho = -0,95$; $p < 0,05$), с 51,8 до 19,2 % – коллег или бывших коллег ($\rho = -0,99$; $p < 0,05$) (Колпина, 2018).

Одним из следствий сужения круга общения лиц пожилого и старческого возраста является уменьшение их социального капитала, в частности, возможностей для

¹ Результаты всех исследований опубликованы в монографиях, на которые в тексте даны ссылки, кроме массового анкетного опроса, осуществленного в 2008 г. (N = 800 чел.).

² С целью выявления направления и статистической значимости связи рассчитывался коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ).

удовлетворения своих биопсихосоциальных потребностей через ресурсы, обусловленные включенностью в те или иные отношения, принадлежностью к тем или иным группам, обществам, общностям. Это выражается, например, в сокращении числа людей, которые могут оказать им помощь и поддержку. От групп 40–59 лет к группам пожилого (60–74 лет) и старческого (75 и старше лет) возраста с 54,3 до 31,4 и 26,0 % соответственно снижается доля опрошенных, которым друзья помогают преодолевать болезни, переживать стрессы ($p = -1$; $p < 0,05$); с 51,9 до 34,2 и 22,1 % тех, для кого друзья являются стимулом работать над собой, вести активный образ жизни ($p = -0,98$; $p < 0,05$) (Колпина, 2018). В полной мере круг общения способствует получению нужных советов, информации, консультаций 28,9 % населения в возрасте старше 60 лет против 35,4–38,4 % в других возрастных группах, культурному развитию, хобби – соответственно 17,8 % против 31,6–43,0 %, решению бытовых проблем – 30,2 % против 33,1–39 % (Колпина, Вангородская, Реутов, 2013).

Рассчитывая преимущественно на помощь членов семьи, родственников, друзей и соседей, демонстрируя высокую степень зависимости от своего круга общения, пожилые люди реже представителей других возрастов, оказавшись в трудной ситуации, рассчитывают на самих себя (50,9 % в группе 60 лет и старше и 61,8 % среди групп 18–59 лет). В сумме 70,8 % представителей группы пожилого и старческого возраста оценивают эту помощь как очень существенную, без которой нельзя обойтись, соответственно 47,5 % и 23,3 % считают такую помощь существенной. Доля ответов, характеризующих ее как несущественную, по мере увеличения возраста снижается с 21,2 % до 16,5 % от группы 18–29 лет к группе 60 лет и старше ($p = -0,9$; $p < 0,01$) (Реутов, Колпина, Реутова, Бояринова, 2011).

Помимо уменьшения объема социального капитала граждан старшего поколения ухудшение социального здоровья проявляется и в их самочувствии в различных типах отношений. В том числе в самых благополучных из них – кровнородственных, которые абсолютное большинство представителей исследуемой группы характеризуют как искренние, доброжелательные и сообщают, что полностью удовлетворены ими и

реализуют себя в них. В группе пожилого и особенно старческого возраста, в сравнении с другими возрастными группами, отмечается снижение значений оценок по соответствующим параметрам. В частности, в полной мере согласных с тем, что близкие и родственники стремятся общаться с ними, делятся своими радостями и горестями и т. д. 63,3 % респондентов в группе 40–59 лет, 53,9 % в группе 60 лет – 74 года, 44,9 % людей старческого возраста (75 лет) ($p = 0,1$; $p < 0,05$). Еще более негативная в этом плане ситуация в остальных типах отношений, за исключением соседских. Например, от группы 18–29 лет к группе 60 лет и старше уменьшается доля ответов об искренних, доброжелательных отношениях с друзьями ($p = -0,71$; $p < 0,05$), зато увеличивается доля ответов о формально-вежливых ($p = 0,81$; $p < 0,05$) и сдержанных, безразличных отношениях ($p = 1$; $p < 0,01$), снижаются самооценки востребованности в этих отношениях ($p = -0,83$; $p < 0,05$) (Колпина, 2018).

Характеризуя социальное здоровье граждан старшего поколения в отношении более широкого социального радиуса, связанных с общественным и политическим участием, отметим, что эта сфера с точки зрения вовлеченности является проблемной для всех возрастных групп российского общества, но еще в большей степени для старшей группы. Судя по данным опросов, в 2010 г. десятая часть населения старше 60 лет являлась членами тех или иных объединений, из которых основная масса участниками крайне формализованных объединений, т. е. политических партий (6,6 %) и профсоюзов (9,5 %). О членстве в реально самоорганизованных структурах в 2010 г. сообщало до 5 % респондентов (4,8 % состояли в религиозных общинах, 4,7 % – в общественных организациях, 1,4 % – в землячествах). Такое распределение, за исключением более низкого профсоюзного членства, в основном соотносится с ответами респондентов других возрастных групп. Причем третья часть опрошенных в группе 60 лет и старше указала на формальный характер своего членства (Реутов, Колпина, Реутова, Бояринова, 2011). К 2017 г. ситуация в сфере общественно-политического активизма по некоторым параметрам несколько улучшилась. О том, что члены рели-

гиозной, национальной общины или землячеств входят в их постоянный круг общения, сообщили в среднем уже 9,1 % респондентов старшего возраста (в основном старческого). На наличие единомышленников и людей, разделяющих их интересы (члены клубов, обществ, в которых они состоят) указали 7,9 % опрошенных. В результате работы учреждений социальной защиты по социальной инклюзии граждан старшего возраста также несколько выросла их социальная активность: соответственно 17,7 % и 18,4 % опрошенных пожилого и старческого возраста сообщили, что принимают участие в работе клубов, обществ, в конкурсах и других мероприятиях, организуемых для пожилых людей. Между тем, 55 % представителей старшего возраста не участвуют в них и не желают этим заниматься, что свидетельствует о слабых социальных мотивациях существенной их части. Общественно-политическое участие большинства людей старшего возраста ограничивается голосованием на выборах. Это характерно и для других возрастных групп. Так, регулярно голосуют на выборах в органы местного самоуправления 73,4 % лиц пожилого и 76,3 % лиц старческого возраста. В ответах на вопрос о готовности к общественно-политической активности, по большинству ее видов (исключение – участие в выборах), преобладают отрицательные ответы (Колпина, 2018).

При этом следует отметить неудовлетворенность населения старшего возраста своей самореализацией в мезо- и макро-социальных средах. В 2017 г. лишь пятая его часть согласилась с тем, что в своей жизни в полной мере смогла реализовать себя в хобби, примерно такая же часть не смогла. Самая низкая степень социальной самореализации людей старших возрастов отмечается в общественной сфере, где значения соответствующих отрицательных ответов у них превосходят положительные (22,3 % против 18,0 % соответственно) (Колпина, 2018). Важно иметь в виду, что респонденты старших возрастных групп чувствуют свою невостребованность в общественной и политической жизни на протяжении многих лет. В 2008 г. среди опрашиваемых полностью востребованными в общественной жизни себя считали 21,1 %, невостребованными – 36,1 %, в 2010 г. 4,1 % и 18,4 % соответственно. В политической жизни востребованными в

2008 г. было 6,6 % респондентов, невостребованными – 15,4 %, в 2010 г. 3,2 % и 19,2 % соответственно. Между тем 44,4 % представителей старшего возраста хотели бы полнее раскрыть себя в общественной деятельности, а 22,4 % в политической.

Следует отметить, что и в целом население старшей возрастной группы воспринимает социальную ситуацию как более напряженную и недружественную, чем остальное взрослое население. Так, в 2008 г. значения ответов по показателю тревоги в отношении ситуации в населенном пункте, где проживает конкретный респондент, увеличиваются от возрастной группы 18–29 лет к группам пожилого и старческого возраста с 19,4 до 35,3 % ($\rho = 1$; $p < 0,05$); в отношении ситуации по области – с 17,9 до 29,8 % ($\rho = 0,91$; $p < 0,05$). От группы 30–39 лет к группе 60 лет и старше снижается доля оптимистических оценок относительно ситуации в своем населенном пункте с 36,6 до 17,3 % ($\rho = -0,98$; $p < 0,05$), в области с 38,7 до 22,1 % ($\rho = -0,97$; $p < 0,05$).

С группы 30–39 лет, по мере увеличения возраста опрошенных, возросла доля ответов (с 45,9 до 57,5 %), что среди людей из ближайшего окружения больше разобщенности, чем согласия ($\rho = 0,94$; $p < 0,05$) (Реутов, Реутова, Колпина, Шавырина, 2015). Несмотря на восприятие людьми старшего возраста социальной среды как более тревожной, значения удовлетворенности жизнью у них сопоставимы с другими возрастными группами, что является маркером сниженного уровня социальных притязаний. В отсутствии восприятия среды как дружелюбной, обеспечивающей возможность реализации в ней своих потребностей, ее адаптации к своим нуждам, снижение уровня притязаний выступает психологическим механизмом поддержания хорошего самочувствия.

Негативное воздействие социокультурной среды на социальное здоровье людей старшего возраста оказывает геронтологический эйджизм – дискриминационные установки и практики, реализуемые в отношении граждан старшего поколения. Так, в сумме 58,5 % респондентов старшего возраста в той или иной мере (в полной мере – 16,1 %, отчасти – 42,4 %) придерживаются мнения, что пожилые люди в России отно-

сятся к ущемляемой в правах, дискриминируемой группе. Примерно такое же количество опрошиваемых (56,8 %) сообщили, что за последние три года в повседневной жизни часто и время от времени встречались с фактами некорректного, неуважительного, предвзятого отношения к пожилым людям.

Население старшего возраста, осознавая эйджизм, в то же время воспринимает его как норму. Это доказывается, в частности, тем, что примерно 40 % опрошенных из их числа сообщили, что с той или иной частотой (часто – 7,6 %, иногда – 30,5 %) в больницах, поликлиниках, учреждениях социальной защиты они лично или их знакомые сталкивались с фактами неуважительного, предвзятого отношения, с нарушением прав по причине возраста. Однако лишь 13,6 % опрошенных считают, что медицинские и социальные работники обычно относятся к пожилым людям хуже, чем к другим (Колпина, 2015).

Эйджизм оказывает негативное влияние на население старшего возраста не только через барьерный характер среды. Распространенные в обществе негативные стереотипы относительно старости и пожилых людей, лежащие в основе эйджизма, интериоризируясь последними, обуславливают их самоограничительные установки и практики, вплоть до самоуничужения и самоизоляции, что сказывается и на социальном здоровье.

Безусловно, ключевыми факторами снижения социального здоровья лиц старшего возраста, являются:

- ухудшение общего здоровья и, соответственно, снижение автономности;
- ухудшение материального достатка;
- низкая адаптированность социальной среды к их специфическим нуждам.

Однако в немалой степени социальное здоровье обусловлено и психологическими факторами, в частности, недостатком межличностного доверия, которое за исключением отношений с соседями и близкими и родственниками, имеет значения более низкие, чем в других возрастных группах. Например, друзьям обычно доверяют среди населения 60 лет и старше 52,7 %, а в среднем по другим возрастным

группам – 66,3 %; коллегам – 11,9 и 38,8 % соответственно; единомышленникам – 20,4 и 42,2 %. Исключение составляют отношения с соседями. Так, результаты анкетного опроса показали, что от группы 18–29 к группе 60 лет и старше с 24,2 до 38,6 % увеличивается доля ответов «обычно доверяю соседям». От младшей группы к старшей с 48,6 до 62,9 % возрастает доля ответов «в той или иной степени доверяю» большинству жителей своего дома, двора и снижается с 41,0 до 26,3 % доля ответов «в той или иной степени недоверяю».

Кроме того, низкие показатели социального здоровья населения старшего возраста следует объяснять более низкими значениями интернальности их локуса контроля, чем в других возрастных группах, индикатором чего выступил вопрос о том, в какой мере от респондентов зависит ситуация в тех или иных отношениях и сферах. Так, в вопросах о том, в какой мере от самих респондентов зависит ситуация в тех или иных типах отношений, от группы 30–39 лет к старшей возрастной группе с 93,6 до 71,6 % снижается доля ответов «в полной мере», касающихся ситуации в семье; от группы 18–29 лет к старшей возрастной группе с 64,0 до 42,0 % снижается доля аналогичных ответов о ситуациях с друзьями, с 43,7 до 25,4 % – в коллективе и т. д. Увеличивается доля соответствующих ответов (с 16,5 до 41,2 %), касающихся отношений с соседями (Реутов, Колпина, Реутова, Бояринова, 2011).

Население старшего возраста также отличается более пассивными установками на социальную активность. В частности, в исследовании 2008 г. было выявлено, что от группы 18–29 лет к группе 60 лет и старше увеличивается доля ответов, что в ситуации перемен надо «продолжать жить как раньше, не поддаваясь обстоятельствам» ($\rho = -0,964$; $p < 0,05$) и снижается доля ответов о том, что «нужно искать новые возможности» ($\rho = -0,965$; $p < 0,05$) и «следует ждать своего шанса и использовать его» ($\rho = -0,958$; $p < 0,05$).

Эти и некоторые другие данные позволили выделить следующие основные проблемы снижения социального здоровья граждан старшего поколения:

- низкая социальная мотивация и информированность относительно возможностей и технологий социального активизма;

– экстернальный локус контроля во всех социальных средах кроме семейной;
– коммуникативные проблемы, особенно в межпоколенческих отношениях.

На основе выявленных проблем была разработана программа, направленная на укрепление социального здоровья граждан старшей возрастной группы, включающая формирующие (мотивирующие, обучающие, психокоррекционные) и обеспечивающие (информирование, формирование среды социального саногенеза) мероприятия. Программа была апробирована в 2016–2017 гг. на базе одной из белгородских больниц в рамках проведения еженедельных дней здоровья, организуемых для всех желающих граждан старшего возраста.

Для экспериментальной проверки эффективности предлагаемой методики на первом предварительном этапе были сформированы две группы в возрасте 60–79 лет. Контрольная – 36 чел., из них 13 мужчин и 23 женщины, средний возраст 69 ± 3 года и основная – 35 чел., из них 16 мужчин и 19 женщин, средний возраст 68 ± 3 года. Вторая группа сформирована на основе высказанного пациентами желания участвовать в занятиях. У всех участников эксперимента посредством методики SF-36 (Ware, Kosinski, Bayliss, McHorney, Rogers, Raczek, 1995; Ware, Sherbourne, 1992) (короткая версия) были замерены показатели качества жизни по следующим критериям:

– общая самооценка здоровья;
– физическое функционирование (способность к выполнению различных физических действий, нагрузок);
– ролевые ограничения (способность к выполнению повседневных обязанностей, дел) в связи с проблемами с физическим здоровьем и в эмоциональной сфере;
– боль и степень ее влияния на повседневную жизнь;
– эмоциональное благополучие;
– социальное функционирование (влияние физического и эмоционального состояния на инклюзию в микро-, мезо- и макросоциальные среды);
– витальность или представление о сохранности жизненных сил.

На этапе первичного замера в обеих группах, как и ожидалось, результаты диагностики показали непринципиальные отличия в значениях различных шкал, характеризующих качество жизни пожилых пациентов в зависимости от состояния здоровья (таблица).

Затем, после первичной диагностики, основная группа была разбита на 3 подгруппы по 12 чел. С каждой группой работа осуществлялась еженедельно в течение 2 мес. Одно занятие проведено совместно: пожилые люди и их ближайшее окружение. В целом каждой группе было посвящено 12 занятий продолжительностью 1 ч.

Показатели качества жизни пожилых пациентов контрольной и основной групп до и после осуществления мероприятий по укреплению их социального здоровья

Шкалы SF-36	Контрольная группа, 60–79 лет (n = 35)		Основная группа, 60–79 лет (n = 36)	
	До программы	Через 3 мес.	До программы	Через 3 мес.
Общее здоровье (GH)	51,4 ± 3,4	49,7 ± 4,2	52,3 ± 3,2	58,7 ± 4,1
Физическое функционирование (PF)	65,3 ± 2,8	67,3 ± 3,7	64,7 ± 3,1	72,5 ± 2,1*
Ролевое функционирование (RP)	51,8 ± 3,1	52,3 ± 3,4	53,5 ± 2,3	57,3 ± 4,1
Интенсивность боли (BP)	59,2 ± 4,3	58,5 ± 3,3	61,3 ± 3,7	63,1 ± 3,4
Социальное функционирование (SF)	52,5 ± 3,6	52,9 ± 2,8	49,7 ± 1,4	59,4 ± 3,6*
Эмоционально-ролевое функционирование (RE)	62,4 ± 3,1	61,7 ± 2,5	59,2 ± 3,6	70,8 ± 3,1*
Жизненная сила (VT)	58,6 ± 3,1	60,2 ± 3,9	56,1 ± 3,5	74,2 ± 3,6*
Эмоциональное здоровье (MH)	64,1 ± 4,2	63,4 ± 3,1	62,4 ± 3,1	76,2 ± 4,7*

* $p < 0,05$ по сравнению с контрольной группой.

В процессе реализации программы социального саногенеза у пожилых людей формировались социальные мотивации, социально здоровые практики их реализации, навыки самопрезентации, эффективной коммуникации, конфликтологические и социальные компетенции; осуществлялась рефлексия их собственных эйджистских стереотипов и практик, а также характеризующих ближайшее окружение; обеспечивались условия для расширения их социального кругозора, увеличения горизонта планирования. В ходе упражнений также решались задачи повышения самооценки в социальных средах, достижения состояния интегративности.

В процессе жизненного стратегирования лиц старших возрастных групп, в основу которого легла идея «SWOT-анализа» (не в традиционном его применении, т. е. в отношении организаций, а для самоанализа личности, ее сильных и слабых сторон, возможностей и угроз для реализации целей и планов), обращалось внимание на развитие отношений в семье, с друзьями и соседями, на инклюзию в различные формы общественной работы и организации. В ходе занятий также проводилась работа, направленная на то, чтобы после их завершения отношения между членами групп сохранились.

Занятие, посвященное проблеме эйджизма, рефлексии эйджистских стереотипов (Колпина, 2015), проводилось совместно с представителями микросоциального окружения пожилых людей (родственники, социальные работники).

В процессе работы использовались активные методы обучения, Интернет-технологии, презентации, информационные буклеты, памятки. Приглашались с выступлениями представители социальных служб, ветеранских общественных организаций.

По окончании работы в каждой группе была осуществлена повторная диагностика качества жизни участников эксперимента посредством опросника SF-36. Анализ показал, что у участников контрольной группы показатели качества жизни за 3 мес. практически не изменились, тогда как в основной они достоверно выросли по следующим шкалам:

– эмоциональное здоровье (MH) ($63,4 \pm 31$ в контрольной группе и $76,2 \pm 4,7^*$ в

основной);

– жизненные силы (VT) ($60,2 \pm 3,9$ и $74,2 \pm 3,6^*$ соответственно);

– эмоционально-ролевое функционирование (RE) ($61,7 \pm 2,5$ и $70,8 \pm 3,1^*$ соответственно);

– социальное функционирование (SF) ($52,9 \pm 2,8$ и $59,4 \pm 3,6^*$ соответственно);

– физическое функционирование (PF) ($67,3 \pm 3,7$ и $72,5 \pm 2,1^*$ соответственно) (см. табл.).

Итак, результаты социальной диагностики, осуществленной среди населения старших возрастных групп, позволили выявить следующие проблемы в сфере социального здоровья их представителей:

– слабая социальная мотивация;

– низкая информированность относительно возможностей и технологий социального активизма;

– превалирование экстернального локус-контроля во всех социальных средах кроме семейной;

– коммуникативные проблемы, особенно в межпоколенческих отношениях.

Реализация программы, разработанной с целью укрепления социального здоровья населения старших возрастных групп, включившей в себя формирующие и обеспечивающие мероприятия, позволила произвести принципиальную положительную коррекцию показателей по шкалам эмоционального здоровья, жизненной силы и эмоционально-ролевого функционирования, и в меньшей мере – социального и особенно физического функционирования. Это доказывает положительное влияние укрепления социального здоровья на повышение качества жизни.

Судя по отзывам участников программы, в их жизни это проявилось, прежде всего, в том, что они стали чувствовать себя бодрее, уменьшились депрессивные настроения, появились мотивирующие и более разнообразные планы, а также силы на их выполнение. Они стали меньше концентрироваться на самочувствии, завели новые знакомства. В некоторых случаях участники программы сообщили о снижении чувства одиночества, появлении ощущения своей нужности.

Результаты проведенной работы показали, что планирование старости, структурирование собственного времени, работа

по развенчанию негативных геронтостереотипов и их выявление как в собственных установках и практиках, так и у окружающих,

Библиографический список

Колпина Л.В. Социальное здоровье населения Белгородской области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 10 (65). С. 78–90.

Сапонов Д.И., Смолькин А.А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5 (111). С. 83–94.

Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Максимова М.М., Щеглова Д.К. Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп: социально-экономические аспекты // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 5 (127). С. 180–184.

Азарина М.С. Социальная эксклюзия пожилых людей в условиях постсоветской модернизации // Социосфера. 2012. № 1. С. 75–76.

Колпина Л.В. Потенциал местного сообщества в формировании социального здоровья населения старших возрастных групп: монография. Ульяновск: Зебра, 2018. 143 с.

Колпина Л.В., Вангородская С.А., Реутов Е.В. Барьеры формирования и функционирования социальных сетей: региональный аспект: монография. Белгород: Издательский дом «Белгород», 2013. 284 с.

Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н., Бояринова И.В. Социальные сети в региональном сообществе: монография. Белгород: Константа, 2011. 240 с.

Реутов Е.В., Реутова М.Н., Колпина Л.В., Шавырина И.В. Гражданское участие как ресурс социальной солидарности: монография. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015. 189 с.

Колпина Л.В. Эйджизм в обслуживании пожилых граждан учреждениями здравоохранения и социальной защиты: монография. Ульяновск: Зебра, 2015. 128 с.

Ware Jr.J.E., Kosinski M., Bayliss M.S., McHorney C.A., Rogers W.H., Raczek A. Comparison of methods for the scoring and statistical analysis of SF-36 health profile and summary measures: summary

расширение социального кругозора оказывают существенную роль в формировании социального здоровья людей старшего возраста.

References

Kolpina L.V. Social health of Belgorod region population. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law], 2009, no. 10 (65), pp. 78–90. (In Russian).

Saponov D.I., Smol'kin A.A. Social exclusion of elderly people: the development of a measurement model. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes], 2012, no. 5 (111), pp. 83–94. (In Russian).

Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Maksimova M.M., Shcheglova D.K. Social exclusion of senior age groups: social and economic aspects. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Altai State Agrarian University], 2015, no. 5 (127), pp. 180–184. (In Russian).

Azarina M.S. Social exclusion of elderly people in the post-Soviet modernization. *Sotsiosfera* [Sociosphere], 2012, no. 1, pp. 75–76. (In Russian).

Kolpina L.V. *Potentsial mestnogo soobshchestva v formirovanii sotsial'nogo zdorov'ya naseleniya starshikh vozrastnykh grupp* [The potential of the local community in shaping the social health of the population of senior age groups]. Ulyanovsk: Zebra Publ., 2018, 143 p. (In Russian).

Kolpina L.V., Vangorodskaya S.A., Reutov E.V. *Bar'ery formirovaniya i funktsionirovaniya sotsial'nykh setei: regional'nyi aspekt* [Barriers of formation and functioning of social networks: regional aspect]. Belgorod: Izdatel'skii dom "Belgorod" Publ., 2013, 284 p. (In Russian).

Reutov E.V., Kolpina L.V., Reutova M.N., Boyarinova I.V. *Sotsial'nye seti v regional'nom soobshchestve* [Social networks in regional community]. Belgorod: Konstanta Publ., 2011, 240 p. (In Russian).

Reutov E.V., Reutova M.N., Kolpina L.V., Shavyrina I.V. *Grazhdanskoe uchastie kak resurs sotsial'noi solidarnosti* [Civic participation as a resource for social solidarity]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015, 189 p. (In Russian).

Kolpina L.V. *Eidzhizm v obsluzhivanii pozhi-lykh grazhdan uchrezhdeniyami zdra-vookhraneniya i sotsial'noi zashchity* [Ageism in provision of services for senior citizens by health care and social protection institutions]. Ulyanovsk: Zebra Publ., 2015, 128 p. (In Russian).

Ware Jr.J.E., Kosinski M., Bayliss M.S., McHorney C.A., Rogers W.H., Raczek A. Comparison of methods for the scoring and statistical analysis of SF-36 health profile and summary measures: summary

of results from the Medical Outcomes Study // Medical Care. 1995. Pp. 264–279.

Ware Jr.J.E., Sherbourne C. The MOS 36-item short-form health survey (SF-36): I. Conceptual framework and item selection // Medical Care. 1992. No. 30 (6). Pp. 478–483.

Критерии авторства

Колпина Л.В. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Колпина Лола Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: kolpina@bsu.edu.ru

of results from the Medical Outcomes Study. Medical Care, 1995, pp. 264–279.

Ware Jr.J.E., Sherbourne C. The MOS 36-item short-form health survey (SF-36): I. Conceptual framework and item selection. Medical Care, 1992, no. 30 (6) pp. 478–483.

Criteria for Authorship

Kolpina L.V. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Author Credentials

Lola V. Kolpina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Social Technologies Department, Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russian Federation, e-mail: kolpina@bsu.edu.ru

ОТНОШЕНИЕ К БУДДИЗМУ И ПРАВОСЛАВИЮ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© Е.Г. Копалкина

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация: В статье на основе вторичного анализа социологических исследований, проводимых в 1990–2017 гг. крупнейшими социологическими центрами общественного мнения, делается вывод об актуальности и важности изучения отношения к буддизму, особенно в «нетрадиционных районах» его распространения – европейской части России. Подчеркивается, что в России уровень религиозной толерантности к буддистам сохраняется. Это объясняется тем, что, с одной стороны, Россия представляет собой поликультурное и полирелигиозное пространство, с другой – «авторские варианты» буддизма делают его адаптированным и понятным для россиян-европейцев, модернизируя тем самым традиционный буддизм Калмыкии, Бурятии, Тувы и Забайкальского края. В работе представлены основные тенденции религиозности современных россиян, в большей степени православных: рост декларируемой религиозности; религиозная принадлежность на основе культурной идентификации, а не в силу собственной религиозной мотивации; поверхностный характер религиозности, проявляющейся в непосещении церкви, неучастии в религиозных праздниках и др. Предлагается в целях изучения реальной религиозной толерантности россиян к буддистам использовать методики ее качественного измерения. Для этого в комплексе предлагается применять следующие подходы: исторический (в центр ставятся вопросы истории развития религиозной толерантности); территориальный (исследование толерантности на различных территориальных образованиях); институционально-групповой (толерантность различных социально-демографических групп и религий как социального института); факторный (изучение религиозной толерантности как фактора развития социальной жизни или ее отдельного процесса, а также сохранения безопасности в целом).

Ключевые слова: буддизм, православие, Россия, религиозность, религиозная толерантность, религиозное поведение.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы», № 14-18-00444.

Информация о статье: Дата поступления 20 августа 2018 г.; дата принятия к печати 16 сентября 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2018 г.

Для цитирования: Копалкина Е.Г. Отношение к буддизму и православию на современном этапе развития российского общества. *Социальная компетентность*. 2018;3(3):72–78.

ATTITUDE TO BUDDHISM AND ORTHODOX CHRISTIANITY AT THE MODERN STAGE OF RUSSIAN SOCIETY DEVELOPMENT

© Evgenia G. Kopalkina

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., 664074 Irkutsk, Russian Federation

Abstract: Basing on the secondary analysis of sociological surveys conducted by the largest sociological public opinion centers in 1990-2017, the article provides the conclusion about the relevance and importance of study of attitudes to Buddhism, especially in the European part of Russia where Buddhism is not a traditional religion. The level of religious tolerance towards Buddhists in Russia remains unchanged. That is because traditionally Russia is a multicultural and multifaith space. Besides, the «author's versions» of Buddhism make it customized and understandable for Russian Europeans, thereby modernizing traditional Buddhism of Kalmykia, Buryatia, Tuva, Zabaikalye territory. The article presents the main tendencies of religiosity of modern Russians, who are

mostly orthodox as the largest religious group: increase in the number of people reporting to be affiliated with a religion, religious affiliation based on cultural identification as distinguished from their own religious motivation, superficiality of religiosity manifested in not attending the church, non-participation in religious holidays, etc. The author suggests using the methods of qualitative measurement to study the real religious tolerance of Russians towards Buddhists. It can be provided by using an integrated approach that includes: historical (the questions of the history of the development of religious tolerance are crux), territorial (the study of tolerance in various territorial entities), institutional-group (tolerance of various socio-demographic groups and religions as a social institution), factorial (the study of religious tolerance as a factor in the development of social life or its separate process, as well as the preservation of security in general) approaches.

Keywords: *Buddhism, Orthodox Christianity, Russia, religiosity, religious tolerance, religious behavior*

Financing: The study was completed as a part of the Russian Science Foundation research project No. 14-18-00444 "Buddhism in the socio-political and cultural processes of Russia, Inner and East Asia: transformations and perspectives".

Article info: Received August 20, 2018; accepted September 16, 2018; available online September 30, 2018.

For citation: Копалкина Е.Г. Attitude to Buddhism and Orthodox Christianity at the modern stage of Russian society development. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. 2018;3(3): 72–78. (In Russ.).

Буддизм наряду с православием и исламом является традиционной религией России. Официальное закрепление буддизма в России как религии было связано, прежде всего, с именами Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I и Александра I, указы которых в 1741, 1764, 1797 и 1822 г. повлияли на распространение и развитие буддизма в российском государстве. В 1741 г. Елизаветой Петровной¹ был принят указ (правда пока до сих пор не найденный ни в бурятских источниках на монгольском и тибетском языках, ни в русских архивных документах XVIII–XIX вв.), который «... вводил понятие комплектного (официально одобренного органами российской власти) числа лам; ... освобождал входивших в это число от уплаты податей и исполнения повинностей; ... запрещал под страхом смертного наказания какие-либо контакты с внешним буддийским миром». Этот указ хоть и не был документом, официально признававшим буддизм на территории России и по «своему духу был скорее ограничительным, нежели разрешительным, все же его можно было трактовать и как косвенное признание буддийской религии» (Цыремпилов, 2014. С.

105). В 1764 г. учреждение Екатериной II поста Пандита Хамбо-ламы² в Восточной Сибири и Забайкалье знаменуется уже как признание буддизма в качестве государственной религии России, свободное исповедание и распространение которой было также подтверждено Манифестом императора Павла Петровича от 18 марта 1797 г. и указом императора Александра Павловича от 22 июля 1822 г.

Традиционно исповедуют буддизм в Калмыкии, Бурятии, Туве, Забайкальском крае и Иркутской области. Численность этнических (бурятских, калмыцких, тувинских) буддистов составляет около 900 тыс. чел., в целом же в России исповедующих буддизм насчитывается примерно 1,5–2 млн чел. «В России традиционно сложилось несколько научно-исследовательских центров изучения буддизма – в Москве, Санкт-Петербурге, Улан-Удэ, Элисте и Кызыле. За пределами этих городов интерес к изучению буддизма не очень развит, хотя в ряде регионов и принимаются исследования разной направленности» (Бадмацыренов, 2016. С. 182). Действительно, в целом религиозность в России изучается в основном на примере двух религиозных конфессий – православия

¹Н.В. Цыремпилов в своем исследовании пишет, что вероятнее всего этот указ был принят в правление малолетнего Иоанна VI в регентство Анны Леопольдовны, что ошибочное приписывание его Елизавете было обусловлено «политической конъюнктурой».

² Первый Пандито Хамбо-лама – Дамба-Даржа Заяев, пробыл в этой должности 12 лет. С 1995 г. и по сей день XXIV Пандито Хамбо лама – Дамба Аюшеев, глава Буддийской традиционной сангхи России.

и ислама, в то время как отношение россиян к буддизму исследуется меньше и традиционно его относят к группам «другие религии» или «остальные религии».

В евразийском пространстве России православие и буддизм имеют долгую историю взаимоотношений. «Несмотря на христианизацию XVIII–XIX вв., на бытовом уровне между представителями буддизма и православия всегда проявлялись комплиментарность и толерантность, которые обнаруживались, например, в близком сосуществовании храмов обеих религий, доброжелательных личных взаимоотношениях между духовенством и мирянами этих конфессий» (Уланов, 2013. С. 116). Важнейшим качественным признаком религиозной толерантности современного российского общества является неприязнь к иноверцам. По мнению С.П. Кандаурова, неприязнь к представителям иной религии и другого этноса служит серьезным препятствием для преодоления неадекватных стереотипов восприятия людей, общения в формате диалога культур. Это, в конечном счете, ведет к обострению межэтнических отношений (Кандауров, 2017. С. 284).

К буддистам религиозная толерантность в целом сохраняется и в современных условиях (рис. 1). Об этом свидетельствуют

данные социологических исследований, проводимых крупнейшими социологическими центрами: Институт социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН); Институт социологии РАН (ИС РАН); Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ); Левада-Центр; Фонд «Общественное мнение» (ФОМ); Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ) и др.³ Результаты опросов указывают на то, что отношение к буддистам в основном положительное⁴ (Отношение к религиям, 2018).

Результаты исследования отношения к буддистам в зависимости от религиозной самоидентификации свидетельствуют о том, что лучше («очень положительно») к буддистам относятся мусульмане, нежели православные, а среди неверующих больше чем в других опрошенных группах распространена нулевая религиозная толерантность (рис. 2).

На сайте ВЦИОМ в отчете «Религия в жизни россиян» за 1990–2015 гг., опубликованном в 2016 г., помимо стандартных вопросов о вере и неверии, роли религии в жизни человека, ее соотношении с государством представлены ответы респондентов на вопрос и о религиозной толерантности: «Как бы вы отнеслись к тому, что рядом с вашим домом открыли церковь, молельный

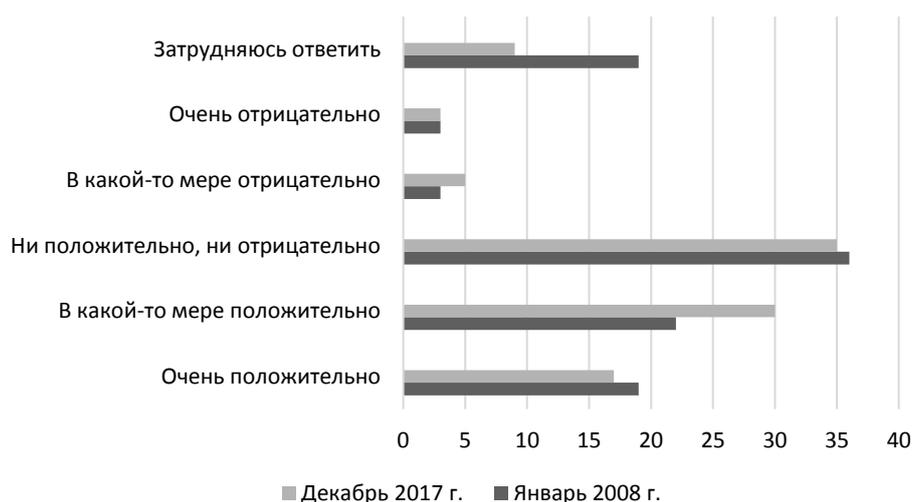

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос об отношении к буддистам, %

³ Другие данные не были представлены, поскольку в тех городах, где проводились исследования, объем выборки составлял всего 100–300 чел.

⁴ Объем выборки составляет 1 600 чел. из 48 регионов страны. Опросы проводились с помощью личного интервью в 2008 и 2017 г.

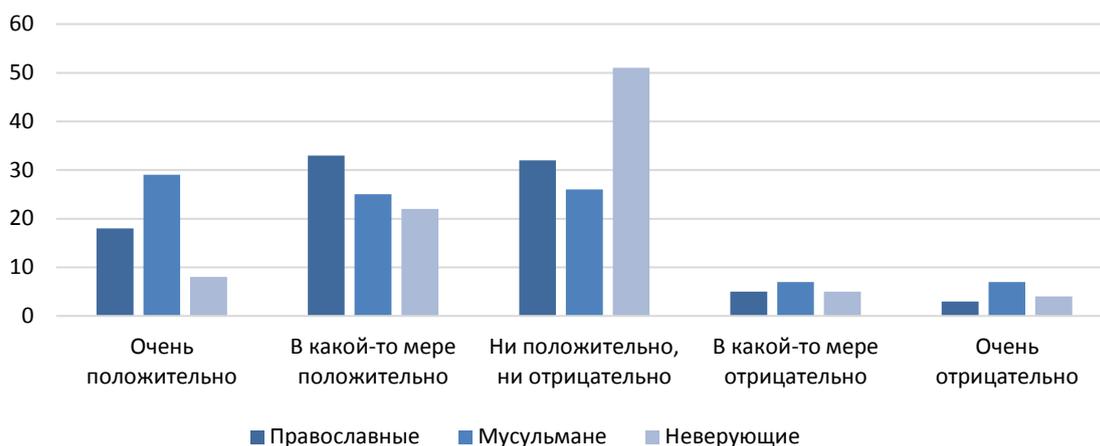

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос об отношении к буддистам в зависимости от религиозной самоидентификации, %

дом, чуждой для вас веры?»⁵ (Отчет ВЦИОМ «Религия в жизни россиян», 2016. С. 29). В наши дни респонденты значительно выше (в 2 раза), нежели в 1990 г., оценивают роль религии в своей повседневной жизни. Однако, когда речь заходит о соседнем расположении зданий богослужений приверженцев иной веры с местом их жительства, уровень религиозной толерантности и веротерпимости существенно снижается (рис. 3).

Правда между последователями различных конфессий наблюдается заметное расхождение во взглядах. Православные, как и россияне в среднем, в отношении других религиозных учреждений настроены менее позитивно (20 %), чем последователи

других конфессий (мусульмане, буддисты и др.). В целом религиозная толерантность в отношении буддистов сохраняется, это показывают результаты и других социологических исследований, проводимых в России, подтверждающих тезис о том, что традиционно Россия всегда была поликультурным и полирелигиозным пространством.

Также важнейшим фактором религиозной терпимости к буддистам за пределами «традиционных районов» буддизма, вероятно, являются «авторские варианты» буддизма (Монгуш, 2016), которые возникают вследствие недостаточного уровня знаний о буддизме и стремления его адаптировать к западному мышлению и культуре.

Рис. 3. Отношение респондентов к близкому с домом расположению церкви, молельного дома чуждой веры, %

⁵ Выборка составляла 1 600 чел. из 46 регионов России. Опрос проводился методом формализованного интервью.

Россия, «имеющая собственный традиционный буддизм, стала получать с 1990-х гг. буддизм ... адаптированный к западному образу жизни и западному менталитету. Для буддийских общин западного толка характерно то, что они в известной степени противопоставляют себя традиционным калмыцким, бурятским и тувинским общинам; свои модели буддийско-общинной жизни они рассматривают как единственно подходящие для россиян-европейцев. Хотя они и заявляют о прямой религиозно-догматической связи их общин с одноименными направлениями тибетского буддизма, в действительности же они оказываются "авторскими вариантами" буддизма. В настоящее время на территории России (в европейской части) существует около 200 независимых буддистских общин и организаций западного направления. В основном они сосредоточены в крупных мегаполисах – Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске и т. д.» (Монгуш, 2016. С. 5). Схожую ситуацию описывает калмыцкий исследователь М.С. Уланов, который отмечает, что в результате современной обновленческой реформы в Бурятии произошел раскол Традиционной буддийской сангхи. Итогом раскола стало создание новой общецерковной организации «Духовное управление буддистов» (ДУБ), отличающейся отсутствием ярко выраженного этноцентризма, что способствовало «вхождению в ДУБ русскоязычных общин из Москвы, Санкт-Петербурга и некоторых других крупных городов» (Уланов, 2009. С. 249).

Россия – мультикультурная страна, но исторически и традиционно в большей степени является православной, «в настоящее время порядка 75–80 % россиян относят себя к православию (Отношение к религиям, 2018), одобряя раздельность религии и церкви от государства. В Конституции РФ закреплено положение о том, что Россия является светским государством. По результатам исследований 2007 г. и 2015 г. с 54 до 64 % соответственно увеличилась доля опрошенных, которые считают, что эту норму следует сохранить⁶ (Отчет ВЦИОМ «Религия в жизни россиян», 2016. С. 34).

Результаты многолетних систематических социологических исследований религиозности россиян показывают следующее:

1. Рост религиозности среди населения, которую многие исследователи называют декларируемой. «На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что уровень активности религиозных практик в постсоветской России не претерпел существенных изменений в сравнении с уровнем исполнения религиозных практик в поздний советский период. Численность людей, регулярно отправляющих религиозные обряды, посещающих богослужения и религиозные собрания, осталась приблизительно на таком же уровне» (Пронина, 2015. С. 187).

2. Большая часть опрошенных относит себя к православным не в силу собственной религиозной мотивации, а скорее сопоставляя это понятие с православной культурой, чем с верой, определяя, таким образом, свою культурную самоидентификацию (Синелина, 2014. С. 114). Следовательно, конфессиональную самоидентификацию не следует рассматривать как показатель религиозного сознания, поскольку это приводит к завышению уровня религиозности. «Если в советский период показатель самоидентификации по отношению к религии и атеизму занижал уровень и степень религиозности и завышал процент распространения секуляризации, то в современном российском обществе с точностью наоборот – завышает уровень и степень религиозности с занижением уровня и степени атеистичности населения (Кублицкая, 2016. С. 108).

3. В большинстве случаев религиозность россиян поверхностна. Это связано с тем, что те, кто причисляет себя к верующим, на самом деле мало посещают церковь, участвуют в религиозных праздниках, совершают церковные обряды и т. д. Хотя некоторые исследователи считают, что «посещение церкви, например, нельзя автоматически, само по себе, интерпретировать как свидетельство религиозности индивида. И все же так поступают многие социологи, которые безоговорочно считают посещаемость церкви важнейшим "измерением"

⁶ Исследование проводилось в 1990-2016 гг., объем выборки 1 600 чел. из 46 регионов России.

состояния, уровня религиозности» (Гафиятуллина, 2017. С. 32).

Изучение уровня религиозной толерантности в районах, где буддизм не является «традиционной» религией (европейская часть России), – важная и актуальная задача, если обратить внимание на следующее:

1. Перечисленные тенденции состояния религиозности касаются в большинстве случаев православных, так как это самая многочисленная религиозная группа в России, однако насколько данные тенденции характеризуют буддистов – вопрос малоизученный.

2. Изучение позиции респондентов (граждан, россиян) посредством общего вопроса об отношении к буддистам (Левада-Центр), либо вопроса косвенного типа об их отношении к церкви или молельному дому чужой веры, расположенных в непосредственной близости от дома (ВЦИОМ),

не может быть достаточным, поскольку не раскрывает факторы процессов снижения или роста религиозной реальной толерантности и отношения к буддистам.

3. Разработка методик качественного измерения религиозной толерантности и комплексное применение исторического (в центр ставятся вопросы истории развития религиозной толерантности), территориального (исследование толерантности на различных территориальных образованиях), институционально-группового (толерантность различных социально-демографических групп и религий как социального института) и факторного (изучение религиозной толерантности как фактора развития социальной жизни или ее отдельного процесса, а также сохранения безопасности в целом) подходов (Хайруллин, 2017. С. 145) позволят оценить реальную религиозную толерантность к буддистам и буддизму.

Библиографический список:

Бадмацыренов Т.Б. Социология буддизма в России // Власть. 2016. Т. 24. № 6. С. 179–185.

Гафиятуллина К.Р. Религиозное и светское поведение: анализ в рамках социологического знания // Социум и власть. 2017. № 3 (65). С. 29–34.

Кандауров С.П. Толерантность религиозной составляющей в межэтническом взаимодействии // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 282–290.

Кублицкая Е.А. Динамика процесса десекуляризации в мегаполисе // Наука. Культура. Общество. 2016. № 3. С. 104–123.

Монгуш М.В. Традиционный и западный буддизм в современной России: опыт сравнительного анализа // Новые исследования Тувы. 2016. № 1. С. 5–19.

Отношение к религиям [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2018/01/23/otnoshenie-k-religiyam/> (18.08.2018).

Отчет ВЦИОМ «Религия в жизни россиян» [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2016/2016-09-06-rpu.pdf (18.08.2018).

Пронина Т.С. Религиозность позднего советского периода и ревитализация религии в постсоветской России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015.

References

Badmatsyrenov T.B. Buddhism sociology in Russia. *Vlast'* [Power], 2016, vol. 24, no. 6, pp. 179–185. (In Russian).

Gafiyatullina K.R. Religious and secular behavior: an analysis within the framework of sociological knowledge. *Sotsium i vlast'* [Socium and power], 2017, no. 3 (65), pp. 29–34. (In Russian).

Kandaurov S.P. Tolerance of the religious component in interethnic interaction. *Voyadzher: mir i chelovek* [Voyager: the world and man], 2017, no. 8, pp. 282–290. (In Russian).

Kublitskaya E.A. The dynamics of the process of desecularization in the metropolis. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], 2016, no. 3, pp. 104–123. (In Russian).

Mongush M.V. Traditional and western Buddhism in modern Russia: an experience of comparative analysis. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Studies in Tuva], 2016, no. 1, pp. 5–19. (In Russian).

Otnoshenie k religiyam [Attitude towards religions]. Available at: <https://www.levada.ru/2018/01/23/otnoshenie-k-religiyam/> (accessed August 18, 2018).

Otchet VTSIOM "Religiya v zhizni rossiyan" [VCIOM report "Religion in the life of Russians"]. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2016/2016-09-06-rpu.pdf (accessed August 18, 2018).

Pronina T.S. Religiosity of the late Soviet period and the revitalization of religion in post-Soviet Russia. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University.

№ 6 (146). С. 178–189.

Синелина Ю.Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10 (354). С. 104–115.

Уланов М.С. Буддизм в современной России: традиция или модернизация // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической перспективе: сб. науч. тр. Вып. 3. Барнаул: Азбука, 2009. С. 248–252.

Уланов М.С. Буддизм и православие в цивилизационном пространстве России: истоки толерантности // Философские науки. 2013. № 2. С. 115–122.

Хайруллин Р.М. Теоретико-методологические основы изучения религиозной толерантности (систематизация подходов) // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2017. № 12. С. 141–146.

Цыремпилов Н.В. Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма российскими властями // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2014. № 3 (39). С. 96–109.

Series: Humanities], 2015, no. 6 (146), pp. 178–189. (In Russian).

Sinelina Yu.Yu. On the dynamics of religiosity of Russians and some methodological problems of its study (religious consciousness and behavior of Orthodox and Muslims) . *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no. 10 (354), pp. 104–115. (In Russian).

Ulanov M.S. *Buddizm v sovremennoi Rossii: traditsiya ili modernizatsiya* [Buddhism in modern Russia: tradition or modernization]. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskie perspective* [Worldview of the population of South Siberia and Central Asia in historical perspective]. Iss. 3. Barnaul: Azbuka Publ., 2009, pp. 248–252. (In Russian).

Ulanov M.S. Buddhism and Orthodoxy in the civilized space of Russia: the origins of tolerance. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2013, no. 2, pp. 115–122. (In Russian).

Khairullin R.M. Theoretical and methodological foundations of the study of religious tolerance (systematization of approaches). *Nauchnye trudy Tsentra perspektivnykh ekonomicheskikh issledovaniy* [Scientific works of the Center for Advanced Economic Studies], 2017, no. 12, pp. 141–146. (In Russian).

Tsyrempilov N.V. When did Russia recognize Buddhism? In pursuit of 1741 decree by Empress Elizaveta Petrovna officially recognizing Buddhism by the Russian authorities. *Gumanitarnyi vektor. Seriya: Istoriya, politologiya* [Humanitarian vector. Series: History, Political Science], 2014, no. 3 (39), pp. 96–109. (In Russian).

Критерии авторства

Копалкина Е.Г. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, e-mail: kopalkina2017@list.ru

Criteria for Authorship

Kopalkina E.G. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Author Credentials

Evgenia G. Kopalkina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department of Irkutsk National Research Technical University, e-mail: kopalkina2017@list.ru

**ИННОВАЦИОННАЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В РЕГИОНАХ: РАСКРЫТИЕ СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ**

© Н.В. Лежнева

Троицкий филиал Челябинского государственного университета,
457100, Российская федерация, г. Троицк, ул. Степана Разина, 9

Аннотация: В статье рассматриваются особенности формирования понятия «инновационная предпринимательская деятельность» с точки зрения функционального и структурного подходов. Вскрываются недостатки и достоинства использования этих подходов при раскрытии сущности обозначенного термина. Обоснованный выбор структурного подхода позволил рассмотреть понятие «инновационная предпринимательская деятельность» как стиль деятельности, ориентированный на достижение результата на основе создания или реализации инновации, являющегося для субъекта мерой успеха (экономического, политического или социального). Такое понимание инновационной предпринимательской деятельности позволяет акцентировать внимание на социально-психологических аспектах этого феномена и выделить у субъектов данного процесса наиболее значимые психологические качества. В работе исследуются также различия в понимании инновационного предпринимательства в трудах отечественных и зарубежных авторов. На основе анализа научных источников и обобщения данных эксперимента, проведенного в 2015–2018 гг., выделяются базовые качества успешных инновационных предпринимателей и их особенные качества, необходимые при организации инновационной предпринимательской деятельности в регионе. К первым относятся ярко выраженное стремление к финансовому успеху на основе внедрения новых технологий, продуктов и т. д. (новации или инновации); мотивация к достижению успеха; готовность к риску; восприятие самостоятельности как ценности; юридическая и экономическая компетентности в области организации инновационного предпринимательства; развитое творческое и логическое мышление; организаторские способности. К особым качествам отнесены этно-коммуникативная компетенция; развитое мышление; умения многовариантного планирования; коммуникативные способности; высокий уровень субъектного контроля; фрустрационная толерантность.

Ключевые слова: инновационная предпринимательская деятельность, регион, профессионально важные качества.

Информация о статье: Дата поступления 10 августа 2018 г.; дата принятия к печати 13 сентября 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2018 г.

Для цитирования: Лежнева Н.В. Инновационная предпринимательская деятельность в регионах: раскрытие сущности понятия. *Социальная компетентность*. 2018;3(3):79–83.

INNOVATIVE BUSINESS ACTIVITY IN REGIONS: ESSENCE OF THE CONCEPT

© Nina V. Lezhneva

Chelyabinsk state university, Troitsk branch
9 Stepan Razin St., Troitsk 457100, Russian Federation

Abstract: The article considers the formation features of the concept "innovative business activity" from the point of view of functional and structural approaches. It describes the shortcomings and advantages of these approaches to explanation of the essence of the given concept. The informed choice of structural approach allowed to examine the concept "innovative business activity" as the style of activity focused on achievement of result on the basis of the creation or implementation of an innovation being a success measure (economic, political or social) for the subject. Such understanding of innovative business activity enables to focus on social and psychological aspects of this phenomenon and to mark out the most significant psychological qualities of the subjects of this process. The article also studies differences of "innovative business" comprehension in domestic and foreign researchers' works. Basing on the analysis of scientific resources and evidence summary of the experiment carried out in 2015–2018, the author identifies the main qualities of successful innovative businessmen and their special qualities that are important for the organization of innovative business activity in the region.

The former includes the pronounced aspiration for financial success introducing new technologies, products, etc. (novations or innovations); motivation for success; readiness for risk; perception of independence as values; legal and economic competence in the sphere of innovative business; developed creative and logical thinking; leadership potential. The latter includes ethno-communicative competence, the developed thinking; ability of multiple planning; communicative abilities; high level of subject control, frustration tolerance.

Keywords: *innovative business activity, region, professionally important qualities*

Article info: Received August 10, 2018; accepted September 13, 2018; available online September 30, 2018.

For citation: Lezhneva N.V. Innovative business activity in regions: essence of the concept. *Sotsial'naya kompetentnost'* = *Social Competence*. 2018;3(3): 79–83. (In Russ.).

Решение проблемы инновационного предпринимательства является одной из приоритетных задач для России. Особенно важен этот процесс для регионов, где развитие во многом тормозится из-за отсутствия специалистов, способных не только квалифицированно выполнять свои профессиональные обязанности, но создавать новые инновационные структуры. Однако теоретическая база, необходимая для подготовки студентов вуза к инновационному предпринимательству, пока еще не создана.

Проблема инновационного предпринимательства в России с психолого-педагогической точки зрения стала интересовать исследователей сравнительно недавно (Балабанов, 2001; Бунин; Журавлев, Позняков, 1995; Заславская, 1995). Причиной такой ситуации являются новизна рассматриваемого феномена, сложность и неоднозначность развития инновационного предпринимательства, его глубокая специфика для различных стран и регионов, многоаспектность, выражающаяся в интеграции его социально-психологических и экономических сторон.

Несмотря на то, что авторы неоднозначны в раскрытии сущности инновационного предпринимательства, можно условно выделить два направления рассмотрения проблемы: функциональное и структурное.

В рамках функционального направления инновационное предпринимательство предстает как экономический или социально-экономический феномен, реализующий определенные экономические или (и) социальные функции развития, т. е. «как поиск оптимальной комбинации различных

ресурсов для извлечения доходов, поиск и создание новых возможностей и комбинаций в экономике» (экономическая функция) или более широко – «как процесс создания чего-то нового, обладающего ценностью»¹. Недостатком функционального подхода является «обезличенность» инновационной предпринимательской деятельности, сложность выявления особенных и типичных характеристик ее субъектов. В связи с этим более приемлемым в аспекте темы исследования становится структурное направление в исследованиях, рассматривающее предпринимателей в качестве отдельной социальной группы. Например, такой подход позволил Т.И. Заславской не только определить параметры идентификации данной социальной группы, но и провести градацию внутри предпринимателей по определенным основаниям (Заславская, 1995).

Проведение исследования в рамках структурного направления позволяет определить инновационное предпринимательство как стиль деятельности, ориентированный на достижение результата на основе создания или реализации инновации, который является для субъекта мерой успеха (экономического, политического или социального). При этом акцентируется внимание на том, что инновационное предпринимательство это не только (и не столько) деятельность, связанная с получением прибыли или других желаемых результатов, а, прежде всего, организационно-управленческий стиль, ориентированный на постоянную инициативу и новации.

Такое понимание инновационного предпринимательства позволяет акцентиро-

¹ Психология: учебник для технических вузов / под ред. В.Н. Дружинина. СПб: Питер, 2000. 608 с. /

Psychology: tutorial for technical universities / ed. by V.N. Drushinina. S. Petersburg: Peter, 2000. 608 p.

вать внимание на социально-психологических аспектах этого феномена и выделить у субъектов данного процесса наиболее значимые психологические качества.

При рассмотрении этой проблемы необходимо обратиться к опыту зарубежных стран, где она стала изучаться, как минимум, на пятьдесят лет раньше, чем в России.

В аспекте настоящего исследования важны работы, посвященные изучению атрибутивных психологических качеств предпринимателей, их профессионализма и компетентности, когнитивных механизмов инновационной деятельности. Интерес вызывают также труды зарубежных авторов, раскрывающие особенности принятия инновационных решений в ситуациях неопределенности и непредсказуемости, поведения в ситуациях риска, самоэффективности, отношения предпринимателей к себе и к миру (Макклелланд, 2007; Baum, 2007; Brockhaus, 1982; Luthans, 2004; Warneryd, 1988 и др.).

С опорой на работы зарубежных авторов, учитывалась российская специфика предпринимательской деятельности, так как отечественное предпринимательство существенно осложнено следующими основными факторами:

- несформированная законодательная база в рассматриваемой области;
- недостаточно развитая экономика;
- традиционное отношение к предпринимательской деятельности и т. д.

Это приводит к формированию отличных от зарубежных аналогов социально-психологических качеств² (Новиков, Марченко, 1998; Бодров, 1995; Филинкова, 2007). Например, значимые отличия наблюдаются у отечественных предпринимателей в интеллектуальной сфере. По мнению Й.А. Шумпетера, «...основательная подготовка и знание дела, глубина ума и способность к логическому анализу в известных обстоятельствах могут стать источником неудач» (Шумпетер, 1982. С. 181), что не согласуется с мнением отечественных авторов (Бунин).

Анализ работ отечественных авторов, работающих над обозначенной проблемой и обобщение данных эксперимента, проведенного в 2015–2018 гг. позволило выделить

базовые качества, необходимые при организации инновационной предпринимательской деятельности большинству российских предпринимателей, и частные, характерные в основном для региональных инноваторов. К базовым относятся следующие качества:

- ярко выраженное стремление к финансовому успеху на основе внедрения новых технологий, продуктов и т. д. (новации или инновации);

- мотивация достижения успеха;
- готовность к риску;

- восприятие самостоятельности как ценности;

- юридическая и экономическая компетентности в области организации инновационного предпринимательства;

- развитое творческое и логическое мышление;

- организаторские способности.

К качествам, характерным для региональных инновационных предпринимателей, относятся:

- этно-коммуникативная компетенция;

- развитое мышление;

- умения многовариантного планирования;

- коммуникативные способности;

- высокий уровень субъектного контроля;

- фрустрационная толерантность.

Таким образом, сущность понятия «инновационная предпринимательская деятельность» раскрывается и конкретизируется в зависимости от специфических условий региона. Кроме того, современная среда региона характеризуется в большей мере (по сравнению со столичными городами) наличием дестабилизирующих факторов, ситуацией неопределенности и непредсказуемости, быстрым изменением темпа жизни, ценностной дезориентацией, что неминуемо актуализирует проблему психического и физического здоровья людей, рискнувших заниматься инновационной предпринимательской деятельностью. Все это приводит к тому, что на первое место для региональных предпринимателей

² Психология: учебник для технических вузов / под ред. В.Н. Дружинина. СПб: Питер, 2000. 608 с. /

Psychology: tutorial for technical universities / ed. by V.N. Drushinina. S. Petersburg: Peter, 2000. 608 p.

выходит не знаниевый компонент инновационной деятельности и даже не формирование определенных качеств, а, прежде всего,

Библиографический список

Балабанов И.Т. Инновационный менеджмент. СПб.: Питер, 2001. 303 с.

Бунин И.М. Новые российские предприниматели и мифы посткоммунистического сознания [Электронный ресурс]. URL: http://www.libertarium.ru/l_liblibrus_art3 (1.08.2018).

Журавлев А.Л., Позняков В.П. Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия. М.: Институт психологии Российской академии наук, 1995. 58 с.

Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/816/929/1216/002Zaslavskaya.pdf> (1.08.2018).

Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. 672 с.

Новиков В.В., Марченко В.В. История возникновения и становления социальной психологии предпринимательства. Ярославль: Международная академия психологических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 1998. 90 с.

Психология предпринимательской деятельности (развитие российского предпринимательства в начале 1990-х гг.) / под ред. В.А. Бодрова. М.: Институт психологии Российской академии наук, 1995. 175 с.

Филинкова Е.Б. Психология российского предпринимательства. М.: Ректор, 2007. 288 с.

Шумпетер Й.А. Теория экономического развития (исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М.: Прогресс, 1982. 455 с.

Baum J.R. The psychology of entrepreneurship. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2007. 128 p.

Brockhaus R.H. The psychology of entrepreneur. Encyclopedia of Entrepreneurship // Prentice-Hal, 1982. Vol. 42. Pp. 39–57.

психологическая готовность к инновационной предпринимательской деятельности.

References

Balabanov I.T. *Innovatsionnyi menedzhment* [Innovation management]. Saint Petersburg: Piter Publ., 2001, 303 p. (In Russian).

Bunin I.M. *Novye rossiiskie predprinimateli i mify postkommunisticheskogo soznaniya* [New Russian entrepreneurs and myths of postcommunist awareness]. Available at: http://www.libertarium.ru/l_liblibrus_art3 (accessed August 1, 2018).

Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P. *Delovaya aktivnost' predprinimatelei: metody otsenki i vozdeistviya* [Entrepreneurs' business activity: methods of assessment and impact]. Moscow: Institute of psychology of Russian academy of sciences Publ., 1995, 58 p. (In Russian).

Zaslavskaya T.I. *Biznes-sloi rossiiskogo obshchestva: sushchnost', struktura, status* [The business stratum of Russian society: the essence, structure, status]. available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/816/929/1216/002Zaslavskaya.pdf> (accessed August 1, 2018).

Maklelland D. *Motivatsiya cheloveka* [Human Motivation]. Saint Petersburg: Piter Publ., 2007, 672 p. (In Russian).

Novikov V.V., Marchenko V.V. *Istoriya vzniknoveniya i stanovleniya sotsial'noi psikhologii predprinimatel'stva* [The history of the emergence and formation of social psychology of entrepreneurship]. Yaroslavl': International Academy of Psychological Sciences, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov Publ., 1995, 175 p. (In Russian).

Bodrov V.A. *Psikhologiya predprinimatel'skoi deyatel'nosti (razvitie rossiiskogo predprinimatel'stva v nachale 1990-kh gg.)* [Psychology of entrepreneurship]. Moscow: Institute of psychology of Russian academy of sciences Publ., 1995, 175 p. (In Russian).

Filinkova E.B. *Psikhologiya rossiiskogo predprinimatel'stva* [Psychology of Russian entrepreneurship]. Moscow: Rektor Publ., 2007, 288 p. (In Russian).

Shumpeter I.A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya (issledovanie predprinimatel'skoi pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla kon'yunktury)* [Theory of economic development (study of business profits, capital, credit, interest and business cycle)]. Moscow: Progress Publ., 1982, 455 p. (In Russian).

Baum J.R. The psychology of entrepreneurship. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2007, 128 p.

Brockhaus R.H. The psychology of entrepreneur. Encyclopedia of Entrepreneurship. Prentice-Hal, 1982, vol. 42, pp. 39–57.

Luthans F. Human, social, and now positive psychological capital management // Investing in people for competitive advantage. Organizational Dynamic. 2004. Vol. 33. Pp. 143–160.

Warneryd K.-E. The Psychology of Innovative Entrepreneurship // Handbook of economic psychology. Dodrecht, 1988. Pp. 405–447.

Критерии авторства

Лежнева Н.В. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах

Лежнева Нина Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, Троицкий филиал Челябинского государственного университета, 457100, Российская федерация, г. Троицк, ул. Степана Разина, 9, e-mail: Legneva_nv@mail.ru

Luthans F. Human, social, and now positive psychological capital management. Investing in people for competitive advantage. Organizational Dynamic, 2004, vol. 33, pp. 143–160.

Warneryd K.-E. The Psychology of Innovative Entrepreneurship. Handbook of economic psychology. Dodrecht, 1988, pp. 405–447.

Criteria for Authorship

Lezhneva N.V. conducted research, issued scientific results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares lack of the conflict of interests.

Author Credentials

Nina V. Lezhneva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Pedagogics and Psychology Department, Troitsk branch of Chelyabinsk state university, 9 Stepan Razin St., Troitsk 457100, Russian Federation, e-mail: Legneva_nv@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕННОСТЕЙ ЯПОНСКОЙ МОЛОДЕЖИ И СИНДРОМ ХИКИКАМОРИ

© А.Ю. Нагорнова

Токийский университет,
112-0011, Япония, Токио, Сенгоку-ку, 2-8-15, 102

Аннотация: В статье рассматриваются результаты исследования ценностей современной японской молодежи по двум кластерам – юноши и девушки. Респондентам предлагалось назвать 10 приоритетных личностных ценностей, расположив их в порядке значимости, начиная с первой – «самой значимой». Исследование проводилось в 2017–2018 гг. среди учеников средних и старших школ г. Токио и студентов различных специальностей Токийского государственного университета. Подробно характеризуются приоритетные ценности японских юношей (образование, общественное признание и материально обеспеченная жизнь) и девушек (материально обеспеченная жизнь, уверенность в себе и образование). Рассматриваются также ценности, которые заняли последние места – это соответственно трудолюбие, хорошее здоровье, любовь и счастливая семейная жизнь, хорошее здоровье, наличие детей. Изучается синдром хикикамори – человека без ценностей, сознательно изолировавшего себя от окружающих и стремящегося к полной социальной изоляции. Подчеркивается, что хикикамори не имеют психических патологий, но зачастую полностью уходят в виртуальную реальность, не общаются с родственниками, путая день и ночь. Часто хикикамори демонстрируют суицидальное и агрессивное поведение. Раскрываются социально-обусловленные причины появления хикикамори в японском обществе, имеющие культурно-исторические корни. В современной Японии все большую популярность приобретает культ хикки-отшельников, которые вели аскетичную жизнь.

Ключевые слова: молодежь, ценности, ранжирование, хикикамори.

Информация о статье: Дата поступления 15 августа 2018 г.; дата принятия к печати 13 сентября 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2018 г.

Для цитирования: Нагорнова А.Ю. Характеристика ценностей японской молодежи и синдром хикикамори. *Социальная компетентность*. 2018;3(3):84–88.

CHARACTERISTICS OF JAPANESE YOUTH VALUES AND HIKIKAMORI SYNDROME

© Anna Yu. Nagornova,

Tokyo University,
2-8-15, 102 Sengoku-ku, Tokyo 112-0011, Japan

Abstract: The article reviews the results of the study of modern Japanese youth values in two clusters – young males and females. Respondents were asked to name 10 priority personal values arranging them in order of importance starting with the first one - “the most significant”. The survey was conducted in 2017–2018 among students of middle and high schools in Tokyo and students of various fields of study at Tokyo State University. The article describes in detail the priority values of Japanese young males (education, public recognition and financially secure life) and young females (financially secure life, self-confidence and education). It also examines the values that ranked last; they are: hard work, good health, love and a happy family life, parental status respectively. The author studies the syndrome of a hikikamori, a person without values, consciously isolating himself/herself from others and striving for complete social isolation. Hikikamori do not have mental pathologies, but often completely go into virtual reality, do not communicate with relatives, and do not know whether it is night or day. Often they demonstrate suicidal and aggressive behavior. Cultural and historical roots of the reasons for emergence of hikikamori in Japanese society are revealed. In modern Japan, the cult of hikki-hermits who lived a sheltered life is becoming increasingly popular.

Keywords: youth, values, ranking, hikikamori

Article info: Received August 15, 2018; accepted September 13, 2018; available online September 30, 2018.

For citation: Nagornova A.Yu. Characteristics of Japanese youth values and hikikomori syndrome. *Sotsial'naya kompetentnost'* = *Social Competence*. 2018;3(3): 84–88. (In Russ.).

Япония – страна современных технологий и технического прогресса, открывающая множество возможностей для человека, проживающего в ней (История и культура традиционной Японии, 2011; Кузнецов, 1983; Лютикова, 1995; Мараини, 1980; Овчинников, 1988; Человек и мир в Японской культуре, 1985). Японская молодежь стремится взять максимум благ от общества, в котором проживает, как можно больше усвоить и получить в юности, чтобы обеспечить себе достойную старость.

Молодежь в любом государстве – основной резерв для будущего развития государства, каковы актуальные ценности молодых людей, таков и будет государственный путь развития страны в ближайшие десятилетия.

Конечно, в историческом контексте ценности японской молодежи менялись и современные молодые люди считают важным то, что не являлось главным для их родителей и тем более их бабушек и дедушек.

Настоящее исследование проводилось в 2017–2018 гг. среди учеников средних и старших школ г. Токио и студентов различных специальностей Токийского государственного университета. Возраст респон-

дентов – 15–22 года, из них 54 % – юноши и 46 % – девушки. Общее количество опрошенных – 312 чел.

Респондентам предлагалось назвать 10 приоритетных личностных ценностей, расположив их в порядке значимости, начиная с первой – «самой значимой». Необходимо отметить, что сразу были выявлены два кластера – юноши и девушки, имеющие различные ценностные приоритеты (таблица).

Японские юноши предпочитают отдавать таким ценностям, как образование, общественное признание и материально обеспеченная жизнь, что обуславливается реалиями современного японского общества. Молодой человек должен окончить престижную старшую школу (три года обучения с 15 до 18 лет) и поступить в престижный вуз, чтобы получить хорошую работу, которая будет обеспечивать его всю жизнь. Однако даже поступление в старшую школу является нелегким процессом, так как большинство таких школ частные, а в государственные очень высокий конкурс. Абсолютно все старшие школы в Японии платные, их стоимость превышает стоимость обучения в престижных вузах страны. Таким образом, японская молодежь финансово почти полностью

Ранжирование ценностей японской молодежи в зависимости от пола, %

Юноши	Доля, %	Девушки	Доля, %
Образование (возможность получения престижного образования)	75	Материально обеспеченная жизнь	62
Деловая карьера	51	Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений, независимость в поступках)	58
Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе, учебе)	45	Образование (возможность получения престижного образования)	37
Материально обеспеченная жизнь	44	Внешний вид	37
Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений, независимость в поступках)	42	Любовь	33
Развлечения (удовольствия, приятное времяпровождение)	34	Развлечения (удовольствия, приятное времяпровождение)	29
Интересная работа	33	Интересная работа	15
Трудолюбие	30	Счастливая семейная жизнь	14
Хорошее здоровье	11	Хорошее здоровье	10
Любовь	5	Наличие детей	6

зависит от своих родителей и их накоплений. Получение же образовательного кредита молодым японцем в банке также зависит от состояния счета его ближайших родственников. Это подтверждает стоящая на четвертом ранговом месте ценность – уверенность в себе (Арутюнов, 1991; История Японии 1945–1975, 1978). Японская молодежь приобретает минимальную финансовую независимость от своих родителей к 30 годам, а завести собственную семью японцы-мужчины зачастую решаются только к 40–45 годам, когда могут себе позволить купить собственное жилье и материально обеспечивать жену и детей. Этим же объясняется значительный (до 20 лет) разрыв в возрасте между супругами. Деловую карьеру (второе место) юноши ставят выше интересной работы, так как карьерный рост предполагает ежегодные прибавки к заработной плате и премии. Поэтому работа должна приносить деньги, даже если она не очень нравится человеку. На последнем месте располагается любовь. Прагматичное общество требует постоянной погони за материальными благами, отношения и в молодом возрасте отодвигаются на второй план (Эйдус, 2016). В Японии велик процент мужчин, сознательно не желающих иметь семью и детей и полностью посвятивших себя работе. Увеличивается количество мужчин, никогда не вступавших в половую связь или впервые вступивших в такую связь после 40 лет.

Исходя из изложенного, становятся понятны выборы ценностей японскими девушками. Первые три места отданы таким ценностям, как материально обеспеченная жизнь, уверенность в себе и образование. Следующие три по значимости ценности, названные молодыми японками – внешний вид, любовь и развлечения, иллюстрируют желание девушек добиваться расположения партнеров с различными целями. Отметим, что большая часть из опрошенных девушек не стремилась к заключению брака, а демонстрировала желание найти богатого покровителя, любовника в возрасте 40–60 лет (это, как говорилось, наиболее состоятельный возрастной слой японских мужчин). Многие девушки решают даже после окончания престижных учебных заведений нигде не работать, так как предпочтение при выборе кандидата на то или иное вакантное место или должность будет отдано мужчине. Даже высококвалифицированным женщинам меньше платят и реже делают

прибавку к заработной плате. Поэтому для многих девушек обучение в престижных вузах – это основная возможность найти «перспективного» мужа.

Важно отметить, что такая ценность, как наличие детей находится для японских девушек на последнем десятом месте, у японцев-юношей эта ценность вообще выведена за список приоритетов. Основной аргумент к отсутствию детей для опрошенных заключается в том, что «дети – это дорого». Платные детские сады, старшие школы, вузы, поздняя финансовая независимость отпрысков, необходимость постоянно откладывать деньги и лишать себя удовольствий в молодом возрасте делает наличие детей трудоемким и экономически «невыгодным» занятием. Возможно, в этом кроется основная причина тотального падения рождаемости в Японии (Судзуки, 1998; Флиер, 1999).

Интересно, что такая значимая ценность, как хорошее здоровье также находится на последних местах и у юношей, и у девушек. Это связано как раз с достаточно высокими показателями физического здоровья среди школьников и молодежи (Вербицкий, 1988). Нормой для японского общества является постоянный контроль физических параметров и веса с помощью регулярных занятий физической культурой на свежем воздухе (50 % времени на занятиях уделяется легкой атлетике, различным спринтам), закаливания, обязательных физкультурных кружков в школах – букацу (футбол, баскетбол, плавание, карате, теннис, бадминтон, настольный теннис и т. д.). Средний возраст обращения японцев за постоянной медицинской помощью – 72 года. Можно констатировать, что японские дети достаточно здоровы.

Проведенное исследование показало, что в японском обществе присутствуют свои культурные особенности, которые, безусловно, накладывают отпечаток на результаты опроса. Например, существуют специфические категории молодых людей, широко не представленные нигде, кроме японских островов. Это в первую очередь хикикомори – молодые люди, сознательно изолировавшие сами себя от окружающих и стремящиеся к полной социальной изоляции (могут годами не покидать дома). Решения хикикомори при этом не связаны с наличием у них психических патологий. Они не учатся, не работают и находятся на иждивении у родителей (Гессе-

Вартег, 1902; Эйдуc, 2016).

Хикикамори – это в самом общем смысле («человек без ценностей»). Зачастую такие молодые люди полностью уходят в виртуальную реальность. Появление хикикамори имеет в Японии культурные и исторические корни. Исторически одиночество для японцев – это проявление аскетичности и самопознания. Поэтому, начиная с 70-х гг. прошлого века, в Японии возобновился интерес к древнему культу хикки-отшельников. О хикикамори пишут книги, снимают анимэ-фильмы и передачи. Есть специальные группы помощи людям-отшельникам.

Однако социально-обусловленные причины появления хикикамори лежат в традиционном укладе японского общества, в системе жестких правил и стандартов, которым должен соответствовать каждый японский гражданин. Повторим, что престижное образование – это обеспеченное будущее японца, поэтому родители часто требуют от своих детей высоких баллов по тестам в средней и старшей школе (в младшей школе обучение безотметочное). К школьным занятиям (длятся они до 16 ч дня) прибавляются каждодневные занятия в спортивных кружках до 18 ч (если ребенок не показывает значительных достижений в спорте, он позорит семью) и занятия в школе дополнительного образования – джукэ – дорогостоящем учреждении, также полностью оплачиваемом родителями (до 20–21 ч). Японские подростки постоянно находятся в утомленном состоянии, не успевают делать домашние задания и часто спят на уроках в школе (Public Spheres, Private Lives in Modern Japan 1600–1950: Essays in Honor of Albert Craig,

2005). Естественно, такой режим дня полностью выматывает молодых людей и они отказываются от этой реальности в пользу («уютного») замкнутого пространства в своем доме.

Настоящий японец – это сдержанный и нетактильный человек, которому стыдно показывать свои эмоции. Все внутренние и внешние проблемы нужно скрывать от окружающих. Часты случаи переезда семей из одного города в другой из-за того, что ребенок не поступил в престижный вуз. Такой исторически сложившийся типаж японца, всегда скрывающего свое «истинное лицо» – также близкий путь к вынужденному отшельничеству. Хикикамори отвергают общество и не имеют с ним ничего общего. Часто такие молодые люди даже не общаются со своими родственниками, путают день и ночь и в одиночестве съедают еду, оставленную им под дверь. Были случаи, когда молодые люди выходили из своего состояния хикикамори, но они немногочисленны, и это скорее исключение. Часто хикикамори демонстрируют суицидальное и агрессивное поведение.

Японская молодежь включена в самобытные отношения, но вместе с тем молодые люди проживают и в современном информационно-индустриальном мире, их предпочтения и проблемы примерно такие же, как у молодежи в других развитых странах. Молодые японцы – прогрессивная, целеустремленная и работоспособная часть японского общества. Японская молодежь в своем большинстве не стремится уехать на заработки за границу и считает свою страну очень комфортной и безопасной, главное не страшит своего будущего и завтрашнего дня.

Библиографический список

Арутюнов С.А., Джарылгасимова Р.Ш. Япония: народ и культура. М.: Знание, 1991. 64 с.

Вербицкий С.И. Япония на пороге XXI века. М.: Знание, 1988. 64 с.

Гессе-Вартег Э. Япония и японцы. Жизнь, нравы и обычаи современной Японии. СПб.: А.Ф. Девриен, 1902. 283 с.

История и культура традиционной Японии // История и культура Японии: материалы XI конф. Вып. 2. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 484 с.

References

Arutyunov S.A., Dzharlygasimova R.Sh. *Yaponiya: narod i kul'tura* [Japan: people and culture]. Moscow: Znanie Publ., 1991, 64 p. (In Russian).

Verbitskii S.I. *Yaponiya na poroge XXI veka* [Japan at the turn of the twenty first century]. Moscow: Znanie Publ., 1988, 64 p. (In Russian).

Gesse-Varteg E. *Yaponiya i yaponsy. Zhizn', nrayi i obychai sovremennoi Yaponii* [Japan and Japanese: life, manners and customs of modern Japan]. Saint Petersburg: A.F. Devrien Publ., 1902, 283 p. (In Russian).

Istoriya i kul'tura traditsionnoi Yaponii [History and culture of traditional Japan]. *Materialy XI konferentsii Istoriya i kul'tura Yaponii* [Proceedings of the XI conference "History and culture of Japan"].

История Японии 1945–1975. М.: Наука, 1978. 542 с.

Кузнецов Ю.Д. Социально-классовая структура современной Японии. М.: Наука, 1983. 200 с.

Лютикова Г.В. Компьютерная цивилизация – Технотронный сон наяву // Культура в современном мире: опыт, решение проблемы: науч.-инф. сб. Вып. 6. М.: Изд-во Российской государственной библиотеки, 1995. С. 62–65.

Мараини Ф. Япония: образы и традиции. М.: Планета, 1980. 200 с.

Овчинников В.В. Ветка сакуры: рассказ о том, что за люди японцы. Изд. 4. М.: Молодая гвардия, 1988. 219 с.

Судзуки М. Японская духовность: в поисках новых ценностей // Япония сегодня. 1998. № 8. С. 8–15.

Флиер А.Я. Массовая культура и ее социальные функции // Наука о культуре: итоги и перспективы: науч.-инф. сб. Вып. 2. М.: Изд-во Российской государственной библиотеки, 1999. С. 138–148.

Человек и мир в Японской культуре: сб. ст. / ред. Т.П. Григорьева. М.: Наука, 1985. 280 с.

Эйдус Х.Т. Послевоенная Япония. М.: Огни, 2016. 655 с.

Public Spheres, Private Lives in Modern Japan 1600–1950: Essays in Honor of Albert Craig. М.: Harvard University Asia Center, 2005. 432 с.

Iss. 2. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011, 484 p. (In Russian).

Istoriya Yaponii 1945–1975 [History of Japan]. Moscow: Nauka Publ., 1978, 542 p. (In Russian).

Kuznetsov Yu.D. *Sotsial'no-klassovaya struktura sovremennoi Yaponii* [The social class structure of modern Japan]. Moscow: Nauka Publ., 1983, 200 p. (In Russian).

Lyutikova G.V. *Komp'yuternaya tsivilizatsiya – Tekhnotronnyi son nayavu* [Computer civilization – technotronic day dream]. *Kul'tura v sovremennom mire: opyt, reshenie problem* [Culture in modern world: experience, solutions to problems]. Iss. 6. Moscow: Izdatel'stvo Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki Publ., 1995, pp. 62–65. (In Russian).

Maraini F. *Yaponiya: obrazy i traditsii* [Japan: images and traditions]. Moscow: Planeta Publ., 1980, 200 p. (In Russian).

Ovchinnikov V.V. *Vetka sakury: rasskaz o tom, chto za lyudi yapontsy* [The sakura branch: the story of what Japanese people are]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1988, 219 p. (In Russian).

Sudzuki M. Japanese spirituality: in search of new values. *Yaponiya segodnya* [Japan today], 1998, no. 8, pp. 8–15. (In Russian).

Flier A.Ya. *Massovaya kul'tura i ee sotsial'nye funktsii* [Mass culture and its social functions]. *Nauka o kul'ture: itogi i perspektivy* [Science about culture: results and perspectives]. Iss. 2. Moscow: Izdatel'stvo Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki Publ., 1999, pp. 138–148. (In Russian).

Grigor'eva T.P. *Chelovek i mir v Yaponskoi kul'ture* [Human and world in Japanese culture]. Moscow: Nauka Publ., 1985, 280 p. (In Russian).

Eidus Kh.T. *Poslevoennaya Yaponiya* [Post-war Japan]. Moscow: Ogni Publ., 2016, 655 p. (In Russian).

Public Spheres, Private Lives in Modern Japan 1600–1950: Essays in Honor of Albert Craig. Moscow: Harvard University Asia Center, 2005, 432 p.

Критерии авторства

Нагорнова А.Ю. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах

Нагорнова Анна Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, Токийский университет, 112-0011, Япония, Токио, Сенгоку-ку, 2-8-15, 102, e-mail: nagornova.ay@mail.ru

Criteria for Authorship

Nagornova A.Yu. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Author Credentials

Anna Yu. Nagornova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Tokyo University, 2-8-15, 102 Sengoku-ku, Tokyo 112-0011, Japan, nagornova.ay@mail.ru

**ДОСТУПНОСТЬ И КАЧЕСТВО ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

© Т.С. Соловьева

Вологодский научный центр Российской академии наук,
1600014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, 56а

Аннотация: Дошкольное образование выступает важнейшим компонентом образовательной системы, напрямую влияя на формирование человеческого потенциала детей раннего возраста. Неслучайно дошкольное образование было включено в перечень целей устойчивого развития ООН до 2030 г. В этой связи актуальным является обеспечение равного доступа всех без исключения детей к качественному дошкольному образованию. В статье рассматривается проблема доступности российского дошкольного образования и его качества на примере г. Вологды. На основании данных статистики и социологического опроса, проведенного Вологодским научным центром Российской академии наук в 2018 г., среди родителей детей, посещающих детские сады г. Вологды, анализируются возможности образовательной системы по удовлетворению спроса на дошкольное образование, а также оцениваются различные стороны работы детских садов. Исследование показало, что по-прежнему актуальным остается вопрос обеспеченности местами в детских садах детей в возрасте до трех лет. Отмечается, что при общих положительных оценках качества образования, питания, работы персонала, сохраняются и определенные проблемы, связанные с недостаточной материальной обеспеченностью, переуплотненностью групп, поступлением в детский сад раньше достижения ребенком возраста трех лет. Представляется, что решение обозначенных проблем будет способствовать как повышению доступности и качества дошкольного образования, так и достижению более глобальной цели – развитию человеческого потенциала молодого поколения.

Ключевые слова: дошкольное образование, доступность, качество, социологический опрос, родители.

Информация о статье: Дата поступления 1 августа 2018 г.; дата принятия к печати 3 сентября 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2018 г.

Для цитирования: Соловьева Т.С. Доступность и качество дошкольного образования: социологический аспект. *Социальная компетентность*. 2018;3(3):89–97.

ACCESSIBILITY AND QUALITY OF PRESCHOOL EDUCATION: SOCIOLOGICAL ASPECT

© Tatiana S. Solov'eva

Vologda research center of the Russian academy of sciences,
56A Gorky St., Vologda 160014, Russian Federation

Abstract: Pre-school education is the most important component of the educational system having a direct impact on the formation of young children's human potential. Not incidentally, pre-school education was included in the UN list of sustainable development goals up to 2030. In this regard, ensuring equal access of all children without any exception to quality preschool education is important. The article deals with the problem of accessibility and quality of Russian preschool education in case of Vologda city. The research is based on the statistics data and sociological survey among the parents of children attending Vologda kindergartens (VolIRC RAS, 2018). The author analyzes the possibilities of the educational system to cope with the demand for pre-school education and estimates various aspects of the kindergarten work. The research shows that problem in ensuring kindergarten places for children under the age of three is still pressing. It notes that despite an overall positive assessment of the quality of education, nutrition, staff performance, there are also some problems related to the lack of material security, overcrowding, admission to kindergarten before a child reaches the age of three years. The solution to these problems will contribute both to accessibility and quality of pre-school education and the achievement of the more global goal – the development of young generation' human potential.

Keywords: preschool education, accessibility, quality, sociological survey, parents

Article info: Received August 1, 2018; accepted September 3, 2018; available online September 30, 2018.

For citation: Solov'eva T.S. Accessibility and quality of preschool education: sociological aspect. *Sotsial'naya kompetentnost'* = *Social Competence*. 2018;3(3): 89–97. (In Russ.).

Дошкольное образование является первой и важнейшей ступенью общего образования, которая во многом определяет возможности дальнейшего развития ребенка. В данном контексте основной целью государственной образовательной политики выступает обеспечение равных условий для получения качественного дошкольного образования. В этой связи в последние годы был принят ряд нормативно-правовых документов, направленных на достижение данной цели:

- «майские» указы Президента России и Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273 в 2012 г.;

- Федеральный государственный стандарт дошкольного образования в 2013 г.;

- профессиональный стандарт педагога дошкольного образования в 2014 г.;

- «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» в 2015 г. и др.

В то же время, как показывают исследования (Александрова, Ненахова, 2015; Клячко, Семионова, Токарева, 2018; Леонидова, Головчин, Соловьева, 2018), проблемы с обеспеченностью детей качественным дошкольным образованием сохраняются. Особенно это касается доступности детских садов для детей в возрасте до 3-х лет. Неслучайно в Указе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. Президент России поставил задачу к 2021 г. достичь 100 %-й доступности дошкольного образования для детей в возрасте до 3-х лет (Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»).

В настоящем исследовании на примере г. Вологды рассматривается проблема доступности дошкольного образования и его качества. Для достижения поставленной цели представим объективную картину развития дошкольного образования, основываясь на материалах официальной статистики.

В г. Вологде за 2000–2016 гг. количество детских садов выросло с 78 до 88 единиц (табл. 1). По данным на 2017 г. в областном центре функционирует 88 образовательных организаций, реализующих программу дошкольного образования, которые посещает в общей сложности 22 631 ребенок. За рассматриваемый период количество воспитанников в детских садах увеличилось на 77 % (т. е. на 9 836 чел.), в то время как число мест практически не изменилось: в 2000 г. их насчитывалось 17 047, в 2016 г. на 9 % больше – 18 673 места.

Дошкольные образовательные организации работают со значительной «перегрузкой», поскольку численность воспитанников превышает число мест в них. На 100 мест приходится 117 воспитанников, тогда как еще в 2000 г. соответствующий показатель составлял 75 чел. Следствием этого процесса является переукомплектованность групп, в результате чего складывается неудовлетворительная санитарно-эпидемиологическая обстановка, что в свою очередь негативно отражается на здоровье детей. За анализируемый период из всех дней, которые дети не посещали детские сады (порядка 1,5 млн), около трети были пропущены по причине болезни.

Возрастающий спрос на услуги системы дошкольного образования остается неудовлетворенным, главным образом, за счет очереди в детские сады детей до 3-х лет. На 2018 г., по данным Управления образования г. Вологды, 10 660 детей этого возраста состоят на учете для поступления в дошкольные образовательные организации. При этом актуальный спрос составляет 2 689 чел. (от 0 до 2-х лет – 533 чел., от 2-х до 3-х лет – 2 136 чел.), отложенный – 7 971 (от 0 до 2-х лет – 7 183 чел., от 2-х до 3-х лет – 786 чел.).

Как отмечено в публичном докладе Администрации г. Вологды о социально-экономическом развитии города за 2017 г., участие в проекте по модернизации дошкольного образования помогло за 3 года ввести 1 530 новых мест в 4 вновь построенных детских садах, что позволило довести показатель обеспеченности доступности

Основные показатели функционирования дошкольного образования в г. Вологде за 2000, 2005, 2010, 2015 и 2016 г.

Показатель	2000	2005	2010	2015	2016
Количество дошкольных образовательных учреждений (на конец года, ед.)	78	78	82	87	88
Число мест в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми (на конец года, ед.)	17 047	16 961	13 698	18 351	18 673
Численность воспитанников, получающих дошкольную образовательную услугу (на конец года, чел.)	12 795	14 827	16 781	21 396	21 654
Численность педагогических работников в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми (на конец года, чел.)	1 823	2 030	1 891	2 086	2 083
Численность детей, стоящих на учете для определения в дошкольные образовательные учреждения (на конец отчетного года, чел.)	–	3 640 (2006 г.)	4 994	0	0

Составлено по данным Вологдастата. URL: http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/ru/statistics/sphere/

дошкольного образования для детей в возрасте от 3-х до 7-ми лет до 100 % (Публичный доклад Администрации города Вологды о социально-экономическом развитии города за 2017 год, 2018. С. 23–25).

Одним из главных критериев при оценке качества образования является удовлетворенность родителей функционированием дошкольной образовательной организации и предоставляемыми ей услугами. В связи с этим в 2018 г. Вологодским научным центром Российской академии наук было проведено исследование качества работы детских садов с помощью социологического опроса родителей воспитанников дошкольных образовательных организаций г. Вологды¹.

Как показали данные опроса, большинство детей респондентов начали посещать детский сад с 2-х лет. При этом около 15 % детей ранее посещали частный детский сад, что может указывать на существование проблемы, связанной со своевременным предоставлением мест ребенку в детском саду, а также на сохранение нестабильной ситуации по охвату дошкольным образованием детей в возрасте 1,5–3-х лет. Об этом говорят и итоги опроса, в соответствии с которыми у 58 % родителей дети, посещавшие частный детский сад, находились в возрасте 1,5–2-х лет, у 19 % – от 2-х лет до 2-х лет и 11 мес. (табл. 2). Средняя продолжительность посе-

Таблица 2

Дети, посещавшие частный детский сад, из-за отсутствия места в государственном образовательном дошкольном учреждении*

Возраст	Среднее значение по опросу, %
До 1,5 лет	14,7
1,5–2 года включительно	58,4
2 года – 2 года 11 мес.	18,9
3 года и старше	6,3

* Данные сформированы на основе ответов респондентов, у которых дети посещали частный детский сад.

¹ Опрос проводился в 30 детских садах г. Вологды, расположенных в каждом территориальном округе, включая окраинные районы, которые совпадают с избирательными округами. Выборка

квотная, гнездовая (N = 885). Квоты рассчитаны относительно пропорций генеральной совокупности (N = 21 311), распределенных по выделенному признаку (возрасту ребенка).

щения ребенком частного детского сада составляет порядка 1 года (11,7 мес.)

Основной причиной, по которой дети посещали частный детский сад, является отсутствие свободных мест в государственном учреждении (75 %), 13 % респондентов в качестве основного фактора, повлиявшего на выбор частного детского сада, назвали близость к дому (табл. 3). Это указывает на то, что далеко не всегда государственный детский сад, в котором предоставляется место, находится в шаговой доступности. Помимо этого 12 % родителей считают, что в частном дошкольном учреждении уход и присмотр за ребенком будут более качественными (в том числе и из-за меньшей наполняемости групп).

По словам некоторых родителей, устройство ребенка в частный детский сад предопределила необходимость выхода на

работу из-за нехватки денежных средств. Кроме того, отмечалось, что в государственный детский сад тяжело попасть раньше достижения ребенком 2-3-х лет.

Как показал опрос, при выборе детского сада для своего ребенка родители руководствуются следующими причинами:

- близость к дому (69 %);
- квалификация педагогического состава (39 %);
- наличие дополнительных развивающих занятий с детьми (30 %).

Наименее значимыми обстоятельствами, по мнению респондентов, являются хорошая материальная база и техническая оснащенность детского сада, простота поступления, хороший контингент детей и посещение ребенком ранних групп краткосрочного пребывания (табл. 4).

Таблица 3

Причины, по которым ребенок посещал частный детский сад*

Причина	Среднее значение по опросу, %
Отсутствие свободных мест в государственных (муниципальных) детских садах	75,2
Близость к дому	12,8
Качественные услуги по уходу и присмотру за ребенком	12,0
Небольшая наполняемость групп	11,3
Качественные образовательные услуги	6,0
Профессиональный педагогический состав	4,5
Приемлемые условия оплаты	4,5
Другое	15,8

*Ранжировано в порядке убывания. Данные сформированы на основе ответов респондентов, у которых дети посещали частный детский сад.

Таблица 4

Причины выбора определенного государственного детского сада, который в настоящее время посещает ребенок*

Причина	Среднее значение по опросу, %
Находится рядом с домом	69,0
В саду работают высококвалифицированные педагоги	38,7
Проводятся дополнительные развивающие занятия с детьми	30,3
Ведется хорошая подготовка к школе	22,7
По совету родственников (друзей, знакомых и т. д.)	16,2
Детский сад считается престижным	10,6
Хорошая материальная база и техническая оснащенность детского сада (помещения, бассейн, спортзал, игровая площадка и т. д.)	7,6
В сад было легко попасть, были свободные места	7,5
Хороший контингент детей	3,6
Ребенок ранее посещал в саду группу краткосрочного пребывания	0,2
Другое	15,2

*Ранжировано в порядке убывания.

Помимо этого, около 8 % родителей указали, что не имели возможности выбрать детский сад для своего ребенка.

При поступлении ребенка в детский сад 34 % родителей выбирали между несколькими учреждениями. При этом 27 % респондентов при выборе пользовались материалами сайтов организаций дошкольного образования, еще по 5 % – информацией с сайта Управления образования г. Вологды и различных социальных сетей и форумов и 58 % отметили, что не принимали в расчет данные материалы (табл. 5).

Для получения информации о детских садах только 17 % родителей обращались в муниципальные органы управления образованием, это, возможно, связано с тем, что ответы на многие интересующие вопросы можно найти как на сайтах детских садов, так и на сайте Управления образования г. Вологды. В муниципальные органы управления образованием родители обращались по следующим вопросам: наличие мест в детском саду (53 %), необходимые для устройства ребенка документы (61 %), специфика работы конкретного детского сада (15 %). Не получили необходимой информации при обращении только 2 % родителей.

Важным показателем работы детского сада является удовлетворенность ребенка и его психологическое самочувствие. Согласно опросу, 90 % детей с удовольствием посещают детский сад. Основными причинами нежелания ребенка ходить в детский сад являются психологические особен-

ности (50 %), период адаптации (24 %) и некомфортный психологический климат в группе (11 %).

По результатам исследования в среднем по городу качество образования в той или иной степени удовлетворяет практически всех респондентов (рис. 1). В то же время необходимо отметить, что негативные оценки («большой частью не удовлетворяет») и «совершенно не удовлетворяет») составляют незначительную долю.

Большинство родителей (83 %) отметили, что в детском саду, который посещает их ребенок, предоставляются платные образовательные услуги. Наиболее распространенными занятиями на платной основе являются хореография, математика, футбол, чтение, музыка и пение, дополнительные развивающие занятия и т. д. В то же время прослеживается преобладание одного вида занятий в каждом детском саду, что говорит о небольшом разнообразии предоставляемых услуг. В результате родители не имеют возможности выбрать тот или иной вид дополнительного обучения.

С 1 января 2014 г. вступил в силу Федеральный государственный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО). Однако далеко не все родители в связи с этим заметили изменения в работе детских садов (табл. 6). Так, 42 % родителей затруднились ответить, привело ли введение нового стандарта к каким бы то ни было изменениям, 14 % отметили, что никаких изменений не произошло. Тем не менее, 35 % опрошенных родителей указали на появление новых дополнительных занятий.

Таблица 5

Использование материалов интернет-сайтов при выборе детского дошкольного учреждения*

Причина	Среднее значение по опросу, %
Не использовали, так как не было необходимости	57,5
Использовали материалы сайтов дошкольных организаций	26,5
Пользовались информацией с других сайтов (социальные сети, форумы и т. д.)	5,8
Изучали материалы сайта муниципального органа управления образованием	4,5
Не использовали, поскольку на них содержится недостаточно информации	4,3
Не использовали по другой причине	4,0
Затруднялись ответить	3,3

*Ранжировано в порядке убывания.

Рис. 1. Оценка степени удовлетворенности родителей качеством образования в детском саду, %

Таблица 6

Изменения, произошедшие, по мнению родителей, в детском саду в связи с введением Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования*

Изменения	Среднее значение по опросу, %
Затрудняюсь ответить	42,1
Да, появились новые дополнительные занятия	34,7
Нет, ничего не изменилось	13,6
Да, улучшилась работа родительского совета (комитета)	7,0
Да, в саду появились попечительские советы	6,2
Да, улучшилась материальная база (книги, игры, игрушки)	6,0
Да, улучшилось отношение воспитателей к детям	3,9
Другое	2,1

*Ранжировано в порядке убывания.

Одной из причин выбора того или иного детского сада респонденты назвали небольшую наполняемость групп. Однако, судя по данным опроса, 71 % родителей указали, что в группе, которую посещает их ребенок, 26 и

более человек. Это говорит о том, что проблемы доступности и охвата дошкольным образованием решаются экстенсивным способом за счет переуплотнения групп в детских садах (рис. 2). В среднем численность детей в группе составляет 27 чел.

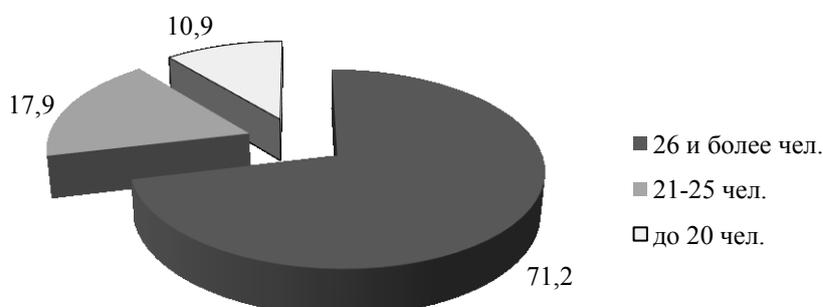

Рис. 2. Наполняемость группы, которую посещает ребенок в настоящее время, %

В целом родители достаточно высоко оценивают работу как управленческого, так и педагогического персонала (табл. 7). В то же время необходимо отметить, что работа воспитателей и вспомогательного персонала в среднем получила более высокие оценки. Возможно, это связано с тем, что работа воспитателей заметнее для родителей, так как они сталкиваются с ней каждый день.

Работой сотрудников детских садов г. Вологды родители в целом удовлетворены (табл. 8). Это касается таких аспектов, как компетентность, отношение к ребенку, микроклимат в группе и санитарно-гигиенические условия в детском саду.

Качество питания в детских садах, по оценкам родителей, достаточно высокое (84 %). Отрицательные отзывы были отмечены лишь в 7 % случаев (рис. 3).

Таблица 7

Оценка работы сотрудников детского сада в целом

Персонал	Оценка	Среднее значение по опросу, %
Заведующий детским садом	Удовлетворяет	89,2
	Не удовлетворяет	4,6
Управленческий персонал	Удовлетворяет	88,1
	Не удовлетворяет	2,4
Воспитатели	Удовлетворяет	97,4
	Не удовлетворяет	0,9
Вспомогательный персонал	Удовлетворяет	95,0
	Не удовлетворяет	1,1

Таблица 8

Оценка некоторых аспектов работы сотрудников детского сада в целом

Показатель	Оценка	Среднее значение по опросу, %
Компетентность (профессионализм) работников детского сада	Удовлетворяет	96,3
	Не удовлетворяет	0,8
Микроклимат в группе	Удовлетворяет	96,0
	Не удовлетворяет	1,2
Санитарно-гигиенические условия	Удовлетворяет	94,2
	Не удовлетворяет	3,4
Отношение воспитателей к ребенку	Удовлетворяет	97,8
	Не удовлетворяет	0,4

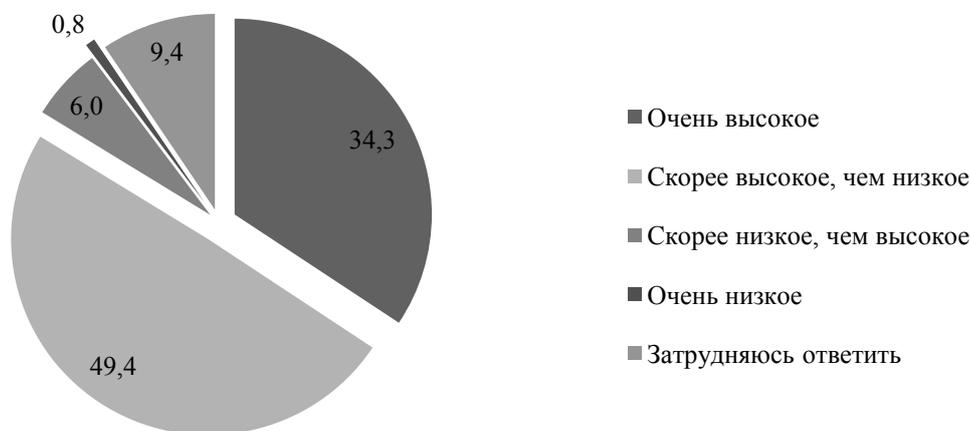

Рис. 3. Оценка родителями качества питания в детском саду, %

В отношении обеспеченности материальными ресурсами у родителей не сложилось однозначного представления: 35 % отметили, что она является достаточной и материальные ресурсы регулярно обновляются, 20 % имеют противоположную точку зрения. Тем не менее, несмотря на общую неопределенность в оценках материальной обеспеченности детских садов, по мнению родителей, данная компонента требует изменений в первую очередь (52 %). На втором месте по степени необходимости внесения изменений находится качество питания (14 %). Кроме того, родители считают необходимым изменить механизмы привлечения их пожертвований на нужды детского сада (9 %) (табл. 9).

ными психологическими особенностями. Поэтому в целом родительское сообщество удовлетворено качеством образования, которое предоставляется в детских садах, так же как и работой персонала. Однако сохраняются и определенные проблемы. К примеру, однообразие платных образовательных услуг в отдельных детских садах. Беспокоит родителей и высокая наполняемость групп (более 26 чел.), что является следствием «механического» решения проблемы обеспеченности местами в детских садах. Обеспеченность материальными фондами получила неоднозначную оценку родителей, что свидетельствует о повсеместном наличии проблемы. Неслучайно среди изменений, которые требуется внести

Таблица 9

Какие изменения, по мнению родителей, требуется произвести в детском саду

Показатель	Среднее значение по опросу, %
Материальная база и общее состояние помещений детского сада	52,1
Качество питания	14,1
Механизмы привлечения добровольных пожертвований родителей на нужды детского сада	9,4
Отношения между детьми в группе	7,0
Качество работы воспитателей в младшей группе	2,8
Качество работы воспитателей в группе	2,2
Отношения между ребенком (детьми) и воспитателем	2,0
Отношение воспитателей и администрации к родителям	1,5
Другое	7,9

*Ранжировано в порядке убывания.

Таким образом, несмотря на то, что у большинства респондентов дети посещают детский сад с 2–3-х лет, данные опроса показали, что сохраняется проблема обеспеченности местами детей в возрасте до 3-х лет. Особенно острой данная ситуация является для жителей тех районов, где число групп для детей ясельного возраста небольшое. При этом родители отмечают фактическое отсутствие возможности выбора государственного детского сада для своего ребенка. В то же время 90 % родителей указали, что ребенок посещает детский сад с удовольствием, а нежелание идти в сад, в основном, обуславливается индивидуаль-

в детских садах, на первое место родители поставили именно улучшение материальной базы и общего состояния помещений детского сада (52 %).

Проведенное исследование показало, что принимаемые государством меры по улучшению ситуации в сфере дошкольного образования, дали определенные положительные результаты. Однако необходимо продолжать дальнейшую работу в данном направлении с целью обеспечения равного доступа всех детей к качественному дошкольному образованию и созданию благоприятных условий для обучения и воспитания подрастающего поколения.

Библиографический список

Александрова О.А., Ненахова Ю.С. Перемены в дошкольном образовании: туда ли идет Россия? // Народонаселение. 2015. № 1 (67). С. 95–106.

Клячко Т.А., Семионова Е.А., Токарева Г.С. Доступность качественного дошкольного образования в России // Народное образование. 2018. № 1–2. С. 7–13.

Леонидова Г.В., Головчин М.А., Соловьева Т.С. Государственное дошкольное образование в оценках родительской общности // Вестник МИРБИС. 2018. № 2 (14). С. 132–139.

Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (30.07.2018).

Публичный доклад Администрации города Вологды о социально-экономическом развитии города за 2017 год [Электронный ресурс]. URL: http://vologda-portal.ru/oficialnaya_vologda/index.php?ID=383740&SECTION_ID=8610 (30.07.18).

Критерии авторства

Соловьева Т.С. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах

Соловьева Татьяна Сергеевна, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук, 1600014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, 56а, solo_86@list.ru

References

Aleksandrova O.A., Nenakhova Yu.S. Changes in the pre-school education: is Russia headed in the right direction? *Narodonaselenie* [Population], 2015, no. 1 (67), pp. 95–106. (In Russian).

Klyachko T.L., Semionova E.A., Tokareva G.S. Availability of high-quality pre-school education in Russia. *Narodnoe obrazovanie* [Public education], 2018, no. 1–2, pp. 7–13. (In Russian).

Leonidova G.V., Golovchin M.A., Solov'eva T.S. Public preschool education in the estimates of the parent community. *Vestnik MIRBIS* [MIRBIS Bulletin], 2018, no. 2 (14), pp. 132–139. (In Russian).

Prezident podpisal Ukaz "O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda" [The President signed the decree "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024"]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (accessed July 30, 2018).

Publichnyi doklad Administratsii goroda Vologdy o sotsial'no-ekonomicheskom razvitiy goroda za 2017 god [Public report of Vologda city administration about the socio-economic development of the city in 2017]. Available at: http://vologda-portal.ru/oficialnaya_vologda/index.php?ID=383740&SECTION_ID=8610 (accessed July 30, 2018).

Criteria for Authorship

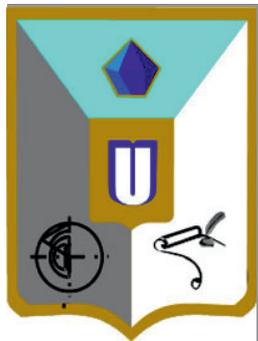
Solov'eva T.S. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Author's Credentials

Tatiana S. Solov'eva, a research associate of Vologda research center of the Russian academy of sciences, 56A Gorky St., Vologda 160014, Russian Federation, solo_86@list.ru

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Сетевое издание

Том 3, № 3 2018

Редактор Т.И. Кочульская
Ответственный за выпуск Е.Г. Копалкина
Перевод на английский М.И. Поповой
Верстка Н.П. Дзюндзя

SOTSIA@COM

ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»